

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 27 ИЮЛЬ 1988

ГЕРОИЗМ
С КУПЮРАМИ

ПУБЛИЦИСТИКА
БОРИСА МОЖАЕВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ
К РОМАНТИЗМУ

ЧТО ТЫ ДАЛ ПЕРЕСТРОЙКЕ?

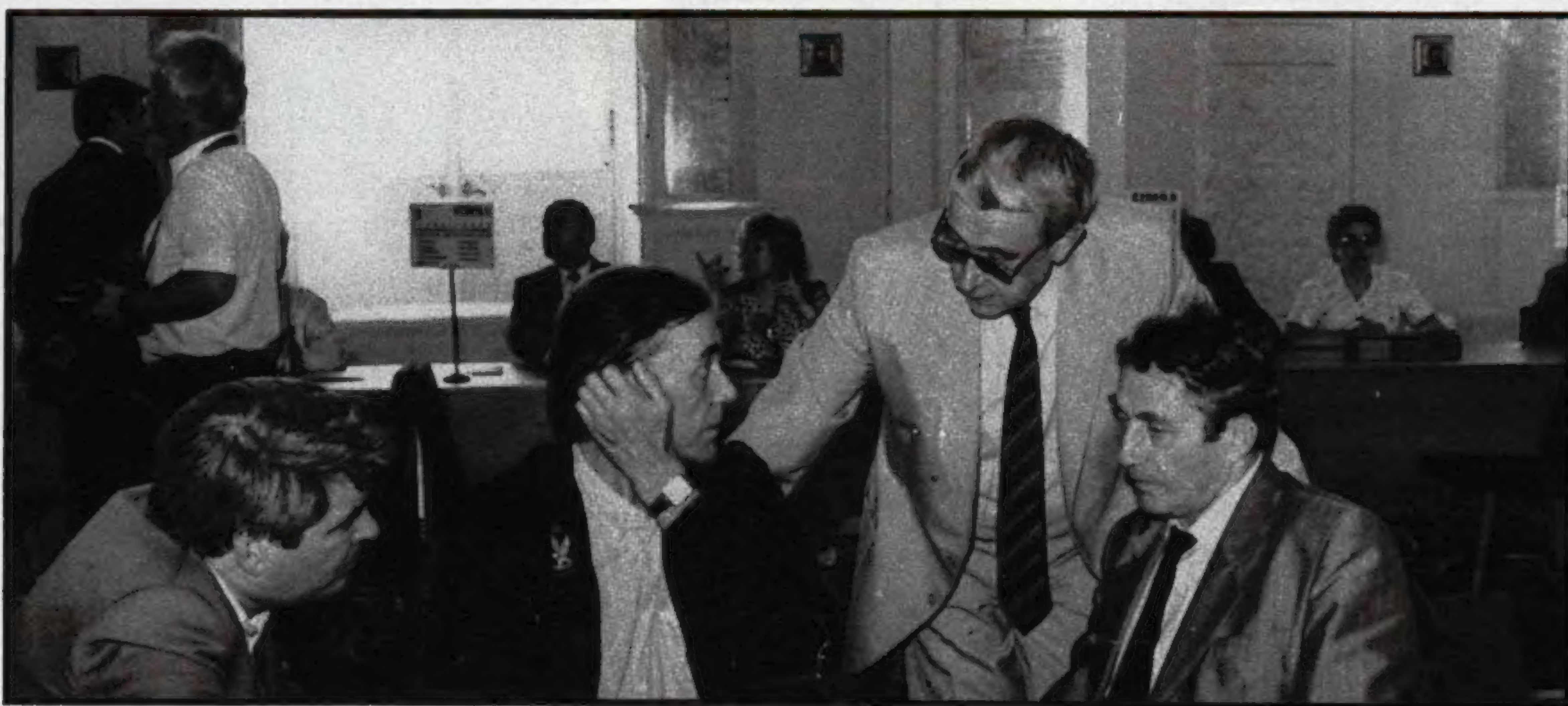
136

И. Васильев, М. Ульянов и М. Вагин

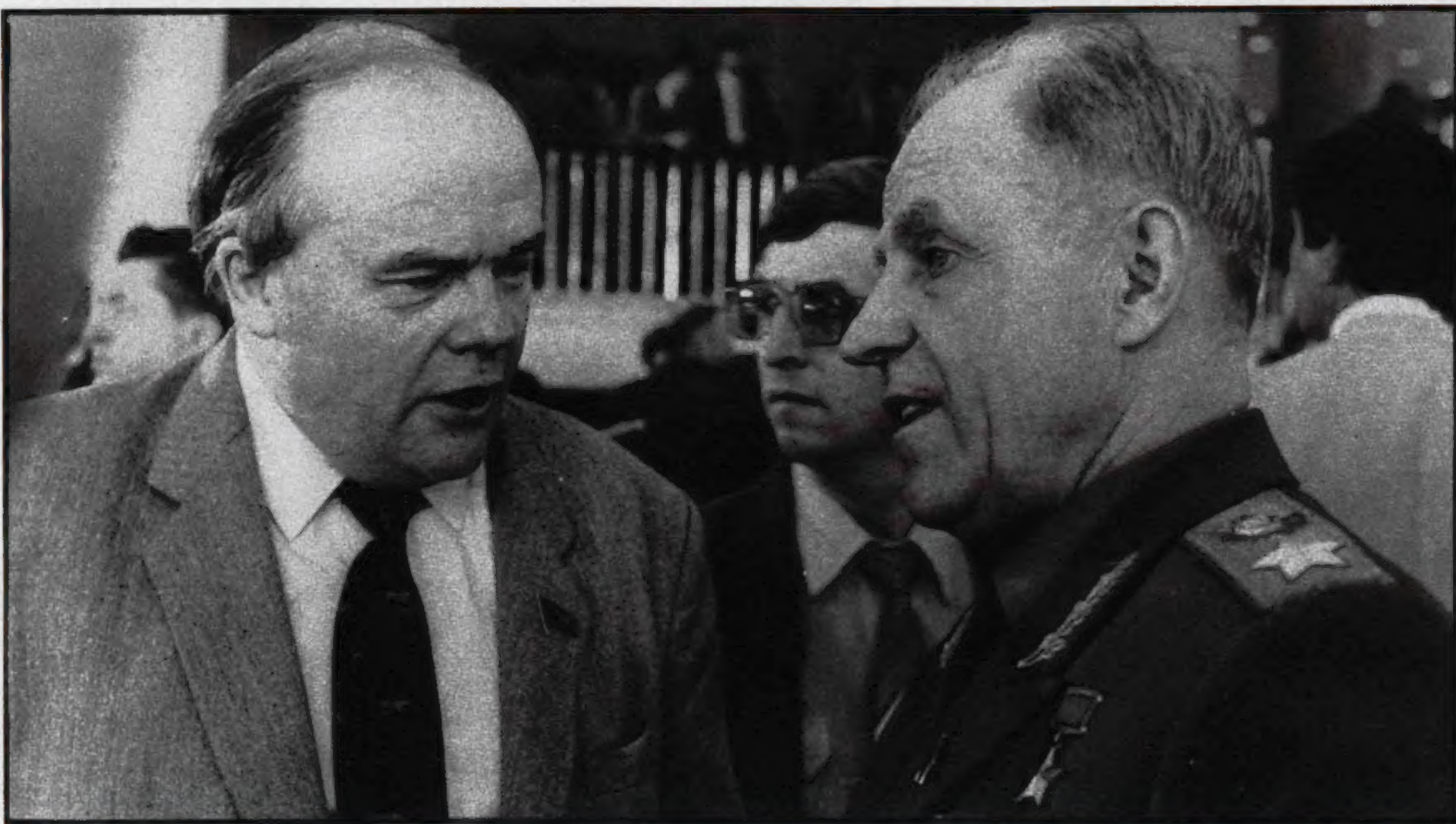
ДЕЛЕГАТЫ XIX ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КПСС

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

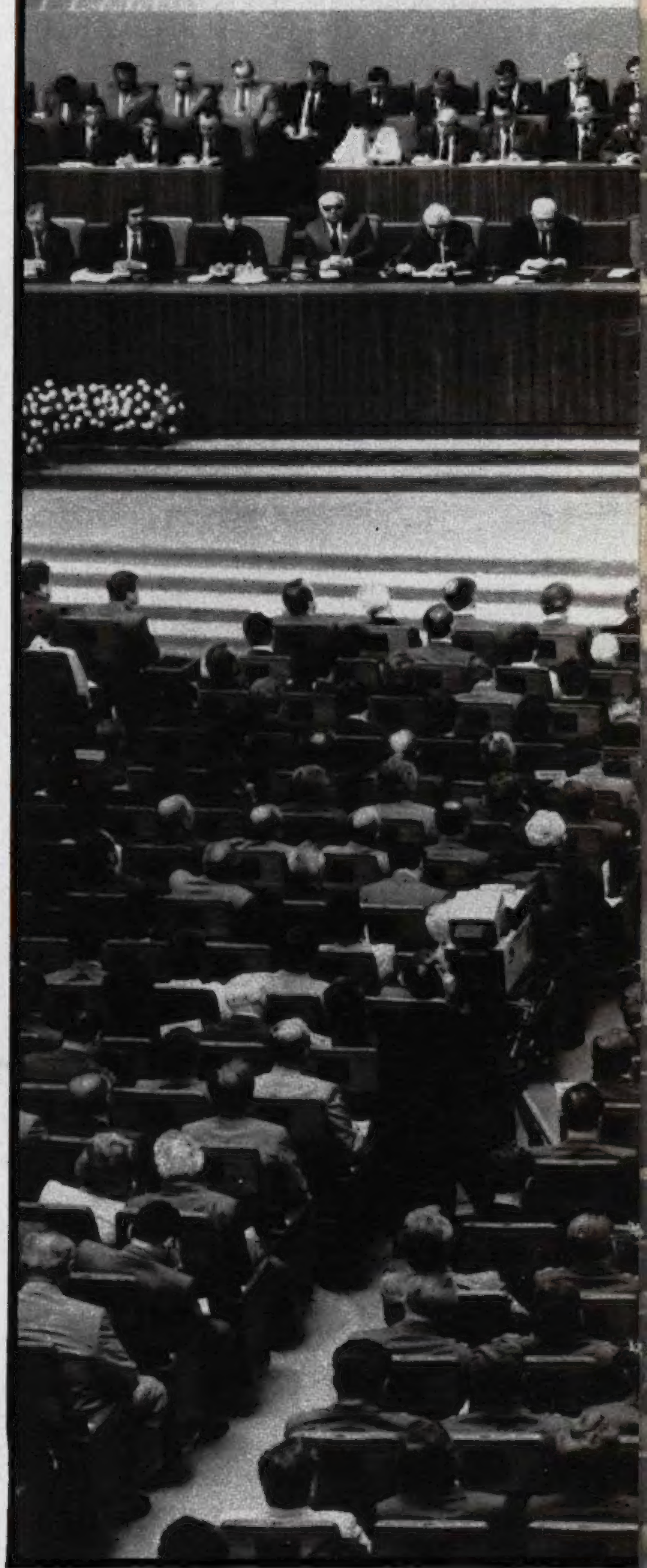

Ю. Афанасьев, Э. Климов, Е. Яковлев и Г. Бакланов

Е. Велихов и С. Ахромеев.

**XIX
ВСЕСОЮЗНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
КПСС**

ПЕРЕСТРОЙКА НЕ

ОБРАТИМА!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 27 (3180)

2 — 9 ИЮЛЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор

В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

**Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
В. В. ГЛОТОВ**

(ответственный секретарь),

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель главного редактора),

Н. А. ЗЛОБИН,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

А. Б. СТУКОВ,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,

В. Б. ЧЕРНОВ,

В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Ижевск. Машинист манипулятора Виктор Новокрепцов из объединения «Буммаш». (См. в номере материал «Как первая любовь...»).

Фото Геннадия КОПОСОВА.

Оформление **Е. М. КАЗАКОВА**
при участии **Т. А. НОВРУЗОВОЙ**

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Между-
народный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-39; Морали и писем —
212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных
приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 13.06.88. Подписано к печати 28.06.88. А 00361. Формат 70 × 108½. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отг. 16,80. Тираж 1 800 000 экз. Заказ № 2533.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

**Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.**

В «Огоньке» № 14 за 1988 г. в фрагментах стенограмм «Круглого стола» участники разговора, подойдя вплотную, так и не сформулировали один вопрос, решение которого, по моему, сняло бы многие проблемы демократии и перестройки.

Участники разговора не до конца рассмотрели вопрос об отчетности выборных лиц перед избирателями, которой сейчас практически нет.

Статья 107 Конституции СССР предусматривает отчетность депутатов перед избирателями. В этой статье зафиксирована обязанность депутата без конкретных положений, регламентирующих ее своевременное выполнение. Необходимо дополнить обязанности депутатов, указать, что депутаты всех рангов обязаны отчитываться перед своими избирателями о своей деятельности ежемесячно. Например, двадцать—тридцать минут сообщение депутата, а полтора часа — ответы на вопросы избирателей в аудитории на 30—200 человек, не больше.

Такие отчетные встречи должны стать первейшей обязанностью депутатов. Выполнение этого требования должно быть первым критерием выполнения депутатами своих обязанностей. Невыполнение его влечет за собой отзыв депутата.

Для достижения действительной демократии и ускорения перестройки может быть достаточно одной такой встречи в месяц.

Представляется целесообразным узаконить достаточно частые встречи выборных лиц всех рангов со своими избирателями не только в системе государственного управления, но и во всех общественных и производственных организациях. Тогда была бы осуществлена настоящая демократия.

И. А. КРАСАВИН
Монино Московской области

Еще свежо оскорбление, нанесенное нашей стране безумным юнцом из ФРГ — М. Рустом. Виновные в этой халатности и мифизации, что граница на замке, наказаны. Получил отставку и наш земляк, дважды Герой Советского Союза, главнокомандующий войсками ПВО страны, мужественный и честный воин, отважный летчик, маршал авиации А. И. Колдунов. Я не подвергаю сомнению его деятельность как главнокомандующего войсками ПВО страны. Это не в моей компетенции. Дело в другом. Через две недели после решения Политбюро о снятии с должностных и ответственных постов ряда лиц, в том числе и А. И. Колдунова, наши местные власти (трудно определить и понять, что ими руководило и кто направлял их мысли) взяли и самолично убрали т. Колдунова из списка почетных граждан города Смоленска. Его портрет висел на аллее почетных граждан Смоленска в исторической части города. На Покровской горе есть аллея Героев Советского Союза, которыми смоляне гордятся. Так и на этой аллее исчез портрет летчика-героя А. И. Колдунова. Для чего такая скороспелая административная и не в меру ретивая «отзывчивость» некоторых наших руководителей городского и областного уровней.

Уважаемая редакция! Разве можно так вольно и казенно, бесчувственно и ранимо обращаться с историей и ратными подвигами А. И. Колдунова, который защищал Родину достойно, как истинный гражданин Отечества. В мирное время он не справился со своими обязанностями и всенародно, публично осужден за это. Как можно казнить честное прошлое мужественного человека одним дежурным, конъюнктурным административным порывом.

В. А. СОНИН,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии СГПИ
им. К. Маркса
Смоленск

Примером скрытого противодействия перестройке является письмо Минюста РСФСР № 7-47-9 от 24.3.1988 г. «О Союзе адвокатов», подписанное зам. министра Г. Г. Черемных. По замыслу чиновников министерства Союз предполагается как общественная организация со многими функциями, кроме законодательной инициативы. Таким образом ими выхолщивается основная идея адвокатского Союза. Еще не родившийся Союз пеленают по рукам и ногам, не допуская его роста, пытаются ограничить его деятельность, отводят ему роль лишь методического центра, организовав Совет коллегий адвокатов, при сохранении общего руководства со стороны министерства. С бюрократической точки зрения Минюста Союз адвокатов без контроля органов юстиции не справится с перестройкой деятельности адвокатуры, с теми недостатками, которые присущи ей сегодня. Это неверие в здравые силы, имеющиеся в любой из 73 коллегий республики, боязнь полной самостоятельности Союза. Нас пугают также тем, что расходы на содержание рабочих органов Союза превысят один процент наших доходов.

Министерство никак не может отказать от метода выкручивания рук, но если раньше это был окрик, то теперь это звучит так: «Мы также имели в виду, что при создании Союза адвокатов органы юстиции на местах не будут заинтересованы возражать против предложений судов, нуждающихся в расширении помещений, о выселении из них юридических консультаций». Хотите свободы — так получайте ее, выметайтесь из помещений юстиции! Рассчитано на то, что некоторые представители коллегий при таком раскладе пожелают оставить все как есть.

Делая хорошую мину при плохой игре, министерство предлагает адвокатуру войти в Союз юристов. Хотя так, но ограничить самостоятельность адвокатуры.

Более года прошло, как был подготовлен рабочий проект устава Союза адвокатов, но до настоящего времени его текст не известен большинству коллегий республик. Вероятно, пришло время опубликовать его для обсуждения, создать оргкомитет для созыва учредительного съезда Союза адвокатов.

А. Н. ЧЕБАЧЕВ,
адвокат
Оренбург

Полностью согласен с мнением С. Абдираимова («Огонек» № 8). С преступниками нечего цацкаться, они отправляют обществу жизнь. Один корреспондент пишет статью про несовершеннолетних преступников «Колючее небо», и как же удивленно он их жалеет. Аж слеза накачивается. А вот если бы эти пацаны приставили бы ему нож к горлу или изнасиловали его дочь, чтобы он запел тогда? А где он взял вшей и голые глаза? Врет он. Я двадцать лет проработал в ИТУ зам. по режиму и знаю, что это такое. Молодые парни прямо говорят: это не колония, а пионерский лагерь. Они находятся в лучших условиях, чем солдаты в армии. Выйдя на свободу и не желая приносить обществу пользу, они вновь совершают преступления и тащат за собой новых преступников.

Сроки нужно сократить, а режим ужесточить, чтобы, выйдя на свободу, преступник сказал: «Нельзя туда». Это бывшие зеки портят «погоду» в стране, устраивают беспорядки и безобразия, плюют на общество.

А наркоманов и алкашей нужно направлять в тайгу на полгода и пусть пьют лес. Как рукой снимет блажь. Не осознал — вновь туда. И лекарства будут в аптеках, и одежонка на прилавках. И самогонщиков таким же образом. И нечего валандаваться с этой мразью. А то много развелось жалостливых, а от этого порядка не будет.

И. Г. ЕНБАЕВ,
пенсионер
Челябинск

14 мая «Прожектор» высветил старелые «болячки» строительства жилья. И никакого рецепта. А он прост. Если будущие жильцы сами будут оценивать работу строителей, а не послушные члены приемной комиссии, то пригласят ли они дом с недоделками? А если такое случится, пусть жалуются потом на себя. Это отвечало бы духу демократизации и самоуправления.

Строительство — ахиллесова пята нашего народного хозяйства. Что же мы празднуем в день строителя — неорганизованность, безхозяйственность, приписки и бескультурье строительных площадок?

Полстайте календарь — неспрirit красными днями. Что ни воскресенье, то ведомственный праздник. В иные месяцы и воскресений не хватает. Что только не празднуем: убогое коммунальное и бытового обслуживания, дефицит и неудобность торговых работников, очереди к окошечкам касс Аэрофлота и железной дороги, выпуск печатной макулатуры, митинг в томатном соусе, нормированную выдачу сельхозпродукции...

Критикуем ту или иную отрасль, а подходить ее праздник — отпускаем ее грези, поем дифирамбы.

Страна перестраивается. Не пора ли убрать ведомственные праздники? Обилие красных чисел поневоле зовет к розовым реляциям. Побольше деловых будней.

В. А. КОНОВАЛОВ
Сердобск Пензенской области

Мы, бывшие малолетние узники Освенцима, проживающие в Витебске, прочли статью Александра Крылова «Дети войны» («Огонек» № 15) и благодарны за то, что спустя почти полвека вспомнили о нас. Сами мы не осмеливались нигде о себе заявить, имея на руках лагерное клеймо. Нас везде презирали, не говоря уже о каких-то льготах.

Очень бы хотелось посмотреть в глаза заместителю начальника Управления социального обеспечения Госкомтруда СССР тов. Ю. И. Скворцову, который против предоставления льгот для бывших малолетних узников концлагерей. Да, мы согласны, что никому, ни детям, ни взрослым, не было сладко во время войны. Но разве можно сравнить нас с детьми, которые были вместе со своими матерями! Пусть они голодали, холодали, но все трудности они переживали на своей земле, вместе со своим народом. А мы находились на чужбине, за колючей проволокой — со второй половины 1943 года и до конца войны.

Очень хотелось бы, чтобы тов. Скворцов представил себе такую картину: как нас насильно вырывали из рук матерей и бросали, как диких овец, в кучу. Сколько в тот момент ушло из жизни наших матерей! Одни рвали на себе волосы, лишились рассудка, другие бросались на колючую проволоку под высокое напряжение. Все полтора года, которые мы находились в фашистских застенках, на каждый день ждали печи крематория. Всего не перечислишь, что нам пришлось пережить. Одно можно сказать: чтобы этого больше не повторилось.

Мы никогда нигде не писали и ничего не просили у государства. О нас вспомнили, и сейчас мы просим обратить на нас внимание. Нас так мало осталось и так немного нам осталось жить. Каждый из нас имеет трудовой стаж свыше 30 лет, который мы выработали честно и добросовестно. Мы не просим ничего невозможного, и, если установить для нас пенсионный возраст по достижении 50 и 55 лет и другие льготы, это будет справедливо.

О. С. Прохоренко-Бубович — 65933,
Е. Д. Миронова-Головченко — 62011,
Л. Е. Ходорищенко-Обливальная — 61904,
В. З. Кравченко-Будюхина — 69149,
В. Д. Миронов — 149827 и другие
Витебск

В № 13 «Огонька» в статье Александра Минкина «Зараза убийственной» затронута очень серьезная проблема. Вся страна узнала о том, что на фоне общего упадка здравоохранения в республике кое-кто проявляет трогательное внимание к некоторым объектам IV Главного управления. Вершиной этой заботы стало появление правительственного родильного дома. В Ташкенте об этом знали многие и возмущались довольно открыто. Но... Кто же обращает внимание на разговоры? Роддом открыли своевременно и без недоделок. Нашлись и штаты, и кадры.

А посмотрите, как расширяется

сеть IV управления Минздрава. В свое время на месте прекрасного зеленого жилого района была построена 1-я поликлиника IV управления и здание самого управления. На улице Пушкина в прекрасно оборудованном здании разместилась 2-я правительственная поликлиника. Чуть подалеже имеется еще и 3-я правительственная поликлиника. Для нее выделили помещение в новых домах массива Пушкинская — Пешпекская. А на тихой улочке Ю. Фучика имеется «детская поликлиника», тоже правительственная.

Кроме того, в Ташкенте имеются больницы и поликлиника облпартактива. Между прочим, эта больница располагается в чудесном огромном парке. Здесь когда-то должна была быть детская больница. Есть еще I, II, III правительственные стационары. Все они располагаются по Луначарскому шоссе, где, по общему мнению, лучший в Ташкентском оазисе климат.

Последнее время ускоренными темпами (и ведь хватает стройматериалов, рабочих!) возводится уникальное здание санэпидстанции IV Главного управления. Корпус этой станции возвышается между 1-й правительственной поликлиникой и 15-й поликлиникой Хамзинского района Ташкента. Некогда это была славная своими делами поликлиника, а ныне она влачит жалкое существование в полуразвалившемся помещении дореволюционной постройки. Давно уже нет у поликлиники своего рентгенкабинета, да и много чего нет.

Тот, кто знает Ташкент, представляет себе, что все эти правительственные поликлиники располагаются на маленьком пятячке исторического центра города. Под строительство их сносились вполне пригодные для жилья домостроения. В городе, где с нового, 1988 года нормой жилой площади на человека стали 5 м², снос пригодных для проживания домостроений все-таки непозволительная роскошь. Но это не интересовало никого.

И все-таки дело даже не в этом, а в том, что на строительство, содержание и оборудование указанных специальных медицинских учреждений отпускаются огромные средства. Другим же, не специальным, а самым обычным больным и учреждениям достаются лишь крохи с барского стола, да и то не всегда. Даже вновь построенные больницы имеют жалкий вид. Недавно сданные в эксплуатацию, они разваливаются на глазах. А госпиталь для ветеранов войны и труда!..

Все, что здесь написано, ни для кого не секрет. Это все видать и все знают.

В наше сознание прочно внедрились представления о незыблемости неких привилегий, об их необходимости. Мы смирились с этими вопиющими фактами социальной несправедливости, и лишь из ряда вон выходящее событие (как строительство правительственного роддома) способно нас побудить к подобному протесту. Но разговоры и перестановки. А правительственный роддом, правительственная детская поликлиника и правительственная санэпидстанция останутся.

И дело, конечно, не в министрах. Баграмове, не в его заместителе, начальнике IV Главного управления тов. Зимине. Они исполнители. Но кто заказывает музыку?

И. РОЗАНОВ
Ташкент

В апреле я был в командировке в Севастополе. В Херсонесе меня поразила полуразрушенный Владимирский собор, вернее, его нынешнее состояние. Как можно, чтобы в наше

время, в центре древнегреческого города, где ежегодно бывают сотни тысяч посетителей, пропадали такой памятник архитектуры! Ведь это же не простой собор — он сооружен на месте раннехристианской церкви-базилики, в которой тысячу лет назад, в 988 году, крестился киевский князь Владимир. Здесь же, в Херсонесе, он обвенчался с сестрой византийского императора Василия II Анной.

И вот сто лет назад у истоков христианства на Руси был воздвигнут величественный Владимирский собор, который сейчас находится в аварийном состоянии. Этот крестово-купольный храм византийского типа, построенный по проекту академика архитектуры Д. Гримма, имел высоту почти семьдесят метров. Он и сейчас, без купола, поражает несколько непривычной архитектурой. Ведь, как утверждают специалисты, его внешний вид копирует византийский собор Сергия и Вакха, в Константинополе. Константинопольский же собор был превращен в мечеть и до наших дней не сохранился, поэтому ценность его копии в Херсонесе особенная.

После Великой Отечественной войны, когда этот храм, безусловно, очень пострадал, на нем все-таки были купол и крыша. В нынешнее состояние он пришел после очередной, уже послевоенной, кампании борьбы с религией, когда местные «воинствующие атеисты» нанесли ему еще ряд повреждений. Ну, а после этого вопиющая бесхозяйственность, равнодушие плюс ветер, осадки за несколько десятилетий превратили его в то, что мы видим сейчас.

Владимирский собор в Херсонесе Таврическом необходимо срочно спасать. Но проблемы финансирования, проектирования и реставрации этого памятника может решить только Совет Министров СССР или же УССР при действенном участии других государственных и общественных организаций, в частности Общества охраны памятников, Фонда культуры, Фонда мира и т. п.

Как сообщил директор заповедника Л. В. Марченко, несколько лет назад свою помощь в реставрации и восстановлении собора дважды предлагала Русская православная церковь, но понимания и поддержки у представителей властей она тогда, к сожалению, не нашла.

Возвратим же Владимирский собор в Херсонесе к жизни! Он нужен и Херсонесскому государственному историко-археологическому заповеднику, в котором из 200 тысяч экспонатов в музейных экспозициях выставлено менее трех процентов. Остальные же девяносто семь — в фондах, причем 40 тысяч экспонатов хранятся в помещениях, абсолютно для этого непригодных. Восстановленный Владимирский собор позволил бы разместить новые интересные экспозиции из фондов заповедника.

Д. И. КУПЫНЯК
Киевская область

Я живу в небольшом городе Верхняя Пышма, недалеко от Свердловска. Загазованность воздуха у нас, я не побоюсь этого слова, просто преступная, «благодаря» выбросам в атмосферу отходов Уральского завода химреактивов, опытного завода. Недавно производились замеры на центральной улице города, в районе городской больницы. Приборы буквально зашкаливали. Содержание свинца, например, в 40 (!) раз выше допустимого. А помимо свинца... И все это мы вдыхаем в свои легкие. И самое удивительное, что все это знают и... живут, как жили, спокойно, ни о чем не волнуясь.

А разве мы одни такие? Ведь на-

верняка в любом другом городе, где существуют подобного рода промышленные предприятия, ситуация такая же, если не хуже.

Давайте же что-то делать. Давайте не стесняться из ложной скромности предаваться гласности такие факты и думать все вместе, как быть. А пока — все тишь да гладь.

А. КОЛТЫШЕВ,
студент УрГУ
Верхняя Пышма
Свердловской области

Вынужден обратиться к вам, так как уверен, что вопросы, которые я поднимаю, касаются не меня одного. На протяжении десяти лет я работаю врачом-урологом в поликлинике № 42 Краснопресненского района Москвы. После принятия Закона об индивидуальной трудовой деятельности я решил открыть частный кабинет. Кстати, сразу хочу подчеркнуть, что участники и инвалиды Великой Отечественной войны обслуживаются бесплатно.

По характеру моей работы я занимаюсь вопросами узкоспециальными: половое расстройство у мужчин, импотенция и мужское бесплодие. Специалистов такого профиля мало, а проблема стоит достаточно остро.

Мне удалось получить разрешение на занятие частной практикой в июле 1987 года, в декабре со мной был заключен договор на аренду помещения. Помещение было в аварийном состоянии, мной был проведен капитальный ремонт, и только 15.2.1988 г. я приступил к работе. Но... Еще до того, как я начал работать, инициативная группа жильцов начала посылать письма-жалобы во всевозможные инстанции. Люди сигнализировали о том, что ко мне ходят толпы «заразных» больных, что ломают двери, бьют стекла, что у них дети и т. д., и т. п. Я дважды пытался встретиться с жильцами дома, чтобы объяснить, что болезни, которые я лечу, ничего общего с «заразой» не имеют, но ни один человек не захотел со мной встретиться.

Поток писем нарастал, комиссия следовала за комиссией. Но ни одна из них нарушений не нашла. Вслед людям, которые приходят лечиться, говорят различные гадости, а больные люди так легко ранимы... В замок двери моего кабинета забиваются гвозди, под дверь кабинета кидается мусор... В общем все прелести «Вороньей слободки» налицо.

И я все жду, когда же руководство района устанет от этих безосновательных писем и жалоб и волевым решением (как это раньше и было принято!) закроет кабинет. Что и произошло... С 1 июня сего года в РЭУ № 2 Краснопресненского района поступило предписание исполкома о расторжении договора на аренду занимаемого мной помещения. И хоть бы кто-то подумал: а как же быть многочисленным больным, которым для полного выздоровления требуется длительное лечение?

А. В. ОСТРОВСКИЙ,
врач
Москва

В середине мая 1988 года на прилавках книжных магазинов Москвы появилось «Пособие по истории СССР» для подготовительных отделений вузов (изд-во «Высшая школа», 1988 г.). Книга подписана к печати 25.12.87 г. В предисловии к изданию авторы пишут: «В основу пособия положены публичные лекции, которые читались в лектории МГУ, лекционные курсы и практические занятия, проводившиеся на гуманитарных факультетах...».

Чему же учат своих студентов авторы пособия тт. А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. В. Наумов, Т. А. Сивозина? Приведу лишь одну цитату из этого «учебного пособия»: «Осуществление решений XV съезда партии проходило в условиях обострения классовой борьбы в стране. Правые оппортунисты во главе с Бухариным выступили против политики наступления на кулачество, проповедуя теорию мирного вранья кулака в социализм, теорию затухания классовой борьбы. В 1927—1928 гг. кулачество саботировало проведение хлебозаготовок. Кулаки сократили продажу хлеба государству, прятали и уничтожали его. В стране возникли продовольственные трудности. Советское правительство применило чрезвычайные меры к саботажникам...» (стр. 496). Провести анализ всего «учебного пособия» не берусь — я не историк, но сегодня, когда пересматриваются исторические концепции развития страны в 30—50-х годах, выпускать подобную книгу для молодежи да еще массовым тиражом — вредно. Как совместить публикации в «Огоньке» и других периодических изданиях с этим «учебным пособием»? Интересно знать, ознакомилась ли редакционная коллегия во главе с членом-корреспондентом АН СССР Ю. С. Кукушкиным с этим пособием, прежде чем опубликовать его.

О. Г. МКРТЧАН,
к.т.н., старший научный
сотрудник НИИ технологий
и организации производства
Москва

Прочитав статью Ю. Карякина (№ 19), живо вспомнил вот что. Мне — 18. Пишу стихи. Съездил в Калугу к родным, вернулся на летнем рассвете. Дом (его давно нет), отгородивший Суворовский бульвар от Арбатской площади. Очередь в молочную. Только что расклеенные газеты. Постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград». Страшные слова о Зощенко и об Ахматовой. И я как бы слышу голос, когда мы с Эдуардом Бабаевым возникаем в дверях ташкентского жилища Ахматовой: «Вот Эдик склужился. А вот и Валя... И огромной силы «сшибка». Кто я такой, чтобы не верить постановлению. Но ведь я люблю Ахматову. Значит, я плохой, в литературе мне не место. Ни кому не говорю о своем решении. И вот я в МГУ, студент-археолог — и никаких стихов. Бабаев в это же время направился в свой ректорат: «Переведите в экстерны, хочу работать». Понимал, что без темы «Жданов об Ахматовой» на филфаке не обойдешься... Бельевую корзину, похожую на плетеный сундук, со стихами и записями о войне (К. И. Чуковский решил отдать их в «Знамя») сдал в камеру хранения — часовню во дворе студгородка на Стромынке, и востребовал лишь в 1953 году.

В 1949 году посадили двух моих товарищей, студентов-историков. Я почти не дрогнув, решил, что и меня могут взять. Они, конечно, ни в чем не виноваты, но могли бы общаться с настоящими «зачумленными», а я общался с ними. Вот такая психика была. Как во времена эпидемий.

Валентин БЕРЕСТОВ,
член СП СССР
Москва

Наш адрес:
Москва,
101 456, ГСП,
Бумажный проезд, 14.

БИЛЕТ ДО ЛЕНИНГРАДА

Владимир ГЛОТОВ

ЕЙ ПОШЕЛ 90-й ГОД. ОНА 70 ЛЕТ
В ПАРТИИ. РЕШИТЕЛЬНАЯ,
КАТЕГОРИЧНАЯ В СУЖДЕНИЯХ.
МАЛЕНЬКАЯ ЖЕНЩИНА, ЧУТЬ
С ХРИПОТЦОЙ В ГОЛОСЕ,
С НЕЗАТУХАЮЩЕЙ ПАПИРОСОЙ
В РУКЕ. СМОТРЮ НА НЕЕ КАК НА
ЖИВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ
БОЛЬШЕВИЗМА.
ХОЧУ ПОНЯТЬ: КАКИЕ ОНИ? КАКИМ
БЫЛ МОЙ ОТЕЦ, БОЛЬШЕВИК
С 1917? ТАКОЙ ЖЕ, КАК НЕМЦОВА?
ИЛИ
ЕЩЕ ФАНАТИЧНЕЕ?
У НЕЕ ВСЕ ПОПОЛАМ: ТУТ СВОИ,
ТАМ ЧУЖИЕ. ДВА ЦВЕТА. И НАД
ВСЕМ ПАРИТ ВОЖДЬ,
ВОПЛОЩЕННОЕ СОВЕРШЕНСТВО.
ДОЧЬ СОРАТНИКА ЛЕНИНА —
НИКОЛАЯ НЕМЦОВА, ОДНОГО ИЗ
АКТИВНЕЙШИХ УЧАСТНИКОВ
РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА, ЗИНАИДА
НЕМЦОВА ЗНАЛА МНОГИХ ВИДНЫХ
РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ. ЗНАЛА ТАК,
КАК МЫ ЗНАЕМ СОСЕДЕЙ, КОЛЛЕГ
ПО РАБОТЕ. БУХАРИНА ОНА
НАЗЫВАЕТ НЕЖНО: «БУХАРЧИК».
ЭТО ДРУГ, ТОВАРИЩ ПО ПАРТИИ,
ЖЕРТВА, О КОТОРОЙ ОНА СКОРБИТ.
ТРОЦКОГО ВЕЛИЧАЕТ НЕ ИНАЧЕ,
КАК «ГОСПОДИН ТРОЦКИЙ». ДА
И СТАЛИНА, МОЛОТОВА:
«ГОСПОДИН СТАЛИН», «ГОСПОДИН
МОЛОТОВ»... ЭТО ВРАГИ. ДАЖЕ
СЕЙЧАС, СПУСТЯ ДЕСЯТИЛЕТИЯ,
СТАЛЬНЫЕ СТРУНЫ НАПРЯГАЮТ ЕЕ
ЛИЦО, НЕМОЩЬ ОТСТУПАЕТ, ГЛАЗА
НЕИСТОВО БЛЕСЯТ,
И БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ЯРОСТЬ
ОЗАРЯЕТ ВЕСЬ ЕЕ ОБЛИК.
ОНА ВСТУПИЛА В ПАРТИЮ В 1918.
В 1936, В ГОД МОЕГО РОЖДЕНИЯ,
БЫЛА АРЕСТОВАНА. ОНА ЗНАЕТ НЕ
ПОНАСЛЫШКЕ И СУДИТ ПО-СВОЕМУ.
НЕ ЗРИТЕЛЬ — УЧАСТНИК СОБЫТИЙ.
К КОМУ ЖЕ ЕЩЕ ОБРАТИТЬСЯ ЗА
ОТВЕТОМ?
ТАК СКОРЕЕ В ЛЕНИНГРАД, НА
СКОБЕЛЕВСКИЙ, К НЕМЦОВОЙ...

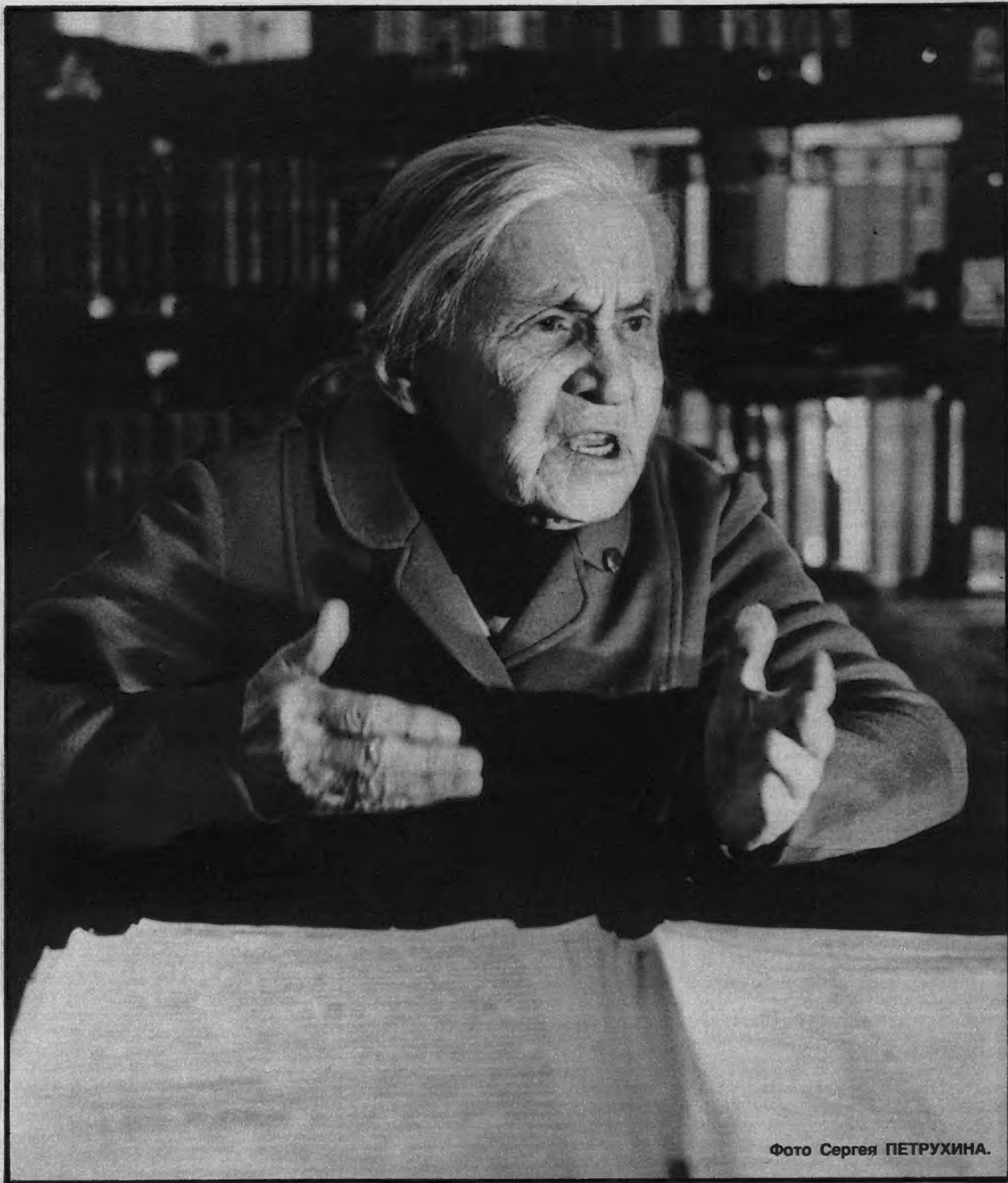

Фото Сергея ПЕТРУХИНА.

БОЛЬШЕВИК ЗИНАИДА НЕМЦОВА КАК ОНА ЕСТЬ

ОКРУЖЕНИЕ. СВОИ И ЧУЖИЕ

— Зинаида Николаевна, вы видели Ленина?
— Конечно, не раз.
— Ваше самое личное впечатление?
— Меня поразило, что он всего несколько человек называл на «ты»... Ну, и его отношение к Крупской. Я помню, меньшевистские газетки, выходившие за границей, — их получали старые большевики; писали много всякой гадости о Ленине... А мне запомнилось, как я стояла

в Кремле, во дворе, и увидела: идет Владимир Ильич с Надеждой Константиновной. Не было еще восьми часов утра. И вот идет Ленин с Крупской и не просто ведет Надежду Константиновну, а как-то ее бережно поддерживает под руку. Они пошли в глубь сада, ну и я за ними. Мне было 20 с небольшим лет. Я наблюдала, как они гуляли в саду. Был апрель. Все набухало. Солнце светило. И он, так же бережно ее поддерживая, подводил к зеленеющим кустикам, они вместе нюхали листочки, и он как-то так замечательно поднимал голову

к солнцу, морщил глаза. Мне на всю жизнь запомнилась эта бережливость Ленина по отношению к Надежде Константиновне Крупской... А недавно я была в больнице, и москвичка, жена начальника главка одного из министерств, говорила про Ленина что-то страшное. Я просто взбесилась: «Перестаньте!» «Да что вы мне говорите, — возразила она, — я вам официально заявляю, это же известно, я от мужа слышала». — И начала перечислять всякую гадость. Даже от врагов наших сейчас подобного не услышишь...

Взаимоотношения Ленина с Надеждой Константиновной Крупской были святы.

— Вы знали об оскорблении Надежды Константиновны Сталиным?

— Мы все это знали. Знала и я. Ведь я жила в 20-е годы с отцом в Метрополе. И помню, как мы собирались в коридоре, какие радостные были лица: поправляется Владимир Ильич, ему стало лучше! Уже левой рукой учится писать!

— А о том, что Сталин фактически держал Ленина под арестом?

— Слышала разговоры: «Зря Сталин это

делает...» По существу, Ленин был изолирован.

— Вы имеете в виду его пребывание в Горках?

— Да.

— Значит, все-таки это ощущалось в вашей среде? В коридорах Метрополя?

— Да, я слышала разговоры: и вокруг Бухарчика, и от других. «Зря Сталин настаивает на такой изоляции».

— Эта изоляция интерпретировалась как разговор?

— Нет.

— Но подозрение возникало?

— Возникло, но не формулировалось. Только разговоры. Их можно было услышать случайно. Интимные разговоры. Я как-то невольно подслушала разговор папы с Калининным. «Да что же это происходит?.. Что же, Сталин сознательно отодвигает Ленина?..»

И вдруг смерть. Вот тогда мы многое услышали и узнали. Теперь обитатели Метрополя не сдерживались и нас, молодых, не стеснялись. Тут мы узнали и о Крупской: как Сталин оскорбил ее, какими именно словами. Услышали и о том, что есть ленинское завещание.

— Расскажите о Бухарине. Каким запомнился?

— Бухарчик поража даже внешне. Небольшого роста, какой-то съезженный всегда. Едешь в трамвае и видишь: прыгает на ходу (а Коминтерн недалеко был от Метрополя). В голову никому не придет, что это деятель Коминтерна на трамвайной площадке стоит.

Слушала я его в университете, слушала и в Красном зале Метрополя.

— А Троцкого?

— Троцкий — особая роль. Для меня.

— Почему?

— Папа был членом исполкома Петербургского Совета 1905 года. А это значит — Троцкий. Как известно, он был заместителем председателя. И пошел в ссылку вместе с папой. В Сибирь. Бежал он из ссылки, по рассказам ссыльных, потому что, как сын богача, получил немалые деньги. А папа бежать не мог: ведь за ним последовала мама со мной и с моим братишкой. Мне было тогда 8 лет.

Когда мы жили в Метрополе, Троцкий хотел, чтобы мы общались — я с его сыном. Наталья Николаевна, его жена, не раз по этому поводу звонила папе, но отец категорически не поддерживал. Он всегда говорил мне о Троцком, как о барине. Может, поэтому я мало слышала выступления Троцкого. Однажды он выступал в Красном зале в связи с предполагавшейся ликвидацией кавалерии. Были собраны начальники кавалерийских частей. И Троцкий сделал блестящий обзор исторической роли коня начиная едва ли не с Египта. Весь пафос был в защиту коня. А закончил он конкретными предложениями: что делать, чтобы сохранить кавалерию.

Второй раз я столкнулась с Троцким совершенно невольно. По-моему, в 1926 году, когда я работала в Резинотресте, Троцкий заболел и позвонил в торговый отдел, чтобы ему прислали грелки. Ему подобрали набор, который мы выпускали. И грелка лопнула у него на животе.

Он потребовал расследовать, кто прислал ему эту грелку, и наказать. Разнос, скажу я вам, был невероятный. После этого он выступил со статьей о качестве.

Это была одна из последних моих встреч с господином Троцким.

В период борьбы против ЦК он принимал все меры, чтобы завоевать молодежь. Я училась тогда на вечернем отделении университета, он приезжал к нам, выступал перед молодежью. Его ораторское искусство было потрясающим.

— Зинаида Николаевна, что было в основе вашего воспитания?

— Все идейное да и культурное я получила в ссылке. От папы, рабочего-фрезеровщика патронного завода города Тулы, который стал революционером-профессионалом и членом партии с 1897 года. Бесконечно эрудированный человек. Рекомендации что читать, как развиваться, борьба с мещанскими привычками, погоней за бантиками, ненужной кокетливостью — все от папы. И от ссылки. Она ведь была долгой... Я знала многих революционеров. Наблюдала, слушала их разговоры. Не хочу сказать, что работала с ними на равных или

хлопала по плечу. Старые большевики не допускали такого равенства с ними молодежи. И мне больно, что большевизм не вполне воспитывается в молодых. Та грань, которая была между старшими и молодыми, была законной. За ними было все! Каторга, ссылки. Они выслушивали нас, могли поправить, посоветовать. Могли и поставить на место.

А сегодня член партии с 1924 года позволяет себе сказать мне: «Ты что, Зинаида Николаевна, у нас с вами разница всего 6 лет!»

Ничего себе! Это когда Ленин говорил, что восемнадцатый — самый страшный год, что «революция переживает тяжелые дни». Кто шел в партию в восемнадцатом, знал: идет на смерть или на победу.

— Все это было отчетливо, Зинаида Николаевна? Правые, левые? Свои, чужие?.. Неприятие всего иного?

— Я расскажу вам, что отец сделал со своим собственным братом, эсером. Они разорвали отношения, когда брат вступил в эсеровскую партию. И когда уже отказался от эсеровства, был на большой хозяйственной работе, приехал встретиться с отцом, тот его не принял. Дядя Ваня обратился ко мне, я приняла его с семьей в своей комнате. Потом с отцом разговаривал Орджоникидзе. Ведь дядя приехал как директор Кольчугинского завода в распоряжение Орджоникидзе, и тот его назначил директором авиационного завода. Орджоникидзе встретил папу в кремлевской столовке, насел на него: «Что ты делаешь с Иваном? Обалдел, что ли? Вон он какую пользу принес! Я его сейчас жду!» Только тогда отец с ним встретился.

А когда папу репрессировали, дядя Ваня страшно боялся, что репрессируют и его. За связь с отцом.

МАКСИМАЛИЗМ. ОТКАЗ ОТ УБЕЖДЕНИЙ.

Это очень важная тема: отношение ветеранов партии — нет, не к врагам — к инакомыслию вообще, к своим как к чужим, если взгляды своих не совпадают с генеральной линией. Судя по рассказу о Николае Немцове, такое настроение поддерживала старая гвардия: если не с нами, то против нас — категоричность до разрыва.

Публичные обвинения подогревали жажду и публичных покаяний. Максимум доводился до абсурда: требовали отказа от убеждений. Мы привыкаем видеть в процессах 30-х годов исключительно политический фарс, режиссуру Вышинского с мрачной фигурой злодея за спиной. И с вчера еще убежденными людьми в роли марионеток, обвинявших послушно друг друга, а потом и себя.

А начинали ведь не с фарса.

— Зинаида Николаевна, как вы относились тогда к выступлениям Каменева, Бухарина против Сталина, к их идеям внутрипартийной демократии, к их критике парт-аппарата?

— Отец никогда никакой оппозиции не поддерживал, Калинин тоже, а они дружили, поэтому я считала, что это самый настоящий троцкизм. И мы искренне совершенно голосовали за то, что нам предлагала партия.

— Вы говорили, что Бухарина любили... Любить любили, но борьбу против него поддерживали... Понимаете, когда я сейчас оглядываюсь назад, я прихожу к мысли: мой отец, погибший вместе с Крыленко, судимый по одному делу, и другие революционеры, старая гвардия, они виноваты в том, что в свое время не выступили против Сталина. Это они сдерживали выступления против него.

— Но почему?

— Сталину удавалось иметь большинство. Арифметическое большинство. Он его добивался и получал. А особенность старой гвардии: раз большинство, пусть даже оно ошибается, ему надо подчиниться. Демократический, но централизм — строжайшая дисциплина.

— Подвел догматически понятый демократизм?

— Это не догматизм. Это линия. В этом и состояла суровость партии нового типа.

— Да разве не очевидным было, что

Сталин ведет к катастрофе?

— Нет.

— И в 1929-м?

— В 1929-м, во-первых, еще не были опубликованы последние статьи Ленина, во-вторых, нам преподносилось все так, что мы и не рассматривали происходившее в деревне как катастрофу. В ходе коллективизации Сталин сделал невероятный кудьбит. Выступил со статьей «Головокружение от успехов». Стал обвинять тех, кто торопился. И мы считали, что, по существу, он правильно ставит вопрос.

— Вы ему доверяли?

— Да, доверяли.

— А завещание?

— Знали ли коммунисты о завещании Ленина? В полноте не знали. Этот вопрос сохранила в себе старая гвардия. Рассказа о завещании — в широком, пропагандистском смысле — не было.

— То есть старая гвардия в каком-то смысле скрывает информацию об этом завещании от партии?

— Нет, завещание было опубликовано в бюллетенях съезда.

— А кто читает бюллетени съезда? Рядовые члены партии не знали?

— Нет, не знали.

— А как вы считаете, заменили бы Сталина в 1924 году, если бы о завещании узнали широко?

— Безусловно.

— Такого было доверие к Ленину?

— Да... Ведь о Сталине мы начали узнавать много позже, когда возле него стали появляться такие фигуры, как Молотов, Каганович.

— И как вы к этому относились?

— Вспомните X съезд. «Подчиняться большинству» — было нашим воспитанием, буквально. Так и к Сталину относились. Он поддерживается большинством.

— А когда возникло не просто подчиняться большинству в действиях, но и отказываться от убеждений?

— Когда троцкизм нарекли контрреволюционным течением...

Отказ от идей — я была настолько наивна, что искренне верила в это. Один убежденнейший троцкист какой-то период работал у папы, кажется, в комиссии Помгола, они даже дружили с нашей семьей. Его исключили из партии за то, что не отказался от своих взглядов, и ему грозил арест. Тут надо уточнить: перед тем, как троцкизм объявить контрреволюционным течением, шла борьба за оппозиционеров — чтобы те отказывались от своих убеждений. И однажды жена того троцкиста пришла к папе за помощью — человека сняли с работы, куда не принимают, конечно, тяжело материально. Я по наивности говорю папе: «Может быть, мне с ним поговорить?» Ну, чтобы отказался от своих убеждений. Отец на меня цыкнул как следует: «Действительно, ты повлиять! Партия сейчас перед ним ставит этот вопрос. Партия! И он не отказывается. А ты, видишь ли, с ним поговоришь, и он откажется».

Потом мы встретились с ним на Воркуте. С этим троцкистом... Но сперва тех, кто не отказывался от своих убеждений, отправляли в политизоляторы.

— Что это такое?

— Политизолятор? Они были специально созданы после эсеровского процесса. Удобные камеры. В них люди могли работать. Или не работать, по выбору. И географически политизоляторы находились в хороших местах. Можно было гулять. Но люди считались арестованными, то есть заключенными. Хотя и пользовались библиотекой. Им предлагалось: изучайте. Проверьте свои знания. На подпольниках. Вернитесь к Марксу, к Ленину. Поработайте над собой. И окончательно решайте вопрос о своих убеждениях... Потом мы встретились с теми троцкистами, когда ехали на пароходе от Котласа в Княжпогост, двигаясь на Воркуту... Всех тех, кто сидел в политизоляторах, направляли ведь в обычные лагеря. На том пароходе оказалась громадная группа троцкистов, они себя называли «ортодоксами». У нас с ними произошла даже драка. Потому что мы их называли фашистами, а они — нас.

— Это слово уже циркулировало?

— Да.

— Когда это было?

— В 1937-м. Середина 1937-го. Лето.

— Значит, с вашим знакомым троцкистом вы встретились на том пароходе?

— Нет, не на пароходе. На шахтах Воркуты. Он остался троцкистом.

— Не пытались его опять переубедить?

— Нет. Мы ненавидели троцкистов.

— А они считали вас сталинистами?

— Да!

— А вы себя?

— Н-нет... Мы продолжали считать себя ленинцами.

— А то, что вас посадили, — связано со Сталиным, вы понимали? Или считали, что действует какой-то другой механизм, помимо него?

— Абсолютно другой.

— Но если другой, тогда вы должны были считать себя приверженцами Сталина?

— Но Сталин-то говорил, что он последователь Ленина. Мы и письма писали Вышинскому. Этой сволочи. Считали, что Сталин не знает о том, что происходит.

— И все-таки, Зинаида Николаевна... Как это — отречься от убеждений? Вы считали, что это нормально — насильственное отречение от убеждений? В камере, в политизоляторе. Сама постановка вопроса правильна ли?

— Сама постановка вопроса у меня и тогда не вызывала сочувствия.

— Но атмосфера, настроение в партии — все правильно? Считалось нормальным?

— Я приведу пример. В тобольской ссылке с отцом был меньшевик Генрих Семенович по фамилии Малкин, адвокат. После Октябрьской революции он был членом меньшевистского ЦК. И не отказался от своих убеждений. Когда прошел процесс меньшевиков, его отправили в лагерь...

В тобольской ссылке у них с отцом были хорошие отношения, хотя они и горячо спорили и доходило чуть не до кулаков. Но общались по-человечески... И вот пришел он к отцу в Метрополь, захотел с ним поведаться. Отец его не принял. Потому что тот не отказался от убеждений. Тогда Генрих Семенович встретился со мной, сказал: «Зиночка, ну объясни ты своему папашке, что никаких враждебных убеждений у меня уже не осталось, наоборот, я хочу принести сейчас пользу».

Мы уговорили отца вместе с мамой.

Вот так относились большевики к убеждениям. И к необходимости отказываться от убеждений, враждебных, по их мнению, Советской власти.

НАЗНАЧЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

В начале 30-х Зинаида Немцова оказалась в центре событий, разворачивавшихся в Ленинграде. Максималистка, щепетильная особа, болезненно воспринимавшая любой намек на продвижение за счет имени отца, она решительно заявила о своей самостоятельности, держалась в стороне от родительского шлейфа. Она и замуж вышла «вопреки». Пришла домой с Леонидом, обвиненным потом в «троцкизме». Долой предрассудки — регистрацию! Заявила: «Все, поздравьте нас». Надула отца, а заодно и его друга Калинин, так и не зарегистрировавшись.

Родилась дочь. Набирала обороты карьеры. Немцову назначают культпропом на Металлический завод имени Сталина. Зинаида, конечно, в бунт. Первая реакция: на Металлическом отец провел революцию пятого года, его — Макара (подпольная кличка) — знают и вдруг решат: папочка дочку устроил.

Приехала в Москву просить отца, чтобы переговорил с Кировым: не надо на Металлический.

Тут любопытен эпизод. Николай Немцов позвонил Калинин: «Знаешь, Зинка приехала, такую муть разводит...» Рассказал. Калинин отвечает: «Диван-то рядом с твоим креслом. Положи ее на диван, сними штанишки и выпори как следует да отправь обратно в Ленинград. Ей честь предложена...»

С тем ее и отправили.

— Я приехала в Ленинград. Раздался звонок: «Вас ждет Киров». Поехала, захо-

жу, он улыбается: «Ну что, Зиночка? Попало? Не выпорол?»

Рассказал, почему посылают меня на Металлический.

В конце 1928-го пришел на завод секретарем парткома некто Семечкин. Очковитатель несусветный — рапортовщина. При нем присвоили заводу имя Сталина. Хотя, конечно, надо бы Ленина. Все-таки первый советский турбинный завод.

И вот господин Семечкин, не посоветовавшись с рабочими, выносит решение о «встречном плане», родив его в аппарате. И делегацию отправили к Орджоникидзе. Тот утвердил 701 тысячу киловатт в год. Но Семечкин принял аж 800 тысяч.

Потом на XVII съезде говорили, что по вине завода стоят 18 электростанций. Это рапорты Семечкина, когда четыре турбины на стенде испытывали с одним ротором, а потом на одну турбину ставили этот ротор, три же отправляли на электростанции без роторов. Отчитывались, однако, что сделали четыре...

Киров, конечно, снял Семечкина. Появилось даже выражение «семечкинщина». Рапортовщина. Тот действительно отпрапортовал, что завод выполнил первую пятилетку за два с половиной года. И орден Ленина получил. Даже книга о нем вышла.

— О Семечкине?

— Да, о нем. Сидела одна такая в заводском музее, все этого Семечкина показывала, а Гошки Иванова, секретаря парткома, сменившего Семечкина, даже фотографии не было. Столько липы. Ужас! В общем, с трудом мы тогда выбрались. Во второй пятилетке делали две. Словом, Киров снял Семечкина, снял и его культпропа, направил меня... А в 1934 году, когда убили Сергея Мироновича Кирова, на следующую ночь по телефонному звонку господина Сталина нам было предложено составить списки бывших оппозиционеров. И Зиночка ваша вместе с Гошкой Ивановым составляла эти списки. И всех их арестовали.

— То есть как составляли списки?

— Для райкома. Тех, кто хотя и отказался от оппозиции, но в прошлом был оппозиционером.

— Но вы ведь понимали, зачем?

— Тогда нет. Потом. Все приходило потом.

Когда меня вызвал следователь, он сказал: «Вы что? Думаете, к нам так просто попали? Визу поставил сам Жданов!» А незадолго до ареста Жданов был у меня на «Светлане» (я в то время работала уже там секретарем парткома) и сообщил мне, что они выносят решение о назначении меня заведующей отделом пропаганды обкома. Я сказала: «Андрей Александрович, я не хочу. Вы меня простите, это не мой уровень работы. Я как-то не подготовлена для работы в аппарате». Он мне: «Но ведь это троцкизм...». То есть такое отношение к аппарату — троцкизм. «Ну что вы, Андрей Александрович».

Все было... И желание захватить чужую квартиру. И то, что рабочий мог сказать инженеру: «А ты вредишь!» Доноса хватало — одного заявления. Напишут — и ночью человека возьмут.

В мае 1936-го арестовали Леонида. И хотя мы уже в это время не жили вместе, разошлись, и я вышла замуж снова, меня вызвали в Комиссию партконтроля, орали на меня: не проявила бдительность по отношению к своему бывшему мужу, контрреволюционеру.

— А кто кричал, помните?

— Рубин. Председатель КПК. Потом его тоже посадили. Четыре очереди своих следователей мы принимали в лагере!

— И было удовлетворение?

— Сперва хотелось бить. А потом? Они ведь такие же, как мы, и разделили с нами нашу участь. Выкристаллизовывался человек!

Словом, я была в тяжелейшем состоянии. Из Москвы приехала мама, удивлялась: что это Джерка, наш пес, ходуну за мной ходит? Даже помогал — зубами тащил книги, которые мама собиралась жечь.

— А что жгли?

— Сожгли завещание Ленина в приложении к бюллетеням к съезду. Серенькие такие, неказистые. И всего Троцкого.

— А вы уже знали, что полагалось за завещание?

— Да, за него расстреливали. Если при обыске обнаруживали завещание, человек проживал неделю. Раз бег — значит, готовился к убийству Сталина.

В день ареста мои друзья заставили меня пойти в театр. Приехали и сказали: «Надо тебе отвлечься». А я всегда была женщиной. Я и на гражданке с косой воевала. Длинной и выщипанными волосами. Они распрямились у меня в лагере в ту ночь, когда Марианке, моей подруге, принесли вторую бумажку, на новый срок. И стали седые.

Я оделась. Синее вуалевое платье на чехле, вышитое серебряными ирисами, юбка-двадцатиклинка, как веер балерины. Хорошие туфли. И волосы до плеч, локонами.

Возвращались из театра пешком по набережной. Рассказывали какие-то исторические анекдоты. И уговаривали меня: пройдет, все благополучно будет. Подходим, открыты ворота, и дворник на улице, а было, наверное, больше часа ночи.

Я говорю: «Ну, до свидания, ребята, что-то меня ждет...» «Перестань!» Расцеловали мне руки. Ушли. Я поднялась. Вошла, муж еще не спал. Я сказала: «Ты знаешь, пожалуй, сегодня меня арестуют...» Он мне: «Зинка, у тебя уже мания!»

Но буквально через полчаса раздался звонок. И дикий лай Джерки. Зверинный лай. Я встала. Слышу из-за двери: «Убери-те собаку!»

Я и так, и сяк, пес вырывается, не могу. Муж с ним мучился, не подчиняется нам. Опять бросается. Долго мы с ним возились.

— А за дверью спокойно ждали?

— Ждали... Вошел человек. И два подчаска с винтовками. На Джери надели намордник. Привязали в ванной. И все началось.

— Предъявили какую-то бумагу?

— Ордер. Начался обыск.

Когда меня уводили, Джерку отвязали, и он приполз к моим ногам. Проснулась и Майка. Было уже утро.

Уводили почётно. Начальник отправил подчасков. Предложил мне собрать вещи, все разрешал. Даже советовал, что взять. У меня не было папирос, и не было у нас денег. Муж побегал к кому-то, достал деньги. Увозили не в «черном вороне», в легковой машине. Даже по пути заехали в магазин, купили папирос.

Привезли в маленькую комнатушку. Сижку. Начальник сдает документы, которые забрал при обыске. Слышу, говорит: «Ничего не понимаю... За что ее взяли? При обыске ничего не обнаружили. Квартира? Настоящего большевика. Не понимаю...»

Я попросила следователя, чтобы Майку отправили в детский дом. Но приехала моя сестренка за ней и взяла ее вместе с Джеркой к папе. Потом арестовали папу. А при аресте мамы моя Майка не выдержала, оказалась в больнице. Это был уже третий арест на ее глазах. Ее долго лечили.

Мое счастье — не счастье, конечно, ну, скажем, особенность, — что меня посадили за бывшего мужа, арестованного раньше меня. И дали КРД, контрреволюционную деятельность, а абсолютное большинство тогда получали КРТД — контрреволюционную троцкистскую деятельность.

— Это хуже?

— Гораздо хуже. Другой режим. А если бы тогда меня выпустили, я бы с вами сейчас не разговаривала. Потому что через год, в 1937-м, арестовали все бюро Выборгского райкома партии, а я была уже членом бюро райкома партии. Меня бы расстреляли. Так что мне даже повезло...

ИСПЫТАНИЕ

Что перенес человек в сталинском лагере, мы, не испытывавшие и малой доли того, тем не менее хорошо знаем. Спроси любого: расскажет.

В повествовании Немцовой об этапах, о воркутинских лагерях — все то же. «Зима, по реке шла шуга, нас поместили в небольшую комнату, человек сто, и мы, как шпроты, укладывались друг

на друга, а часть дежурила, ожидая своей очереди лечь...»

Так Немцова прожила на лесопункте до глубоких морозов, до декабря, в Княжпогосте, куда доставил ее вместе с другими заключенными пароход по Вычегде — и троцкистов, и сталинистов, и ортодоксов, и отступников. У всех теперь была одна доля. «У меня был гребень. Мы принудительно всех вычесывали. Это выучка политической ссылки... В небольшом бараке мы, женщины, старались соблюдать гигиену, и потому нас больше выживало, а мужчины гибли невероятно. Мы мылись в проруби при 30-градусном морозе. У костра устраивали прямо на улице бани».

А потом пошли пешком. По 25 километров в день. А то и по 30. Хорошо, если в конвое добрые люди, дадут возможность переменитьсь, разложить костер. А если злые? Валийся, подыхай. Бывал страшный конвой. Тогда держись или погибнешь.

«У меня в 1930 году был менингит, осталась менингитальная эпилепсия. Я вдруг деревенеела, смыкались челюсти, я теряла сознание. Когда начинался приступ, меня, как свечку, держали на лошади. Конвой разрешал».

Слушая рассказы об этом периоде, меня поразила одна встреча, имеющая отношение к теме нашего разговора.

— Это было уже на Воркуте. Там мы жили в землянках. Хорошо было. Двухъярусные нары. Весь берег реки Воркуты стал земляночным городком. Наверху — управление лагеря. И вот иду я как-то — в то время меня уже иногда использовали медсестрой (мало было медперсонала), а в основном еще была на общих работах, — иду и вдруг слышу: «Зинаида Николаевна!» Поворачиваюсь — человек в служебной форме вольнонаемных. «Не узнаете?» Спрашивает: «Ну, что, Зинаида Николаевна, вы меня не помните? Я Ступин, белогвардейский офицер, проходил вашу комиссию».

Это было в 1919-м, меня забрали тогда в ЧК, в комиссию по проверке оставшихся белогвардейских офицеров. И Ступин проходил эту комиссию. Я в то время его, конечно, не знала, с ним не сталкивалась. И комиссия вынесла обычное решение: лагеря. Большой срок ему дали... Он лагеря прошел и остался вольнонаемным.

— И как он к вам отнесся?

— Повел к себе в землянку, накормил. И говорит: «Ну, что вы расстраиваетесь, Зинаида Николаевна? Ведь сейчас происходит выполнение нашего лозунга: «Вся власть Советам, но без коммунистов!» Так и сказал: «Будьте уверены: все попадут в лагерь».

Вспомнила я тогда и свою домработницу раскулаченную. Как она, за то, что мы ее выпроводили — она водила Майку, мою дочь, в церковь, — говорила нам на прощание: «Вы, коммунисты, этак пропадете! Вас уничтожат!»

Однако я выжила. Хотя выжить было очень трудно. Честно говоря, многие из наших, хотя и мужчин-то рядом было мало, сумели соорудить себе детей, полагая, что это поможет освобождению, да многие и беременными попадали в лагерь. Но освобождали только уголовниц. Политических нет.

Марианка — моя подруга, которой дали три года, а потом, по второй бумажке, еще семь лет, Марианка Ремзина, сделавшая для меня так много, буквально спасшая меня, когда у меня был нефрит, тоже родила в лагере. И назвала дочку Сталина.

— Как, как?

— Мы называли ее Талинка.

— А почему Сталина?

— Как вызов.

Но что делали эти мерзавцы с матерями? Мать имела право лишь приходить кормить своего ребенка. Дети содержались отдельно. А через год их отправляли в неизвестном направлении. Матерям же давали разъяснение: «Вы нарушили режим. Связь с мужчиной не разрешалась. Поэтому эти дети не ваши, а наши, они принадлежат госбезопасности, вот мы их и вырастим».

Но Марианка освободилась, когда Талинке не было еще года. Унесла ее с собой. Правда, потом девочка умерла. А родила она, кстати, от князя Оболенского.

— А он за что попал?

— За то, что князь.

БЕРА И РАЗУМ

Разговор опять возвращается к теме: кто привел Сталина к власти? Как это могло случиться?

Потрясает мысль Немцовой: многие старые большевики, гвардия, повинны в сталинизме. Так и говорит: «Убедена в том. Могли, но не убрали Сталина на XVII съезде».

— Это был съезд победителей?

— Съезд репрессированных. Так его потом называли в народе.

— Какая была атмосфера на съезде?

— Я приехала к открытию, за несколько дней. Пошла в гостиницу, где остановились наши ленинградцы. Это было, по-моему, на Тверской. Сидят все наши ребята, Петька Смородин, другие и рассказывают мне, что делегации ходят друг к другу и договариваются: будем выбирать генсеком Кирова. Согласие дали все делегации за исключением грузинской.

Петька мне говорит, что разговаривали об этом с Кировым. Киров сказал: «Не делайте этого». И будто бы сам рассказал об этом Сталину.

— Что собираются за него голосовать?

— Да. И сказал, что делать этого не нужно. Сталин его похлопал по плечу: «Этого я тебе никогда не забуду».

— И ведь не забыл?

— Да, не забыл. А внешне съезд проходил очень мило! Как съезд победителей. Все было «ура»... Но со Сталина мы удрали с Павлушкой Булатом, братом Ивана Булата, второго секретаря Украины при Постышеве. Профессор, виднейшая фигура по политэкономии в 30-е годы в Ленинграде.

— Так вы удрали с выступления Сталина?

— Удрали. Сталина было страшно и тяжело слушать... В 1928-м, по-моему, году Сталин приехал к нам в Ленинград и больше никогда до смерти Кирова в Ленинграде не был. А приезжал он к нам делать доклад, кажется, о пленуме ИККИ на партийном активе в Таврическом дворце. Говорил он с таким акцентом и так медленно, что в процессе доклада сперва галерка опустела, потом начал пустеть балкон, а потом уже побегал партер. Киров сидел красный как рак. Постучал: «Товарищи, не нарушайте, пожалуйста, порядок».

Сталин этого, конечно, не забыл.

— Злопамятен был?

— Безгранично.

— И все-таки на XVII съезде при всей его атмосфере победителей 300 голосовали-то против Сталина? Никто не выступил с трибуны против, но проголосовали против.

— Голосовали за Кирова.

— Как вы расцениваете сам этот факт: открыто никто не выступил против Сталина, а тайным голосованием прокатили? Как вы к этому относитесь? К способности людей так себя вести? Для большевиков это ведь в определенном смысле новая система поведения. Не так ли? Двойственное сознание. Получается вроде бы не по-большевистски?

— Поэтому весь съезд и был арестован. Я лично такое поведение объясняю одним: люди не хотели раскола в партии. Представлялось: главная опасность — фашизм. Пойти сейчас на раскол нельзя. Ослабим государство. И знали: Сталин имеет опору. Тогда уже был Каганович. Страшная фигура. Все жду, когда о нем напишут.

— И все-таки, что дало Сталину вот это: против него голосовали почти 300 делегатов, но никто открыто не выступил!

— Сталину это сказала, что он силен. И может спокойно идти на расправу.

— Мне кажется, что факт, о котором мы говорим, показывает: у большевиков в то время уже было осознание ситуации, но вот почему они его не сместили, почему действовали нерешительно? Почему не

сделали необходимого партийного шага? Вы говорите: боялись раскола. Но раскол уже фактически был. Тогда чего боялись? Может, тут элементарный страх? Простой, человеческий. У каждого за себя?

— Конечно, уже было «вредительство», прошли процессы, Сталин уже громил научную интеллигенцию.

Ведь что такое большевизм? Ленин совершенно не допускал разрыва: чтобы, с одной стороны — марксистская убежденность, а с другой — свобода в личном поведении. Нет, только соединение. Большевик тем и отличался: личная жизнь соответствовала убеждениям. Большевик — это нравственная фигура, несущая новую мораль. Отсюда самоотверженность, преданность. И такое же воспитание в семье. И чтобы семья переносила все. Вот суть большевизма.

Но эта суть стала размываться, исчезать. Я помню, мне позвонила из Москвы секретарь редакции журнала «Работница» Валя Кон, жена Александра Кона, экономиста, и невестка Феликса Кона. Говорит: «Выберись в Москву. Намечается интересное мероприятие. Сталин объявил, что в честь 8 Марта будет банкет в Кремле. Я достала билеты».

Я поехала. Узнаю: дано указание, чтобы все наши деятельницы женского движения явились на банкет не в нагрудниках в строгих английских костюмах, с кофточкой и галстуком, короткой стрижкой, а выглядели женщинами, и чтобы наряд был соответствующий. Наши активистки носились по Москве как угорелые, приводили себя в предписанный Сталиным вид.

И вот банкет. Их раньше не проводилось. Сидит Сталин. Рядом — наши знатные женщины, конечно, Ворошилов, Каганович. Начались тосты. Не знаю, когда появилась легенда, что Сталин пьет исключительно грузинское вино — он пил тогда водку. Активистки целовали его нежно в плечико. Пели частушки. Сталин подозвал Буденного: «Ну, покажи, как умеешь играть». Буденный взял гармонь, долго играл, устал, пот ручьем, хотел передать гармонь, но Сталин приказал: «Нет, играй!» — и приплясывал. Тут наступил перерыв, и Косарев поставил пластинку, тогда появились патефоны, заиграла музыка — фокстрот, можно было потанцевать. Но Сталин гаркнул: «Прекрати!» Что, мол, ты эту западную пошлость заводишь. И опять приплясывал, крепко выпив, под гармошку, окруженный полными счастья активистками.

Мы с Валушей не выдержали этого ужаса, ушли. С той поры и начались по стране банкеты. Каждый местный вождь теперь получил право устроить официальную пьянку. Руководящий народ входил во вкус жизни. Владимир Полонский, начальник политотдела Министерства путей сообщения, все звал нас к себе на дачу в Серебряном Бору, где мы тоже жили, хотел показать, как он там все устроил. Наконец, мы собрались: папа, мама, я с братом. У дверей нас встретил швейцар в ливрее, дальше — горничная. Нас провели в гостиную, сказали: «Хозяин сейчас выйдет». Черт знает что! За обедом за спиной крутились лакеи. Я сидела, как каменная, молчала, потом не выдержала: «Что же это ты, красавец, творишь?» «А что? Каганович считает, что мы, руководители, ни в чем не должны нуждаться». «Да как ты можешь?! Ведь ты член партии с 1912 года, был скромным человеком. Что с тобой, Володя, стало?» «Брось ты всю эту муть, идущую от Чернышевского... И я тебе не Володя, а Владимир Иванович!»

Ну, я встала и ушла. Это был уже не большевизм.

А Сталина уже знали к тому времени — он в личном плане был ужасен... А почему они не выступали против него открыто?

Вы поймите, он уже начал громить военачальников, уже прошла ликвидация кулачества как класса. Промпартия, кондрашевщина... И все ему удавалось!

Уже начало действовать: человек что-то сделал не так, и начальник цеха ему спокойно говорил: «Ты вредитель!» Вошло в обиход. Мою Мариану Ремзину посадили только за то, что она, когда доложили

о смерти Сергея Мироновича Кирова и Сталин приписал убийство зиновьевскому блоку, сказала: «Ну все! Лес рубят, а щепки летят». Вслух сказала. Ночью ее арестовали.

— Как вообще к Сталину относились в Ленинграде?

— Не славили! Была нормальная партийная обстановка. Тогда на Политбюро выступил Каганович, сказал: это не хорошо, Сталин признан народом, является вождем, полностью заменил Ленина, в Москве, когда упоминается имя Сталина, все встает, а в Ленинграде этого нет. И упрекнул Кирова в том, что Ленинград на особом положении.

Я в то время была культпропом на Металлическом. Приехала в Москву в командировку, вечером приехал на машине мой брат, он был членом бюро Московского горкома, секретарем парткома завода имени Сталина. И вдруг говорит: «Вот я сегодня только в четыре утра попал к Кагановичу на прием. Вот как у нас работают вожди!» Я его слушаю, говорю: «По-идиотски работают. И ты как идиот сидел до четырех. Зачем?»

Брат начал кричать: «Вы безобразно относитесь к Сталину! Вы не признаете Сталина! А он полностью заменил нам Ленина». И тому подобное.

Приезжаю в Ленинград, выхожу на работу. Секретаря парткома Гошку Иванова вызывают к Кирову.

Возвращается днем, зовет нас и рассказывает, что Киров собрал узкий круг и поведет о выступлении Кагановича. Сказал: «Надо исправлять положение».

Гошка Иванов тоже собрал узкий круг, тех, кого мы знали, от кого не ожидали провокаций, кто не предаст. И пошел сплошной анекдот.

Идет собрание. И каждый десятый, стоит назвать имя Сталина, начинает хлопать в ладони. На него сперва озирались. А потом тоже вставали и принимались хлопать.

Вот так ваша Зинаида Николаевна насаждала почтение.

— Ну а как себя оправдывали? Чем объясняли? Партийной дисциплиной? Какими высшими соображениями?

— Сталин строит социализм, ведет правильную политику.

— Понять это невозможно...

— Не идеализируйте. Я присутствовала на съезде, где был Ленин. И лежала на людях, потому что все вставали. Устраивалась невероятная овация.

— И Сталину захотелось того же?

— Конечно...

— А что происходило в деревне, доходило до вас? О голоде на Украине, на Северном Кавказе?

— Знали. И то, что Косиор обратился к Сталину за помощью для голодающей Украины, а тот послал его к такой-то матери на легком катере. И что помог Киров и Орджоникидзе, посылавшие продукты. Но самую главную помощь организовал Киров, предложив Косиору прислать всех голодающих на работу в Ленинград. У нас столько появилось после этого украинских фамилий: тьма-тьмущая. Мы готовили рабочие места. Вы думаете, Сталин за был это Кирову?

— Но если понимали или догадывались, то почему не действовали? Даже тогда, когда пришли за вами, когда до этого вызвали вас в КПК — и все было ясно, — вы продолжали жить, как жили, даже пошли в театр... Не стремились бежать? Не было нормального чувства: принять меры для своего спасения?

— Нет. Это потом пришло к людям... Так я от второго ареста освободилась в 1949-м. А тогда? Когда арестовали Леонида, бывшего мужа, я поехала к Петру Смородину. Он уже был секретарем Московского райкома партии Ленинграда, а райком выстроил себе новое здание с жуткими кабинетами, роскошными, под черное дерево. Громадный стол... Он говорит: «Я сидеть, Зин, тут не могу, меня давит все...» Я ему: «Что делать будем? Леонид арестован!» Он говорит: «Зина, ничего не сделаешь... Идет лавина. Я мечтаю только об одном: как бы мне уйти сторожем на маяк».

— Да это же состояние обреченных!

— Лавину было не остановить.

В 1936 году Петр Смородин, как секретарь райкома, был назначен председателем комиссии по обмену партдокументов ленинградской госбезопасности. Когда он ознакомился с социальным и качественным составом, чтобы приступить к индивидуальному обмену документов, он обнаружил: абсолютное большинство коммунистов вступили в партию в последние годы. Это были, как правило, немолодые люди, в прошлом служившие полицейскими, жандармами, много было бывших белогвардейских офицеров.

Как сейчас помню: стоит Смородин в уголочке огромного кабинета, среди этой массивной черной мебели, и говорит: «Это лавина, ничего не сделаем...»

Он обращался к Угарову, второму секретарю обкома, говорил и Жданову, первому секретарю. В ответ: «Не поднимай панику!»

А тут вскоре я поехала в Москву и застала отца совершенно мрачным. Оказалось, что он тоже председатель комиссии по обмену партдокументов московской госбезопасности. И обнаружил точно такое же положение. Сказал: «Я написал докладную Сталину. Ни ответа, ни привета».

Вот так...

Однажды, уже в лагере, меня послали в командировку. Туда, где содержались сумасшедшие.

— Заключенные — сумасшедшие?

— Заключенные... Когда я вошла в барак, я услышала гул. Абсолютное большинство разговаривали со Сталиным! «Дорогой товарищ Сталин, я же всегда был такой... Никогда... Послушайте меня...» И так далее. На почве Сталина, обращаясь к нему, люди сходили с ума.

— Когда же вы, Зинаида Николаевна, начали понимать, что Сталин есть Сталин? Что Сталин все знает?

— Не сразу... На Воркуте мы пробыли недолго. Оттуда всех женщин отправили в совхозы. Нас — в совхоз «Кочмос»...

— Кочмос? Не космос, а кочмос? Это как-то связано?

— Нет. «Кочмос» на языке коми «Земной рай». Там мы жили опять в землянках. И секретарь парткома Сталинградского тракторного организовала бригаду строителей. Мы прошли эту нехитрую науку, стали строить бараки. Постепенно режим менялся. Самый страшный при Берии, уже перед войной.

Начальниками лагерей были сперва дзержинцы, как их называли. Те, кто еще работал в ЧК. У нас таким был Подлесный. Когда не было рядом охранника, он вел себя вполне прилично, даже называл нас на «вы» и говорил: «Товарищи».

В «Кочмосе» меня перевели медсестрой, а санитаркой была профессор Зинаида Чертенко. Подлесный часто бывал в больнице. Видел, как мы с Зинкой творим невероятные вещи, пытались облегчить заключенным положение. Сказал: «Давайте встретимся, мне хочется с вами поговорить».

Мы условились. И встретились в котловане. Подлесный рассказал, что из охранников хороший, расспрашивал о положении людей, сказал, что принимаются меры, чтобы все-таки закончилось беззаконие. Но, к несчастью, не решает этот вопрос Сталин. И тут мы спросили: «А вы считаете, что Сталин знает?» «Да, я твердо знаю, что Сталин все знает».

А время шло. Для многих истек срок заключения. Люди месяц за месяцем ждали освобождения. И им сказали: «Можете не ходить на работу...» Наконец вызвали: «Распишитесь». И те, кто имел три года, получили 10 лет нового срока. Марианка Ремзина получила 7 лет. В бараках стоял вой. Несколько человек сразу же пошли в тайгу и повесились. Поняли: будущего нет. Жили-то сроком. А теперь стало ясно: нет гарантии, что в следующий раз не придет такая же бумажка.

Подлесный пошел по баракам, говорил: «Товарищи, возьмите себя в руки». В ответ стон всю ночь. И всю ночь работала рация. «Товарищи, — говорил он, — вы слышите, работает рация, мы запрашиваем: не можете действовать такое беззаконие! Мы будем обращаться к международным организациям! Поверьте, что это должно прекратиться».

Когда пришли и его самого арестовать, он успел застрелиться.

— Что же спасало вас, Зинаида Николаевна, в лагере? Откуда брались силы?

— Что нас спасало? Когда пришел Берия, действительно стало невыносимо. В карцер сажали за белый воротничок, за то, что наденем свою собственную юбку, а не лагерную. Если не ходим в обмотках и фуфайке третьего срока. За чтение «Большевика». «Вы контрики, — говорили нам, — и ведите себя как контрики».

В «Кочмосе» была на общих работах, снимала зимой торф, работала на лесоповале, это с моей-то фигурой. Мне снег был по пояс. Да еще эти припадочки. Сделали носилочки и на них меня уносили. Я собирала сучья, рубила тоненькие березки. Но даже этот труд — на лесоповале, на снятии торфа, когда мерзнешь, да третий срок, — мы считали своим делом. Мы продолжали строить социализм! Пусть заключенные, но мы осваивали Север! Мы — пионеры.

— А не приходила мысль, что осваиваете Север для Сталина?

— Нет. Для народа. Для социализма. Никогда в голову нам не приходило, что для Сталина. Поэтому и переносили. Продолжали жить верой — наступит момент, вернемся...

Когда я попала на Воркуту, там была одна шахта Капитальная, а когда уезжала, их было уже пять! Первая построена еще раскулаченными, вся деревянная. А когда уже мы пришли, среди нас было много нефтяников-коммунистов из Азербайджана, они уже строили действительно капитально. Я уезжала — городок вырос!

— И что — ощущение гордости, что ли, было?

— Конечно. Стояло пять капитальных шахт, вы представляете?!

— И чувство своего вклада?

— Да, мы не в стороне!

Я слушаю старую женщину, полную сил. Лицо ее живет нервно, одухотворенно. Вдумываюсь в слова: какой-то театр абсурда. Сумасшедшие, бормочущие как заклинание имя Сталина. Здравомыслящие, осваивающие для него Север (как сообщила на полном серьезе Немцова, Сталин ведал, что творит: Север стал бы неприступным бастионом на случай эвакуации вождя, если пришлось бы ему бежать от немцев).

Финал этой истории и радостен, и грустен. Избежав «второго захода», предупрежденная тремя простыми женщинами, среди которых была даже жена начальника местной милиции (дело происходило в Печорах, в ссылке), Зинаида Немцова не стала еще раз испытывать судьбу, уехала, перешла-таки на нелегальное положение, достойное дочери старого подпольщика. Жила даже в Москве, хотя родные отвернулись, жила в Горьком, работала на кирпичном заводе, в беспаспортной зоне. В тяжелейшем состоянии, повторяя беспрерывно: «За что? За что? За что?» — дождалась, как она выражается, «смерти негодяя».

Да и в ЦК поехала — хлопотать о пенсии, всего лишь. Жить-то надо.

На нее взглянула старуха в приемной: «Ты Зина Немцова?»

«Да».

«Измучена ты сильно... Слушай меня внимательно. Вынесено решение ЦК приступить к пересмотру всех репрессий...»

Так началось для нее восстановление имени отца, своего имени, имени брата и матери...

Послала Мольтову, она ведь знала его, письмо, попросила поручиться. Ответил: «Материально могу помочь. Послать 50 рублей» (тогда 500). Немцова ответила: «Не нужно».

Я говорю: «Все-таки деньги...»

Отвечает: «Противно было. Я и в КПК ничего за папу не получила, а давали старыми 5 тысяч. Боялась, подумают: хлопочу из-за материальных соображений...»

Ей предложили работать в КПК. Отказалась.

Взяла билет до Ленинграда.

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?

Недавно по ЦТ был показан снятый 24 июня 1945 года документальный фильм «Парад Победы».

Думаю, эти кадры взволновали всех: и лично переживших войну, и родившихся после нее. Завершающий акт мировой трагедии, торжество добра над неправдой и злом, государственный триумф, подводящий черту неимоверным страданиям, и, как символ этого, повергнутые к подножию Мавзолея фашистские знамена... Все это незабываемо и наполняет сердце болью и гордостью.

Но, очевидно, миллионы телезрителей испытывали в этот вечер и другие чувства — недоумения, неловкости, жгучего стыда.

На экране появились титры: «Из речи Маршала Советского Союза Г. К. Жукова». И Жуков своим великолепным раскатистым «маршалским» голосом произнес ту самую историческую речь, которой внимали тогда не только замершие на площади войска, но и вся страна.

Спустя сорок три года мы вновь услышали этот текст. В нем не изменено ни одного слова. И все же то, что выдается за оригинал, по всем моральным и правовым понятиям имеет только одно название: историческая фальшивка.

«Нынешнему» Жукову (с помощью самой современной техники, разумеется) ни разу не позволили произнести известное имя. Вероятно, те, кто разрешал показ, руководствовались самыми благими намерениями: не поощрять сталинизм. На деле они оказали ему неоценимую услугу.

Сталин в этом фильме — фигура умолчания. И пусть его громадный портрет красуется на фронте ГУМа, пусть при его появлении взрываются восторгом трибуны, сам он, в такой же, как и на других военачальниках, маршалской форме (званием генералиссимуса он утешит себя через пару дней), демократично стоит среди своих сподвижников, ничуть не смущаясь и не обижаясь тем, что оратор не удостоивает его, Верховного главнокомандующего, ни одним добрым (или, положим, худым) словом.

А был ли мальчик?

Зачем, собственно, мы боролись с культом? Кто поверит в неистовое восхваление вождя — «вдохновителя и организатора всех наших побед»? Ничего подобного не было! Вот он, честный скромняга, стоит на Мавзолее и, благодушно усмехаясь в усы, привычно, профессионально превращает нас, теперешних, в Иванов родства не помнящих, манкуртов, форменных дурачков...

Кажется, в кино это называется несоответствием зрительного и слухового ряда. (Впрочем, с первым тоже не все ладно: камера застенчиво не доезжает до Берии... А как, помнится, бодро маршировал перед ней в прежние годы начальник политуправления 4-го Украинского фронта генерал Брежнев!)

Попробуем восстановить звук.

«Дело шло, как указывал товарищ Сталин, о жизни и смерти Советского государства», — сказал Жуков. Стоит ли огорчаться, если в фильме из этой фразы выпали «все-го лишь» вводные, в запятых, слова? Ведь

смысл-то не искажен! Да, смысл сохранился. Но грубо нарушено то, что неотторжимо от смысла: историческая акустика.

Оратор говорит о «гениальном сталинском предвидении», о торжестве «сталинской военной науки». И, как естественный вывод: «Мы победили потому, что нас вел к победе наш великий вождь и гениальный полководец Маршал Советского Союза — Сталин» («Правда», 25 июня 1945 года).

Великий полководец Жуков сказал то, что сказал. Он и не мог сказать ничего другого. Кто-то, пуская в ход монтажные ножницы, желает улучшить историю. Тем самым, унижает говорящего и оскорбляет всех нас.

И уж совсем непостижимо, для чего понадобилось перед демонстрацией фильма пробормотать несколько невразумительных слов по поводу не всегда правильно расставленных акцентов. Такое кокетство совершенно излишне: все акценты расставлены правильно. Вплоть до того, что в «железном» (кто бы тогда посмел его развязать?) сочетании «партия Ленина — Сталина» стыдливо исчезает второе составляющее.

Но зададим себе вопрос: кому все это нужно? Я уже говорил, что возликут лишь сталинисты, с наслаждением повторяя, что «перестройщики» нагло и неискусно искажают историческую правду (даром что фильм восстановлен в 1984 году). Плюнут с досады ветераны, пожмет плечами выдавшая виды молодежь...

История принадлежит народу — и народ имеет право знать все.

Исторические драмы, в которых действовали десятки и сотни миллионов людей, не поддаются позднейшей редактуре. Еще глупее и безнравственнее сочинять к ним счастливейший конец. Мы не малые дети, и не надо (из любви к нам) ничего адаптировать — ни текст, ни звук, ни изображение. Довольно вырезали мы из энциклопедий сегодня одни, а завтра другие страницы, ретушировали фотографии, кадрили кинохронику. Если ныне мы пойдем по этому заманчивому пути, Сталин может спать спокойно: все в порядке, мы прочно усвоили его методы.

В романе Дж. Оруэлла «1984» (совпадение с датой «восстановления» фильма, конечно же, чистая случайность) чиновник министерства правды заново составляет старые номера газет. «В этот процесс непрерывного изменения вовлечены не только газеты, но и книги, журналы, брошюры, плакаты, листовки, фильмы, фонограммы, карикатуры, фотографии — все виды литературы и документов, которые могли бы иметь политическое или идеологическое значение. Ежедневно и чуть ли не ежеминутно прошлое подгонялось под настоящее... Историю, как старый пергамент, выскабливали начисто и писали заново — столько раз, сколько нужно» («ЛГ», 11 мая 1988 г.).

Итак, способ известен и давно запатентован. Он не поддается частичному усовершенствованию — в сторону, скажем, некоторого смягчения. Ибо правда бывает только полной. Или не бывает никакой.

Игорь ВОЛГИН,
член Союза писателей СССР,
кандидат исторических наук

Надежда ВАСИЛЬЕВА

ОН
КРЕПКО СТОЯЛ
НА ЗЕМЛЕ...

ознакомил меня с Семашкевичем художественный критик, журналист, переводчик Сергей Матвеевич Ромов, незадолго до этого приехавший из Парижа, в котором прожил не одно десятилетие. Он много знал, обладал тонким вкусом, был лично знаком с Пикассо, Матиссом, Марке и многими другими знаменитостями.

Среди художников Ромов пользовался большим авторитетом. Он заметил Романа Семашкевича на выставке выпускников ВХУТЕИНа и очень его поддерживал. Ромов пожелал, чтобы Роман Семашкевич написал мой портрет. Ромов жил на Б. Полянке в уютном небольшом светлом домике, каких тогда было множество в Замоскворечье. Я отправилась туда, чтобы позировать Семашкевичу.

Роман Семашкевич своей внешностью напоминал рабочего, вернее, так одевался. Он был атлетического сложения, невысокого роста. Во всей его фигуре сквозила сила. Крепко стоял на земле. Русые волосы, немного выющиеся, крутые надбровные дуги, открытый лоб. Прекрасные были у него руки — ловкие, гибкие, сильные. Они творили чудеса.

В тот же час Семашкевич сделал мне предложение. Видимо, я отнеслась к этому предложению, как к чудачеству. Время показало, что все было очень серьезно. Я не помню, куда он дел тот мой первый портрет. Он так много меня писал, что невозможно было проследить, куда это все девалось. После сеанса он проводил меня домой, а на следующий день явился без приглашения с подарком. В руках у него был немалый холст, на котором было запечатлено Садовое кольцо с красным трамваем «Б» в буйных, роскошных зеленых зарослях Новинского бульвара. Вещь очень красивая. Я стеснялась и сторонилась его привязанности и вскоре уехала с группой ленинградских студентов в пешую экскурсию по Военно-Грузинской дороге. Где-то во Владикавказе он разыскал меня в толпищах экскурсантов и больше не отходил, следуя за мною неотступно. И судьбе было угодно, чтобы вплоть до его ареста мы больше никогда не расставались.

Кто же такой был художник Роман Семашкевич? В книге «Художники группы «13» сказано: «Семашкевич — одна из очень ярких и неведомых фигур в советском искусстве 20—30-х годов». Нельзя сказать «неведомая». Невозможно перечислить почитателей его замечательного дарования. Когда разговор зашел о произведениях Семашкевича, известный исследователь советской литературы и искусства Н. И. Харджиев сказал, что считает его наиболее талантливым представителем группы «13». Крупнейшие наши деятели литературы и искусства были его поклонниками: Татлин, Штеренберг, Дейнека, Удальцова, Кравченко, Зданевич, Эттингер, Крученых, Кузнецов, Артем Веселый, Ильф, Олеша, Харджиев, Кузьмин, Маврина, Катаев и многие, многие другие. Просто после ареста его вычеркнули из жизни, как будто вообще не было. Но фигура его была столь яркой, что даже по истечении времени о нем снова начали вспоминать. Ведь совсем забыть — значит обеднить себя.

«Самородок», — говорили художники группы «13». Да, но «самородок» учился в художественной школе и гимназии Б. Тарашкевича (Вильно), окончил Витебский художественный техникум по классу скульптуры и живописный факультет ВХУТЕИНа в 1930 году. Учителями его были С. В. Герасимов, А. Д. Древин, по рисунку — Д. Н. Кардовский. Никакой «школы» не признавал. Бесконечные рассуждения и споры об искусстве казались ему ненужными. Он говорил: «Я хочу жить, а не философствовать». Жить, в его понимании, — писать каждый день и целый день. И писал.

Сказать, что он любил искусство, — значит ничего не сказать. Он был одержимый. Нищий. Бессребренник. Наивный чудаков. Днем ли, ночью ли — со своею музою. Вырос в голубых лугах Белоруссии, которую очень любил. Страсть к живописи у Семашкевича пробудилась в раннем детстве. Красок в то время у него не было, и он выполнял свои рисунки соком, выжатым из цветов.

Что и как он писал? Писал много и быстро. Чем быстрее писал, тем лучше получалось. Писал много

Р. М. СЕМАШКЕВИЧ. 1900—1937. АВТОПОРТРЕТ. 1933.

ГОРОД У МОРЯ. 1931.

стариков, охотников, пейзажи с лошадьми, пейзажи со стадами, пейзажи городские, портреты, цветы, жанровые картины. Писал в нарушение всех догм и правил. И получалось. И замечательно. Как сказал художник Милашевский, «из него сами собой лились драгоценности видений, красок, образов, соцветий». Больше всего, мне кажется, его живопись отличалась яркой смелостью линий, самых сложных цветовых решений, удивительной цветовой насыщенностью. Семашкевич не любил белить. Он говорил, что белила обедняют цвет. Его палитра — чистых цветов. Она и сейчас горит в моих глазах.

Роман Семашкевич жил, как птица небесная. Не зная, что будет есть, пить, во что одеваться. Башмаки его были перевязаны для крепости проволокой. Денег, конечно, не было. Непонятно, как мы жили. Главное — нужно было писать, писать. Нужен материал. Подчас в ход шли простыни, матрацы, любые куски ткани. Холсты натягивал сам, грунтовал сам, подрамники строгал сам. Все быстро, наспех. Не то, чтобы он спешил. Через край лилась отпущенная ему небесами сила. Постоянно, с утра до ночи, либо с кистью, либо с пером. Поздно ложился, рано вставал. Без конца писал и рисовал меня и всех, кто попадал под руку. Часто писал по написанному. За полчаса портрет. Иногда по несколько полотен в день. Только маслом, а когда кончались холсты — пером и тушью. Акварелью не работал.

Писал с натуры и без нее. Он не нуждался ни в каких подмалевках, ни в каких обводках. Профессор ВХУТЕИНа, известная художница Н. А. Удальцова сказала, что его работы поражали внутренней силой, интересной композицией и мастерством исполнения. Художники группы «13» высоко ценили дарование Семашкевича, они пригласили его принять участие в их выставках. Он готов был выставиться хоть каждый день. У него было что выставлять. Он был, на мой взгляд, неизмеримо сильнее их. Маврина отзывалась о Р. Семашкевиче, что у него «получались полотна, которые хотелось иметь у себя дома, и не мне одной. Он сразу как-то стал мечтой коллекционеров».

Свои работы он раздаривал направо и налево. Художники, писатели, коллекционеры покупали у него картины и рисунки. Продавалось все за гроши. Роман Семашкевич был человеком очень добрым, трогательно любил животных, делился с людьми последней крохой. Никогда ничего не имел. Никогда ничего не просил. На одной из выставок Дейнека сказал ему: «Роман, я записал тебя в МОСХ». — «Записал и хорошо», — ответил ему Семашкевич. Он много выставлялся. Вот хронология его деятельности после окончания ВХУТЕИНа.

1930 год — выставка «Всекохудожник»; с этой выставки Третьяковская галерея приобрела картину «Автодор». Ранее Русский музей приобрел картину «Чайная». Его картины есть в музее имени Верещагина в Николаеве, в республиканских музеях в Чебоксарах, Минске, Фрунзе, в музеях Таганрога, Ярославля, у коллекционеров.

1931 год — персональная выставка на Б. Дмитровке. В 1932-м — творческая поездка по Белоруссии. Выставки в Петрикове, Мозыре, Минске. О выставке в Минске был восторженный отзыв в республиканской газете «Звезда». В 1933 году — участие в юбилейной выставке «Художники РСФСР за 15 лет». В 1934—1935 годах — творческая командировка от МОСХа на Северный Урал. Писал портреты знатных людей Златоустовского металлургического завода. В 1936 году — командировка на Алтай, в 1937-м — поездка в Белоруссию и подготовка к персональной выставке.

Совершенно неожиданно, в ночь на 2 ноября 1937 года, его арестовали, посадили в черную машину «М-1» и увезли. Больше я никогда его не видела. Все мои длительные хлопоты и поиски были без результатов. Осужден без суда — «тройкой». Ему было 37 лет.

Затем забрали около 200 картин, подготовленных к очередной выставке, без описи, без понятий, как положено по закону. После посмертной реабилитации конфискованные картины возвращены не были, несмотря на мои хлопоты и ходатайства. Где они, неизвестно. Так его убили два раза. Где могила моего мужа, художника Романа Матвеевича Семашкевича, мне неизвестно.

ПЕЙЗАЖ
С ДЕРЕВОМ.
1934.

ПОРТРЕТ
ЖЕНЫ
ХУДОЖНИКА
Н. М. ВАСИЛЬЕВОЙ.
1935.

ПОЭТИЧЕСКАЯ
АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ
МУЗА
XX
ВЕКА

Ведет Евгений ЕВТУШЕНКО

Георгий ИВАНОВ

1894—1958

Окончив кадетский корпус в Петербурге, печатал стихи акмеистического духа в «Аполлоне». Первая книга, «Отплытие на остров Цитеру» (1912), была крайне несамостоятельна, «Памятник славы» (1915) была ура-патриотической и резко противоречила антимилитаризму раннего Маяковского, пародийным издевательствам над войной Северянина (коня, шампанского, кинжал!). За границу в 1923 году Иванов уехал весьма средним, хотя и известным поэтом, значительно уступая тогда стихам своей молодой жены Ирины Одоевцевой, таким шедеврам, как «Толченное стекло», «Извозчик», которыми уже читывались. Георгия Иванова сделали большим поэтом именно трагическая безысходность эмиграции, ощущение постоянной боли и нехватки воздуха. Уступая Ходасевичу в чеканности, в философичности, он выигрывал по сравнению с ним в человеческой простоте, в умении исповедаться. По его стихам в разговорах с Богом ему было обещано воскреснуть. Воскрешение для поэта было вот чем: «Вернуться в Россию — стихами». Предчувствие не обмануло Георгия Иванова.

Здесь в лесах даже розы цветут,
Даже пальмы растут — вот умора!
Но как странно — во Франции, тут,
Я нигде не встречал мухомора.

Может быть, просто климат не тот —
Мало сосен, березок, болотца...
Ну, а может быть, он не растет,
Потому что ему не растется.

С той поры, с той далекой поры —
...Чахлый ельник, Балтийское море,
Тишина, пустота, комары,
Чья-то кровь на кривом мухоморе...

Я научился понемногу
Шагать со всеми — рядом, в ногу.
По пустыкам не волноваться
И правилам повиноваться.

Встают — встаю. Садятся — сяду.
Стозначный помню номер свой.
Лояльно благодарен Аду
За звездный кров над головой...

Рассказать обо всех мировых
дураках,
Что судьбу человечества держат
в руках?

Рассказать обо всех
мертвецах-подлецах,
Что уходят в историю в светлых
венцах?
Для чего?
Тишина под парижским мостом.
И какое мне дело, что будет потом.

А люди? Ну на что мне люди?
Идет мужик, ведет быка.
Сидит торговка: ноги, груди,
Платочек, круглые бока.

Природа? Вот она природа —
То дождь и холод, то жара.
Тоска в любое время года,
Как дребезжанье комара.

Конечно, есть и развлеченья:
Страх бедности, любви мученья,
Искусства сладкий леденец,
Самоубийство, наконец.

Если бы жить... Только бы жить...
Хоть на литейном заводе служить.

Хоть углекопом с тяжелой киркой,
Хоть бурлаком над Великой Рекой.

«Ухнем, дубинушка...»
Все это сны.
Руки твои ни на что не нужны.

Этим плечам ничего не поднять.
Нечего, значит, на Бога пенять.

Трубочка есть. Водочка есть,
Всем в кабаке одинакова честь!

Все чаще эти объявления:
Однополчане и семья
Вновь выражают сожаленья...
«Сегодня ты, а завтра я!»

Мы вымираем по порядку —
Кто поутру, кто вечером
И на кладбищенскую грядку
Ложимся, ровненько, рядом.

Невероятно до смешного:
Был целый мир — и нет его...

Вдруг — ни похода ледяного,
Ни капитана Иванова,
Ну, абсолютно ничего!

Мелодия становится цветком,
Он распускается и осыпается,
Он делается ветром и песком,
Летящим на огонь весенним
мотыльком,
Ветвями ивы в воду опускается...

Проходит тысяча мгновенных лет,
И перевоплощается мелодия
В тяжелый взгляд, в сиянье эпоса,
В рейтузы, в ментик, в «Ваше
благородие»,
В корнета гвардии — о, почему бы
нет?..

Туман... Тамань... Пустыня
внемлет Богу.
— Как далеко до завтрашнего дня!..
И Лермонтов один выходит
на дорогу,
Серебряными шпорами звеня.

Роману Гульо

Нет в России даже дорогих могил,
Может быть, и были — только
я забыл.
Нету Петербурга, Киева, Москвы —
Может быть, и были, да забыл, увы.

Ни границ не знаю, ни морей, ни рек.
Знаю — там остался
русский человек.

Русский он по сердцу, русский
по уму,
Если я с ним встречу, я его пойму.
Сразу, с полуслова... И тогда начну
Различать в тумане и его страну.

Иду — и думаю о разном,
Плету на гроб себе венок,
И в этом мире безобразном
Благообразно одинок.

Но слышу вдруг: война, идея,
Последний бой, двадцатый век...
И вспоминаю, холодея,
Что я уже не человек,

А судорога идиота,
Природой созданная зря —
«Урра!» из пасти патриота,
«Долой!» из глотки бунтаря.

Свободен путь под Фермопилами
На все четыре стороны.
И Греция цветет могилами,
Как будто не было войны.

А мы — Леонтьева и Тютчева
Сумбурные ученики —
Мы никогда не знали лучшего,
Чем праздной жизни пустяки.

Мы тешимся самообманами,
И нам потворствует весна,
Пройдя меж трезвыми и пьяными,
Она садится у окна.

«Дыша духами и туманами,
Она садится у окна».
Ей за морями-океанами
Видна блаженная страна:

Стоят рождественские елочки,
Скрывая снежную тюрьму.
И голубые комсомолочки,
Визжа, купаются в Крыму.

Они ныряют над могилами,
С одной — стихи, с другой — жених...
...И Леонид под Фермопилами,
Конечно, умер и за них.

Мне весна ничего не сказала —
Не могла. Может быть, — не нашлась.
Только в мутном пролете вокзала
Мимолетная люстра зажглась.

Только кто-то кому-то с перрона
Поклонился в ночной синеве,
Только слабо блеснула корона
На несчастной моей голове.

Было все — и тюрьма, и сума.
В обладании полным умом,
В обладании полным таланта,
С распроклятой судьбой эмигранта
Умираю...

И. Одоевцевой

Распыленный миллионом
мельчайших частиц,
В ледяном, безвоздушном,
бездушном эфире,
Где ни солнца, ни звезд,
ни деревьев, ни птиц,
Я вернусь — отраженьем —
в потерянном мире.

И опять, в романтическом Летнем
Саду,
В голубой белизне петербургского
мая,
По пустынным аллеям неслышно
пройду,
Драгоценные плечи твои обнимая.

Как обидно — чудным даром,
Божьим даром обладать,
Зная, что растратишь даром
Золотую благодать.

И не только зря растратишь,
Жемчуг свиньям раздаря,
Но еще к нему доплатишь
Жизнь, погубленную зря.

Портной обновочку утюжит,
Сопит портной, шипит утюг,
И брюки выглядят не хуже
Любых обыкновенных брюк.

А между тем они из воска,
Из музыки, из лебеды,
На синем белая полоска —
Граница счастья и беды.

Из бездны протянулись руки:
В одной цветы, в другой кинжал...
Вскочил портной, спасая брюки,
Но никуда не убежал.

Торчит кинжал в боку портного,
Белеют розы на груди.
В сиянии брюки Иванова
Летят и — вечность впереди.

Зима идет своим порядком —
Опять снежок. Еще должок.
И гадко в этом мире гадком
Жевать вчерашний пирожок.

И в этом мире слишком узком,
Где все потеря и урон,
Считать себя, с чего-то, русским,
Читать стихи, считать ворон.

Разнежась, радоваться маю,
Когда растаяла зима...
О, Господи, не понимаю,
Как все мы, не сойдя с ума,

Встаем-ложимся, щеки бреем,
Гуляем или пьем-едим,
О прошлом-будущем жалею,
А душу все не продадим.

Вот эту вяную душу —
За гривенник, копейку, грош.
Дороговато? — За полушку.
Бери бесплатно! — Не берешь?

Ретровернисаж Дмитрия ДЕБАБОВА

ВЗГЛЯНЕМ И ВСПОМНИМ

Когда он умер, ему еще и пятидесяти не было. Тысячи негативов, заботливо сохраненных супругой Дмитрия Георгиевича Маргаритой Дебабовой и его сыном, тоже Дмитрием, показывают нам глубочайший срез времени, огромный итог наполненной трудом жизни.

Его называли певцом Арктики, но на самом деле Дмитрий Дебабов публиковал в «Известиях», «Комсомольской правде», «Огоньке» свидетельства времени, не очень-то настаивая на их географической привязке. Его работы локализованы не только и не столько в пространстве, сколько во времени, они не только отражают, но объясняют время, творцом и свидетелем которого был фотохудожник.

Уходя в рейсы с первыми советскими ледоколами, снимая на Чукотке и Северном морском пути, он был верен заветам учителей — Сергея Эйзенштейна, Эдуарда Тиссе, великих воссоздателей зрительного образа преобразующейся жизни, видевших и осмысливавших.

Им было трудно. Ему было трудно. Видя многое, публиковал далеко не все, многие взгляды уходили в себя, вовнутрь, окаменевая в негативах. Мы немало сказали о неопубликованных прозе и поэзии, показали добытые из запасников полотна и снятые с полок киноленты; мы

только о фотохудожниках вспоминаем не сразу. А они-то видели едва ли не больше всех и доказательнее многих. Хорошо, что заведомо преувеличенная бодрая мысль «рукописи не горят» упорно вопреки всему уже не раз подтвердилась. Как оказалось, вопреки физике и целлулоидные пленки тоже не все сгорели; вопреки времени, цензуре и самоцензуре они тоже живы.

Давайте возвратим себе лики времени. Проследим своими глазами взгляд Деба-

• Вот так под съемку Дмитрий Дебатов... Трудно представить в нашей жестко зарегламентированном ритуале первомайских торжеств из Красной площади репортера, который ведет съемку, сидя на плечах ассистента. В начале 30-х такие «вольности» еще допускались. Но именно тогда народные праздники стали превращаться в помпезные торжества.

• Тяжелый каток административной коллективизации прокатился по стране. Вздыхалась Россия. Но уже залпа под удцы жестокостью и хитростью крестьянская душа.

• Многие из тех, кто на трибуне рядом со Сталиным, возле Мавзолея Ленина, скоро навсегда исчезнут, их попытаются вычеркнуть из нашей истории, памяти как «врагов народа». Перед нами один из последних снимков, когда они еще вместе: и будущие папачи и жертвы. Еще вместе...

Но жизнь народная шла отнюдь не по высочайшим указаниям. И еще многое предстоит узнать и этой чукотской женщине, и ее детям, души которых открылись, пораженные волшебной силой искусства, о времени и о себе.

Официальная пропаганда, как этот всегда бодрый регулировщик, направляла в нужном, указанном великим вождем направлении мысли людей. И все были обязаны молиться одному богу — отцу народов, который даже там, в глухой нарымской тайге, не оставлял своих детей без внимания.

Всем нам еще многое предстоит узнать об этом времени. И фотографии Дмитрия Доброва помогут нам в этом.

бова. Увидим его вернисаж — а мы намерены устроить такие вернисажи для многих фотохудожников — огоньковцев, им есть что показать. Взглянем и вспомним. Сегодня, когда подоплека, истинное лицо многих событий куда виднее, мы взглянемся в фотографии, возможно, и повнимательней, чем тогда, когда впервые их видели.

Как ведь важно — видеть себя и других со стороны заинтересованным, взглядом честного человека.

Итак, Дмитрий Дебабов родился в 1901 году, когда в Англии легализовали бокс в качестве законного спорта, в США застрелили президента. В 1949 году, когда он скончался, в СССР взорвали первую атомную бомбу, и это, возможно, остановило назревавшую третью мировую войну. Предыдущие два поместились в недолгую жизнь Дмитрия Дебабова.

Итак, предлагаем вашему вниманию незаурядные свидетельства времени, вернисаж Д. Г. Дебабова. Вы эту фамилию не раз встречали на страницах нашего журнала в последние годы: в редакции работает сын фотомастера Дмитрий Дмитриевич Дебабов.

СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ

Юрий МУШКЕТИК
Рассказ

ОНИКИЯ ЗАЙЦА

Оникий лежал, прикрыв глаза, и делал вид, что спит. Лежал тихо, а в душе что-то всхлипывало, всхлипывало, вздыхало. Кто знает, что творилось в его душе. Бывает так, бросят в родничок камень, и разбегутся во все стороны круги, ударятся о стенки-берега, и вода уже не прозрачная, а мутная.

Хотя откуда ей взяться, этой мути?

С билетом у него все в порядке, лежит он на своем месте, едет по важному делу на казенный счет. Попутчики попались хорошие, вежливые. Двое уже спят на верхних полках, этот, на нижней, читает при свете ночника. Двое полковников и инженер. Полковники! Они угощали его водкой и вкусной пахучей колбасой, инженер раскромсал жареную курицу и выложил рядышком малосольные огурчики... Оникий выложил полдюжину завернутых в газету холодных дерунов. Деруны утром испекла Варка... Полковники и инженер взяли по деруну, Оникий видел, что взяли они из приличия — жевали, как теляенок жуят тряпку, но вида не подали. И он не подал вида, что у него заскребло на душе. Сам он не очень-то отказывался от угощения, видел, что попутчики не отстанут — теперь все за простой народ, потому что и сами, мол, из него вышли. Да и видно, что хорошие люди.

На хорошие позвонивала о стенке стакана, вставленного в подстаканник, чайная ложечка, мешала думать. Лежал с закрытыми глазами и видел стол: чистая скатерка, тарелка с печеньем и сахаром в цветных обертках, три бутылки воды — две минеральной и одна с сиропом... Чай подавали сладкий и душистый, и белье чистое, прохладное, чуть влажное. И полки их изолированы от коридора. Купе! «Живут же люди», — вдруг всплыло неведь откуда, и Оникий стало как-то не по себе — тоскливо. Раньше он в таких вагонах не ездил. Дважды выбирался на Донбасс к сестре, но оба раза ездил в плацкартном. Вагоны расшатанные, лавки скрипят, окна в пятнах, будто заплесканы, на полу мусор. А тут под ногами коврик красный, а в коридоре дорожка. Купейный! Цена, поди, тоже... Билет не он брал, билеты вручили на вокзале всем членам делегации. Возглавлял делегацию сам Петр Федорович («Сам возглавил», «Сам сказал», «Сам будет выступать»), проводжали их в особой комнате на вокзале, проводжали с водкой, вином и закусками, там сидели весьма представительные люди, все они истоиво смотрели на Самого. Правда, в делегацию Оникий попал случайно, ехать должен был его однофамилец, Олексий Заяц, тоже телятник, из третьего отделения, но он неожиданно заболел, искать другого было некогда, а нужен был именно телятник. Третье отделение — крепенькое хозяйство, откормочный пункт там хороший, и план Олексий дает высокий: отделение при центральной усадьбе и на хороших землях. А Оникий — откормочный пункт в бывшем старом коровнике, корм Оникий возит на чалой кобылке Коробочке, швыряет зеленую массу в желоба вилами, — в сухую погоду еще так-сяк, а в непогоду... Мешанка мокрая, тяжелая, вывоздаешься по самые уши, руки ооченеют, ноги гудят. А еще нужно выгребать навоз, старенький транспортер приспособили, но он поработает день в неделю и станет, опять ремонтировать. Мочу приходится выносить ведрами. Провонял ею до самых печенок... Но зеленая масса — это лето, и редко, когда она бывает. А весной и в засушливое лето он пасет телят в лесу, а что еще делать: пастбища-то все распахали и засеяли кукурузой. Попробуй попаси в лесу телят! Пропадет какой, заработаешь себе, как тот Макар... Теперь, правда, придумали держать их на приколе возле дороги. Целый день стоит телянок на солнцепеке, попят его два раза в день — и все, траву под ногами он вытопчет, выбьет до черного тырла... Останется такой телянок у асфальта, засветит ребрами, шоферы шарахаются, думают, на штакетник едут.

Оникий закрывал или застонал, инженер спросил встревоженно:

— Что с вами?

— Да так... приснилось, — слукавил Оникий.

В городе делегатов поселили в гостиницу. Оникий выпал номер на двоих с председателем колхоза

«Вперед», тоже их района. Председатель сразу подался куда-то в гости, а у Оникия ни родственников, ни знакомых в городе, потому и остался в номере. Сидел в зеленом глубоком кресле, смотрел еще на одного Оникия — в зеркале, какого-то незнакомого, прилизанного, чисто выбритого, подстриженного, в белой рубашке, задумавшегося над чем-то таким, над чем тот, никогда не смотревшийся в зеркало Оникий, ни разу не задумывался. Был этот Оникий с темным лицом, рыжим, выгоревшим чубом, курносый носом и длинной, в мелких морщинах шеей, торчавшей из воротника рубашки, как толкач из макитры. За его спиной в вазочке алели гвоздики и показывал квадратную блестящую морду телевизор «Рубин». Оникий хотел было его включить, но побоялся — не знал, как.

Так и просидел весь вечер, только смотрел уже не в зеркало, а в окно на улицу, на обсаженный каштанами бульвар, по которому прогуливались празднично одетые молодые женщины и мужчины, ребята и девушки с гитарами и транзисторами в руках.

— Живут же люди, — не замечая, что думает вслух, сказал Оникий, расстелил белую хрустящую постель на полированной кровати.

Завтракали в ресторане, в уютном зале, на столах, кроме закусок, стояло кислое вино. Оникий попробовал — не понравилось и отодвинул бокал. Зато подналег на воду, вкусную и шипучую, которую все называли пепси, и ел деруны со сметаной, но не такие, как печет Варка, а маленькие, с хрустящей корочкой, мясо с жареной картошкой, вареники с творогом, и пил из маленькой чашечки кофе, которого не любил. Увидел, кое-кто пил чай, но сплхо-вал, не решился попросить официанта заменить кофе чаем, постеснялся: ведь уже отхлебнул из чашки.

Кофе потом подавали везде. Видно, решил Оникий, пошла такая мода, так нужно, и молча, хоть и с отвращением, глотал черное горькое пойло. Кофе подавали и в кабинете директора завода, по которому их водили. Ходили не ходили, видели не видели, а быстренько пробежали в новеньких касках между какими-то трубами, котлами и рейками, где все трещало, грохотало, ревело, и сразу в кабинет директора, а там уж их ждали кофе, коньяк и шампанское. Директор рассказывал, какую и сколько завод выдает продукцию, а они пили коньяк и одобительно кивали. «Как бы не упиться с утра», — подумал Оникий. На прощание им подарили книжечки о заводе и каски. Каска Оникий вроде бы и ни к чему была, однако хорошенькая — маленькая и с ремешками. «Будет ребятам забава».

Обедали в том же ресторане, теперь уже водку подали, наливали ее в высокие хрустальные рюмки, Оникий не пил: почему-то отвратило, и хотя было жалко — угощали на дармовщинку, — только пригубливал. То ли ему испортили аппетит коньяк и кофе, к которым прикладывались целый день без закуски, или причиной была жара, однако ни в физкультурном комплексе, который осматривали после завода, ни в обед Оникий не пил. Во время обеда говорили тосты, неожиданно кто-то назвал его фамилию и прибавил что-то такое о людях от земли или на земле, Оникий не очень и вслушивался, до того испугался и растерялся, что ничего путного придумать не смог, как заклинило, просто выпалил:

— У нас говорят: будем!

Все засмеялись. Сам, тоже посмеявшись, сказал: — А что... Народ скажет. Ему некогда рассусоливать. Коротко и ясно: будем здоровы, будем счастливы, будем деятельны. Так? — И прищурил большие веселые глаза.

— Истинно, — радостно согласился Оникий, и у него потеплело на сердце от благодарного чувства к Самому. И он опорожнил до дна рюмку, единственную за весь обед.

Упущенное наверстал вечером. Этот вечер запал ему в память на всю жизнь.

От нечего делать, не зная, куда себя деть, он слонялся возле гостиницы, и вот тогда к ней подъехали машины, из них вылезли несколько человек, остановились, поджидая, вскоре человек десять вышли из гостиницы, и с ними Сам, стали рассаживаться по машинам, а Оникий стоял столбом на

площади, как пугало на осеннем огороде, понимал, что нужно скрыться с глаз долой, но куда — не знал, и тогда Сам, который садился последним, кивнул на белую «Волгу», стоявшую в хвосте:

— Садись!

Оникий перепугался, но сел. Перепугался, однако и отметил в уме, что выпало ему что-то такое, чего не выпадет больше никогда, и терять этого нельзя. Вытащил из колоды туза, пусть только на одну игру, но все-таки вытащил.

Их везли куда-то за город, начались поля, за ними лес, и Оникий диву давался, куда их везут на ночь глядя, даже немного трусил, пока машины не остановились на широкой поляне возле островерхого, крытого гонтом дома. Со всех сторон поляну обступили дубы, неподалеку поблескивало в тростнике озерцо. Около дома росли несколько кустов рябины, красные ягоды ярко горели в лучах заходящего солнца. Под ними стояли вкопанные в землю лавки и узкие, в две доски, столы, на столах была расставлена в обливных тарелках закуска — помидоры и огурцы, салаты и селедка нескольких сортов, еще какая-то рыба, красная и белая, а на плетенных из лозы подносах навалом лежали большие толстые сардельки. Постукивал где-то на дубу дятел, несколько раз проворковала горлица. «Как в сказке», — мелькнуло в Оникиевой голове. Гости разминались, перебрасывались шутками, мыли около выстроившихся в ряд алюминиевых умывальников руки, и тогда Сам, подавая этим знак другим, взял с плоского лозового подноса (тут все было простое, деревянное, либо глиняное, только простота эта была какая-то особенная, не сельская) острую палочку, наколот на нее сардельку и понес к костру, пылавшему чуть в сторо-

не. И еще один костер заметил Оникий и, наблюдая, удивлялся: костра, собственно, не было, только жар пламенел на земле между двух столбов, вкопанных основательно и, видно, давно, потому что древесина потемнела, между столбами был пропущен шкворень, заканчивавшийся с обоих концов ручками, — на шкворень насажена большая туша бычка, и двое дядьков со сверкающими ножами в руках медленно поворачивали ее на шкворне, изредка поливая из бутылок красным вином. «То-то он вам зажарится, — усмехнулся про себя Оникий. — Мяса больше чем полцентнера, а жару — пригоршня. В печке жаркое и то упревает часа два».

К удивлению Оникия, мясо зажарилось. Два дядька (кто-то сказал «егери») срезали сверху тонкими ломтами и опять поворачивали шкворень, и так обжаривали бычка до хребтовины. Съели, будто и не висел он на шкворне. И было это мясо непривычно вкусным и душистым. Оникий сроду не пробовал ничего подобного. Правда, взял он только один кусочек, и то тогда, когда из гостей около жареной туши никого не было. Увидел, понял, что такой, как он, здесь один, попал в эту компанию случайно, как бы сбоку припека, и потому держался в сторонке, в тени. Сидел на пенечке возле дома, курил «Приму», пил пиво, вкусное чешское пиво, оно стояло на траве в ящиках. Сладкий, жирный дым расстилался по поляне. Там гуляли гости, гуляли могучие, ветвистые дубы, только машины понуро стояли в отдалении, похожие на притихших зверей, уставились стеклянными мордами в людей и затихли. Гости гуляли не очень пристойно, но и не очень буйно, иногда гульбище дробилось на несколько стаяк (люди расходились с бутылками в руках по несколько человек, раздавался громкий говор, смех), но когда подавал

голос Сам, все быстро собирались к столам и умоляли. Правда, Сам говорил редко, он сидел молча неподалеку от костра, и на его худощавом с орлиным носом лице играли багряные отблески. Оникий смотрел на эту внушительную красивую голову и с трепетным уважением думал, какая же она редкостная, эта голова, что вмещает в себя столько забот, успевает обо всем подумать, всюду навести порядок и всему определить смысл. И другие головы были тоже значительные, не шалая-валяй, а пили и ели, как все смертные, одного даже вывернуло наизнанку за кустами, и, однако, когда в Ониковой голове вдруг мелькнуло «живут же...», он прогнал эту мысль, как наваждение, и все же прогнал не совсем, она кружила где-то рядом, как лиса вокруг вывезенного в поле курятника, в нее стреляют, собак натравливают, а она все равно возвращается: чувствует поживу, поживу сладкую и не очень трудную. Мысль тоже чувствовала свою поживу, но какую, не мог разгадать и сам Оникий. От безделья он подсчитал ящики с пивом, бутылки на столе, хотя и не очень-то разбирался в ценах, округлил сумму... прищелкнул языком, и язык прилип к небу. В этот момент к нему подошел статный, подтянутый человек и спросил вполголоса, но строго:

— А вы почему не пьете?
— А что?

— Не положено! — сказал человек еще строже.

И Оникий, даром, что ли, век вековал подле телят, сразу понял: не положено смотреть на других трезвыми глазами, все должны быть в одном положении. И он подсел к кружку, примостился с краю на лавке. Его заметили. В это время разговор вился вокруг озерца, пустой, на взгляд Оникия, разговор. Есть в озере рыба или нет. Сам рассказал, что на прош-

лой неделе приехал отдохнуть, закинул удочки, просидел больше двух часов и ничего не поймал, кто-то другой, в тени, оправдываясь, промямлил, что пруд зарыбленный, а рыба тогда просто не клевала.

— А вот мы сейчас точно узнаем, — проговорил Сам. — Народ — он знает все. С одного взгляда. По приметам. Скажите... э-э-э...

— Оникий Оверкович... — подсказали ему.

— ...Оникий Оверкович, есть в нашем озере рыба или нет?

Озеро было немое и холодное, будто в нем и не вода стояла, а ртуть. Может, подумал Оникий, оно и в самом деле зарыблено, но рыба не гуляет, а может, врет этот, что оправдывается, баклуши бил, не сделал... Как тут отгадаешь? А угодить Самому очень хотелось. И он сказал:

— Есть у нас за селом пруд, Бровковым называем. Гоню я как-то с дедом Оком в ту сторону бычков, а возле пруда машина... видно, что приехала издалека. И трое рыбаков, городских с виду, да и снасть у них городская — удочки длинные и с катушками. Увидели они нас, и к деду Оку: «Дед, есть тут рыба?» «А куда бы она подевалась?» — Око им. В обед гоним бычков обратно, они сидят, как и сидели, и сетки пустые. «Дед, — они опять, — так есть тут рыба?» «А откуда ей тут взяться?» — дед им.

На поляне на минуту замерла тишина, и тут же разбилась вдребезги. Раздался такой хохот, что где-то глубоко в лесу испуганно вскрикнула совка. Сам хохотал громче других, насмеявшись, заметил:

— Народ скажет, как отрежет. Откуда она возьмется, если пруд не зарыблен. Вот так, Микола, не напускай тумана. Хреновый ты хозяин.

Микола молчал.

Потом, на протяжении всего вечера, эти две фразы «А куда бы она подевалась» и «А откуда ей тут взяться» гуляли над поляной еще много раз. Между прочим, говорили про завтрашний актив, ходил слух, что на него, возможно, придет... и шепотом произносили фамилию. Или фамилии и вовсе не произносили: без того было ясно, о ком речь. Сам же называл его Олександром Олександровичем.

На следующий день продолжались экскурсии. Оникий принес в гостиницу подаренные три больших продолговатых мотка шерсти, маленький чайный сервиз: чайничек с тремя чашками, и красочную тарелку с портретом какого-то известного писателя, а какого — не запомнил.

На третий день началось в городском дворце совещание. Совещание весьма важное, как писали потом в газетах, представительное, на высоком уровне. Сам сидел в президиуме, но хотя и в первом ряду, однако с краю, а в центре сидели другие, высшие должностные лица, а уж в самом яблочке, как определил для себя Оникий, Олександр Олександрович. Он его узнал по портретам в газетах, видел по телевизору и вот теперь смотрел на него вблизи, из четвертого ряда. Смотрел неотрывно, и сам ощущал причастность к чему-то великому, однако причастность малую, временную, не забывал или что-то не хотело забывать в нем, что он тут случайно, он тут не просто маленький, а никакой. Хотя, если подумать... Чем он хуже Олексия или председателя их колхоза Саввы Барсука (у них полсела носят звериные фамилии) — знает его сызмальства, лоб не семи пядей, к тому же и пьяница... Да и те, с кем вчера сидел на поляне, не воду озерную пили и разговорчики вели, особенно после того как выпили, не такие уж премудрые. Про рыбалку говорили, и про баб, да и как-то так... что ему не по себе было, стыдно немного. Не про жен, конечно... Жен упомянули раза два в шутилом тоне, он сам такого слова и не слышивал... Его Варка... жена. С неподъемными ведрами. С узлами вен на ногах. Зимой, случалось, запьет истопник, не разожжет котел, тогда она вместе с ним поддает с плиты кипятком ведрами, чтобы хоть немного размочить и сдобрить мерзлый жмых для телат. Ругается, проклинает и его, и свою жизнь, но поддает ведро за ведром.

Оникий так задумался, что когда в зале упала тишина, а потом прозвучал голос оратора, Олександра Олександровича: «Правильно я говорю?», Оникий вспорхнул, и первый на весь зал громко выкрикнул: «Правильно». Все зааплодировало то ли оратору, то ли ему. А оратор посмотрел на него пристально-пристально, улыбнулся и сказал дальше о том, что с тем, что было прежде, покончено навсегда, отныне начинается новый период в жизни села, село выходит на широкую, магистральную дорогу, и эта дорога приведет к конечной цели, которая теперь не за горами. Он говорил горячо, проникновенно, седой чуб спадал ему на лоб, и он отбрасывал его красивым взмахом руки.

В обеденный перерыв Оникия подозвал Сам и сказал: нужно выступить на активе. Оникий испугался; стал отказываться, убеждать, что ему и выступать-то не с чем, и показатели его скромнее некуда, да к тому же и говорить-то он не мастак, но что-то в нем замирало и подсказывало: сейчас решающий момент в его жизни, когда легко попасть в самое яблочко, а после того, как его заверили, что бояться ему нечего, текст напишут, согласился.

Сидя на своем месте и читая отпечатанные на машинке строки, он едва понимал прочитанное, только видел, что все это будто взято из старой газеты, и думал почему-то о сладком чае в купе вагона, о хрустящей белоснежной постели в гостинице, думал и о телятах, стоявших на приколе возле дороги, и впервые в своей жизни почувствовал, что душа его состоит из двух половинок, как разрезанный арбуз, он еще и есть, но уже не целый. Когда же вышел на трибуну, внутренне был спокоен, но делал вид, что безмерно волнуется, как-то конвульсивно скомкал бумажку с напечатанным текстом, выжал из глаз две слезы и как бы с трудом выдавил из себя:

— Тут мне написали, что сказать... Но я... я того... Я так не умею. Человек я простой, от земли и от плуга. А плачу я, товарищи, от радости. От радости за то, что наконец мы выходим на прямую, ровную дорогу и пойдем по ней, как по радуге, до победы. Этот путь нам указала вот эта рука.— И показал на правую руку Олександра Олександровича, лежавшую на столе.— Лично я, Оникий Заяц, беру на себя высокие обязательства, применяя прикольно-стойловый метод, сдать государству...— И назвал цифру, которую слышал не раз, как высший ориентир района.— Вот и все!

И сошел с трибуны. Зал обрушился аплодисментами. Олександр Олександрович поднялся, переждал, когда установится тишина, и бросил в зал, сорвав новую волну оваций:

— Так это же не Заяц, это Лев!

Потом Оникий много раз повторял в душе эти слова, повторял на разные лады, стараясь угадать их пророческий смысл. Ночью он спал плохо, о чем-то сожалел, винил себя, а потом успокоился.

Оникий ходил вдоль дороги, по которой, овеивая его колючим ветром, пронеслись машины, и распутывал веревки — почти половина телят захлестнулась за кусты и деревья, переплела, как путами, себе ноги. Они еще более отошались, стали какими-то полумертвыми-полуживыми, даже не мычали. Может, за эти дни их реже поили и не переносили приколья. Оникий долго стоял, думал, а потом прямо через поле пошел в центральную усадьбу колхоза, где в первом часу председатель колхоза Савва Барсук собирал на наряд бригадиров и специалистов. Савва сидел за столом, курил, дым тянуло в открытое окно.

— Знаешь, Савва,— не садясь на стул, хотя Барсук и махнул ему рукой, и не снимая с головы черную сплюснутую к козырьку фуражку, сказал Оникий,— телята на этих приколах не наберут и половины того, что им положено.

— А я при чем,— не поднимая головы, сказал Барсук.— Зерно вывезли до килограмма.

— Дай моим телятам зеленой массы второго укоса.

— Зеленая масса для коров... У нас план по молоку.

— А план по мясу? Знаешь, какие я взял обязательства?

Савва щурил от дыма крапчатые глаза, один почти совсем прикрыл, сигарета держалась у него во рту как-то криво, на сторону, пепла нагорело на ней с полпальца, думал что-то свое, всем видом показывая, что не принимает Оникиевы слова всерьез.

— Взял — выполняй.

— Не я брал. Мне подсказали.

— Я не подсказывал. И что это за метод такой — прикольно-стойловый? — прицелился из-под нависших бровей двумя, как дула двухстволки, крапчатыми глазами.

Оникию стало неуютно и немного жутко под этим прицелом, однако выдержал. Нужно сказать, последнее время его донимало чувство тревоги, казалось, что он идет по тонкому льду и каждую минуту слабая корка может треснуть и проломиться. Временами им овладевало острое предчувствие беды, чудились какие-то знаки, предвестники несчастья, смысл которых уловить не мог, но которые пугали. Однако он преодолевал этот страх. И сейчас поступил так же. Немного переждав, сказал:

— А так... Летом на приколе, зимой — в хлеву.

— По этому методу еще твоя бабка пасла телят на своей меже.

— Я буду пастись по-новому,— твердо сказал Оникий.

— Ну давай,— выпустил через ноздри две струи дыма Барсук.

— Отвечать будем за прирост вдвоем.

Савва поднял удивленные глаза. Такого он от Оникия не ожидал. Было в нем что-то новое, незнакомое, притаившееся до поры до времени, не поддающееся пока осмыслению. Поэтому и промолчал.

Однако через неделю сам прибежал к Оникию в телятник (телята стояли уже там) и заметался как ошпаренный, замахал длинными руками, хлопая ими по короткому туловищу.

— Чтоб тебе пусто было! Чтоб тебя телята в навоз втоптали! Кто тебя за язык тянул? Что теперь нам делать?

— А что мы должны делать? — спокойно спросил Оникий.

Он уже все взвесил, все обдумал и решил, что хуже, чем было, не будет.

— Да разве я знаю! — вскричал Савва.— Кино едут снимать про тебя.

Кино — это действо. Правда, оно началось еще до прибытия киностудийной группы. Приехал ответственный работник из области, приехал ответственный работник из района. Никакая мешанка спасти телят уже не могла. У колхоза был пункт, куда сгоняли телят, предназначенных к сдаче, там их подкармливали комбикормом, «доводили до кондиции», теперь этих телят на какое-то время передали Оникию, а Оникиевых отогнали в третье отделение. Телятник побелили, перекрыли крышу, отремонтировали транспортер, деревянную кухню-развалюху сломали, построили новую, кирпичную. В дом Оникию завезли из магазина мебельный гарнитур (строго приказали, чтобы дети не поцарапали гарнитур, его потом придется возвращать в магазин) и два ковра.

Киошники приехали в субботу. Сбежалось все село, и Оникию было как-то сиротливо, будто на сквозняке, под прицелом сотен пар глаз, но он стер с души и мыслей все сомнения («какое кому дело, как я живу и что делаю, я ничего ни у кого не украл»), был спокойный, деловой. Он тоже чувствовал: в нем появилось нечто новое, и оно теперь не исчезнет. Не все соседи и односельчане уловили эту его новую сущность, однако некоторые уловили, в их мыслях насмешка смешалась с удивлением, робостью, которые понемногу брали верх. Оникий носил вилами мешанку, почесывая лоб круглобокому бычку Валету, которого когда-то откармливал Олексий Заяц, поправлял на бычьих шеях цепи. Его снимали, и тут, и по дороге к дому, и около пруда, где он стоял и смотрел «в будущее», и мечтал, и все было хорошо. Только дома произошла непредвиденная заминка, над которой потом долго смеялось все село: киошники привезли четыре коробки конфет, Оникий должен был раздать их детям, каждому по коробке, будто только что вернулся с совещания, он так и сделал, дети ели конфеты, а тогда выяснилось, что все это на пленке не получилось, других коробок с конфетами для дубля киошники не привезли, стали просить у детей, чтобы те вернули коробки, а батко, мол, тут же вам отдаст, а дети — все с длинными шеями, головастики — в отца, старшенький еще и в каске, — не поверили, не отдавали, бородастые киошники в джинсах бросились отнимать коробки, дети с ревом метнулись в огород, доедали конфеты на бегу, теряли их, так что вручать повторно было нечего, да к тому же и дети были зареванные, улыбаться, глядя на пустые коробки, не хотели. Так и не вышла для кино сцена возвращения с совещания Оникия Зайца. И не вышла сцена разговора с братом Федором и Олексием Зайцем, те наотрез отказались прийти к нему.

Киошники уехали, кооперация захотела забрать гарнитур и ковры, Оникий уперся, не давал, вышло долгое препирательство, но тут подоспел слух, что через их область будет проезжать за рубеж Олександр Олександрович и, возможно, заедет в гости к Оникию. Вот тогда-то и поднялась настоящая суматоха. Оникия перевели в первое отделение, где только что отстроили новый телятник, и дали новый, предназначавшийся для агронома, дом. Олександр Олександрович все не ехал или, может, поехал другим путем, но дом, мебель и ковры остались у Оникия. Теперь у него был помощник, который возил зеленую массу и таскал навоз на транспортер, и хотя сам Оникий не сидел сложа руки, все же на ферме бывал не всегда: часто ездил делиться опытом и выбивал для себя и для колхоза технику, запчасти, корм. Когда в первый раз обратился к Барсуку за комбикормом, тот сказал:

— Где я тебе возьму. Дуй в район, выбивай. Ты теперь того... на такой высоте, с которой тебя далеко видно.

Оникий поехал и выбил.

Через некоторое время подоспел Оникию вызов на новое совещание. Провожая его в дорогу, Барсук на прощание сказал:

— Возьми вот этот наряд на три машины и два трактора и реализуй. Прямо к министру, он там будет непременно. Бей на лету и без промаха. Реализуешь — я в долгу не останусь. Подставляю, где нужно, плечо и прикрою. Без меня ты не обойдешься. Мы теперь... как это в песне: два берега у одной реки.

Варка сунула Оникию узелок с пирожками, но Оникий знал, что пирожки теперь ему ни к чему, и раздал их детям. Его цыганята умяли их тут же возле «газика», в котором ехал на станцию их отец. Оникий и Барсука угостил пирожком, тот надкусил его, из пирожка брызнул вишневый сок на борт серого пиджака, председатель вытер пиджак ладонью, а пирожок бросил в кусты малины за забором. Может, поэтому чуть-чуть приподнял на прощание высокую, будто бы и не военную, но и не простую, не сельскую фуражку. Оникий подумал, не купить ли и ему такую, но потом решил: не стоит.

Он сидел в зале с мраморными колоннами и сте-

клянной крышей, зал освещался лампами дневного света, и, однако, когда из-за туч выглядывало солнце, он будто бы наливался золотым сиянием, а когда заходило за тучи, мрачнел. На совещании обсуждали книгу Олександра Олександровича. Книгу или книжечку (в поезде кто-то назвал ее просто брошюрой)? В ней Олександр Олександрович рассказывал про свою жизнь. Один за другим поднимались на трибуну ораторы, все весьма уважаемые люди — министры, академики, писатели, — и говорили, что подобной книги еще не знал белый свет, написана она как прекрасная песня, и мудрость ее редкостная, превосходящая книги всех времен и народов. Ораторы читали по бумажке, большей частью в зал не смотрели.

Оникий книги не читал и не знал, верить выступавшим или не верить. Глядел на лица присутствующих в зале, все они были серьезные и сосредоточенные, но серьезные и сосредоточенные как-то по особому, что-то в них проступало скрытое, ускользающее, почти неуловимое. Оникий все же это заметил, скорее почувствовал, и ощутил себя причастным ко всем этим людям и заодно с ними как бы опущенным во что-то низкое, а может, и постыдное. Ему представилось, что все они сидят по горло в мелком пруду и pinaют друг друга ногами, а для вида изображают на лицах значительность и даже торжественность. Творилось какое-то таинство, посвящение во что-то высокое или, наоборот, низкое. «А что, если все эти важные люди, — подумал Оникий, — просто валяют дурака? А может, и становятся ими?» Он даже испугался и тут же отскочил от этой мысли. И в этот миг что-то окончательно определилось в нем самом, отпустило в груди нечто туго натянутое, как гужевая веревка, он ощущал ее со дня своего выступления на совещании. Нет-нет, да и наткнется. Он вздохнул с облегчением и стал приглядываться к боковым ломам, в которых сидели министры, а потом шепотом попросил соседа показать нужного ему министра. В перерыве подошел к нему и «реализовал» наряд, сделать это оказалось нетрудно: все уже знали Оникия, здоровались с ним, похлопывали дружески по плечу как народного самородка, было видно, что они его немного уважали и немного побаивались. «Выйдет такой на трибуну и ляпнет...»

В обеденный перерыв у Оникия взяло интервью радио, он сказал, что знал в жизни две книги, одну с детства — «Кобзарь» и другую вот эту. Интервью напечатали в газете. Через несколько дней Оникий получил книгу с дарственной надписью автора. Он показывал ее тем, кому считал нужным показать.

Поздней осенью Оникий получил высшую награду. Правда, с ней в его жизни мало что изменилось, он продолжал работать на откормочном пункте, отказавшись, однако, от прикольного метода: ему теперь давали необходимую норму комбикорма и без ограничений зеленой массы — мешанки. Оникий ездил в область и столицу на совещания и активы, а также за посевным материалом, кровельным железом — всем, что было необходимо селу, так что Барсук был им доволен. Теперь уж он ни в чем не перечил Оникию, а только просил сделать то или это, выбить комбайн, трактор, несколько разборных домиков или снизить в районе цифру обязательных поставок. И Оникий, в свою очередь, понимал, что должен эти просьбы выполнять. Ибо известно: председатель колхоза на селе — бог и царь в одном лице. От рождения до похорон (роженцу отвозят на его машине, «Скорой помощи» тут нет, молодые едут в загс тоже на ней, Оникия к поезду подбрасывает она же) — все в его ведении и власти. Починить крышу, вспахать огород, приобрести цыплят или поросенка — без председателя не обойтись, будь ты хоть кумом самому министру. У доброго бога — доброе сердце, ты с ним по-доброму, по-доброму и он к тебе. Оникий к Барсуку в друзья не набивался, держался с ним ровно, спокойно — достойно. Барсук же вел себя с ним как-то непонятно: то лстыиво, по имени и отчеству, то с тайной усмешечкой, кривившей его толстые, шершавые губы. Правда, своим словам всегда знал меру.

А в остальном в жизни Оникия и в самом деле мало что изменилось. Так же, как прежде, рано вставал по утрам и месил кирзачами грязь от дома до фермы, бросал с транспортного прицепа мешанку, сгребал навоз, выгуливал в поле бычков, покрикивал на двух помощников, курил в короткие минуты перерыва «Приму», но завел обычай пить вечером на верандочке чай. Сам сколотил из досок маленький столик (видел такие столики в гостиницах), купил два зеленых кресла, в одно садился сам, в другое — Варка. Правда, она сидела в кресле редко, вертелась как белка в колесе: четверо ребят на руках, хозяйство, кухня (нормы на свекле ей уже не выделяли). Да и казалось ей это чаепитие непомерной роскошью. Однако застилала чистой салфеткой столик, ставила чайник с кипятком и заварку в маленьком белом чайничке с красными петухами. Оникий любил, чтобы чай был горячий, прямо огневой, и сладкий-сладкий.

Авторизованный перевод с украинского Надежды КРЮЧКОВОЙ

УРАЛ — КРАЙ СОКРОВИЩ

ТРУДНО НАЙТИ НА ПЛАНЕТЕ МЕСТО,
СТОЛЬ ЖЕ ЩЕДРОЕ НА КРАСОТЫ И СТОЛЬ
ЖЕ БОГАТОЕ СВОИМИ ЗЕМНЫМИ
СОКРОВИЩАМИ. А В ИСТОРИИ УРАЛА
ТРУДНО НАЙТИ ДРУГУЮ ТАКУЮ ЖЕ
СЛАВНУЮ СТРОКУ, КАК ТА, ЧТО ВПИСАНА
ПЕРВОДОБЫТЧИКАМИ ЗНАМЕНИТОЙ
МАГНИТОГОРСКОЙ РУДЫ. И ПОДВИГ
ИХ — В ПАМЯТНИКЕ.

НАВЕРНОЕ, НЕ МОЖЕТ НЕ БЫТЬ
ПРЯМОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ МОЩЬЮ
И КРАСОТОЙ УРАЛА, ВОШЕДШЕЙ
В ПОГОВОРКИ ШИРОТОЙ УРАЛЬ-
СКОГО ХАРАКТЕРА И НЕОБЫКНО-
ВЕННЫМИ ДЕЛАМИ УРАЛЬЦЕВ,
БУДЬ ТО УНИКАЛЬНЫЕ ИЗДЕЛИЯ
МАСТЕРОВ, БРОНЯ ДЛЯ ЛУЧШИХ
В МИРЕ ТАНКОВ В ВОЕННУЮ ГОДИ-
НУ ИЛИ ЗАВОДЫ-ГИГАНТЫ,
ПОСТРОЕННЫЕ В МИРНЫЕ ДНИ.

КАК ОБЪЯСНИТЬ В ОДНОЙ ФРАЗЕ МНОГИЕ ЛУЧШИЕ КАЧЕСТВА,
СВОЙСТВЕННЫЕ ЧЕЛОВЕКУ: ПЫТЛИВЫЙ, ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКИЙ СКЛАД УМА,
СПОСОБНОСТЬ ДЕЛАТЬ САМУЮ ТРУДНУЮ РАБОТУ,
ПРИВНОСЯ В НЕЕ ФАНТАЗИЮ И ТВОРЧЕСТВО?
ПРОЩЕ ВСЕГО СКАЗАТЬ О ТАКИХ ЛЮДЯХ ОДНИМ СЛОВОМ: ЭТО — УРАЛЬЦЫ!

Фото Геннадия КОПОСОВА, Александра НАГРАЛЬЯНА, Льва ШЕРСТЕННИКОВА.

КАК ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ...

Е сразу решился я начать с такого признания: думал, что сведения, которые приведу, интересны только для автора, так сказать, они его личное дело. И все-таки, и все-таки... По моим блокнотам выходит, что за свою третьевековую жизнь в журналистике мне довелось побывать во всех союзных республиках, да еще в 57 краях, областях, автономных республиках и округах, — считай, половина в Союзе! Выстроишь поездки в порядок, и без сомнения заключаешь, что свидание и знакомство ни с одной из этих «административно-территориальных единиц» не произвели на меня такого яркого и неповторимого впечатления, как встречи с Уралом. Задумываюсь: отчего это? Может быть, оттого, что мне сказочно повезло в той первой поездке по Уралу? Довелось проехать от Магнитогорска почти до горы Народной — через всю россыпь больших и малых его городов, монистами нанизанных на нитки железных дорог, — городов, из которых каждый издавна знатен и мастеровит, отмечен «лица необщим выраженьем». Златоуст, Касли, Аша, Красноуральск...

В той первой поездке я заключил с собой уговор — не летать вдоль хребта самолетом, хотя рейсы между крупными городами Урала были и в ту пору. Уже тогда я понял, что виновницей такого не очень разумного решения была поэма Твардовского «За далью — даль», написанная за несколько лет до этого, и в которой есть удивительные по силе слова об Урале:

*Урал! Опорный край державы,
Ее добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней боец.*

*Когда на запад эшелоны,
На край пылающей земли
Ту мощь брони незачехленной
Стволов и гусениц везли,
Тогда бывало поголовно
Весь фронт огромный повторял
Со вздохом нежности сыновней
Два слова:*

— Батюшка Урал!

*...Урал! Я нынче еду мимо,
И что-то сжалось в груди:
Тебя, как будто край родимый,
Я оставляю позади!*

*Но сколько раз в дороге дальней
Я повторю — как лег, как встал —
И все теплей и благодарней
Два слова:*

— Батюшка Урал!

...Из той же первой поездки, да и многих последующих, я вынес ощущение необычайной контрастности этого неповторимого региона (не забудем — более двух тысяч километров по меридиану)!

Контрасты индустриальные: от гигантских шагающих и роторных экскаваторов и уникальных прокатных станов, самых могучих в мире тракторов и турбин до микронной точности изделий.

Контрасты географические — степи, сосновые и еловые таежные боры, голые угрюмые вершины и легкоранимая тундра, уходящая к Северному Ледовитому.

Но, увы, более всего поражают и все более поражают контрасты экологические. Девственные леса вдоль берегов некогда кристальных рек, хрустальные озера — давно прошедший день. Те пейзажные снимки,

которые вы видите на цветной вкладке, скорее говорят об избрательности и самоотверженном поиске фотокорреспондентов, нежели о системной борьбе за охрану окружающей среды в регионе, где многие города стали экологически больными. Как-то, поднявшись на Уктусские горы, я вознамерился с их высоты полюбоваться панорамой столицы Урала — Свердловска. Не тут-то было! С трудом просматривался недалёкий отсюда «Химмаш» — и это в апрельский бестуманный день... Весь огромный город был накрыт серо-сизым пологом.

А в Челябинске и недалёком Нижнем Тагиле экологическая обстановка еще сложнее. Не случайно тагильчане в последнее время провели хорошо организованные митинги в защиту окружающей среды.

Недавно комиссия Совета Министров СССР, рассмотревшая экологическое состояние ряда районов страны, обратила внимание Минтяжмаша (министр В. М. Величко) и Минэнерго (министр А. И. Майорец) на необходимость коренного улучшения организации работ по предотвращению загрязнения атмосферного воздуха предприятиями этих отраслей. Уральцы очень порадовались строгому нелицеприятному разговору в высокой инстанции — ведь дело непосредственно касается их региона, пожалуй, с одной из самых напряженных экологических перегрузок в стране.

...Немало трудовых подарков у коллективов уральских городов и сел к XIX партийной конференции. Страна знает и о добрых начинаниях уральцев в первые годы перестройки. «Огонек» уже рассказывал о договоре «Уралмаш» — «Магнитка» — эффекте прямых контактов между ними при реконструкции металлургического гиганта. Идея: избежать увязания в тенетах многолетних согласований в «центре», в «верхах». И хотя даже эти прямые связи не проходят без некоторых сбоев, они дают ощутимый выигрыш во времени — целые годы! — на вводе, к примеру, крупнейшего кислородно-конвертерного цеха Магнитки.

— С пуском его, — говорит директор комбината, делегат XIX партийной конференции И. Х. Рамазан, — преобразится сам город. Ведь новый цех-богатырь — это не только новейшая технология и высокое качество продукции, но и чистый воздух над городом.

Но, может быть, одним из самых ярких примеров активного участия в перестройке является пример все с тем же «Уралмашем». Коллектив его как хозяин производства отказался от выпуска ненужной продукции, несмотря на предписания Минтяжмаша. Необычная ситуация, не правда ли? Почти стотысячный гигант жил ею. Казалось бы, кто-то из руководителей министерства снизойдет до «выхода в массы», до открытого разговора, как этого требует время. Но прямого диалога не последовало. Вот как, оказывается, трудно переходить на новую колею управления...

Сотни делегатов-уральцев активно участвовали в работе только что закончившейся Всесоюзной партийной конференции. Они принесли на нее солидный багаж идей и предложений, отвечающих духу перестройки, направленных на необратимость благотворных процессов, происходящих в партии и обществе.

Алексей ПАНЧЕНКО

Окончание. Начало см. в № 26.

Борис МОЖАЕВ

НЕ ВЗМАНЫ!

4

то же представляет собой современная система управления в натуре, а не по теоретическим трактатам? Давайте заглянем в разные уголки державы нашей и присмотримся к тому, как за последние два года, начиная с апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, изменились порядки управления, заведенные более полувека назад; внимательный анализ экономики и методов управления последнего периода важен хотя бы потому, чтобы не повторились негативные явления и после июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС.

Секретарь Московского обкома В. Месяц заявил: «Надои молока уменьшились по сравнению с прошлым годом в 15 районах, не освоено по капитальному строительству жилья, ферм 56 млн. рублей, по вводу объектов и эксплуатацию 86 млн. рублей...» («Ленинское знамя», 1986, 7 сентября). А ведь Московская область не из худших в нашей стране. И удивляемся: что ж, мол, это творится, братцы? Призываем вас идти вперед, а вы назад пяти-тесь!

А удивляться нечему. Чтобы лучше

понять тех, кого призывают, давайте хоть на минуту поставим себя на их место, на место колхозников да совхозников, да руководителей хозяйств, которым и надо давать темпы. Но чтобы их давать, нужно укреплять и увеличивать производственную базу, то есть надо позарез ремонтировать и строить фермы, жилье, склады, дороги и проч. Конторы строительной, как правило, в хозяйстве нет, а та, что есть, — в районе, загружена по горло, и очередь на нее огромная. Сами же хозяйства не имеют ни железа, ни цемента, ни кирпича, ни досок, ни бревен, ни строительных машин, и купить это добро нигде не могут, а только ждут как небесной манны: авось наверху кто-либо разжалобится и подпишет лимит, то бишь даст (смешно сказать!) бумагу на право купить кирпич или цемент на СВОИ деньги. Ни колхоз, ни совхоз не имеют права покупать за наличный расчет в магазине не то что цемент, но даже гвоздей или электролампочек... А деньги колхозные и совхозные, у иных они и есть, никудышной бумагой лежат в банке.

Конечно, находятся отчаянные головы, обходят эти лимитные рогадки, ухитряются доставать «на стороне» строительные материалы и строятся... В прошлом году я был у одного из своих приятелей — директора мощного совхоза, который на свой страх и риск построил замечательный коровник на 140 голов. В нем просторно и сухо, действует простая и надежная механизация. А какой замечательный медпункт при коровнике, какая комната отдыха!.. С изразцовым камином, с зеркалами во всю стену... Такой фермы я и в Англии не видел. И коровы не толкуются в грязи возле коровника: повсюду асфальт чередуется с мощным дерновым покровом. И дояркам удобно, и коровам. И стоит каждое коровье место здесь втрое дешевле, чем в огромных железобетонных сараях, то бишь комплексах, где зимой гуляют сквозняки, а летом на полах застаивается вода и коровы теряют копыта. Зато эти комплексы сотворены по проекту, утвержденному свыше.

Но кто же этот мудрец и смельчак? — спросите вы. А не скажу. Его уж не раз жестоко били за эти интервью, доводили до инсульта и даже до инфаркта. Теперь он хочет только одного: чтобы о нем не писали. Правда, сам он обмолвился недавно по телевидению о мытарствах со своей фермой... Но я дал ему слово, потому и не пишу, как и где доставал он кирпич, цемент, железо, как ездил за лесом аж за Волгу к знакомому директору леспромхоза... Да что говорить! Все выпрашивал, умолял со слезой во взоре, унижаясь и понимая, что в любую минуту может угодить под следствие. Ведь никто ему ни фондов, ни лимитов не выделял. И строителей никто не выделял, своих ребят собрал, сам работал да нанимал вольных армян. И тут риск — ведь шабашники! Но что делать? Коровник нужен позарез, а строительные конторы и в районе, и в области все загружены вперед на много лет. Рискует мужик головой. Ради чего? А ради интересов совхоза, ради государства, наконец. Построил прекрасную ферму — и вот чудо: вроде бы и нет ее, потому как не принимают инстанции, не ставят на баланс. Незаконно построил!.. И крутится директор совхоза, как воробей на шиле.

Наконец-то приняли ферму и... оштрафовали директора на девятьсот рублей — три оклада взяли с него за нарушение «финансовой дисциплины». То есть за проявленную инициативу, за самостоятельность! А еще его наказали «госзаказом» — сдать в следующем году 120 тонн семян рапса и 15 тонн рапсового масла. Чтобы выполнить такой заказ, он должен засеять 500 гектаров рапсом. Где взять эти 500 гектаров? В совхозе у него всего 4 тысячи

* Впрочем, теперь можем назвать имя его — Гончаров Евгений Михайлович.

гектаров пашни и 18 тысяч голов крупного рогатого скота, то есть это молочно-мясное хозяйство. На производство мяса и молока ему земельных угодий не хватает, кормовой баланс в прошлом году в совхозе был отрицательным. А на это не взирай! Пусть у директора голова болит. Он сам самостоятельно-сти хотел. Вот и найдёт сам, где взять эти 500 гектаров. Вон в тундре много ещё земли не распаханно. А от Подмосковья до тундры всего две тысячи километров. Пусть съездит в тундру, посеет там. А семена рапса, а рапсовое масло вынь да положи к концу года. Буде не сдаст директор — пусть пеняет на себя: лишим премиальных весь коллектив совхоза, а его самого... зарплата (слава богу, что не живота). Вот это и есть перестройка: раньше мы, чиновники, думали, где достать семена рапса и это самое масло, а теперь пусть мечутся директор, а наше дело — спустить им разверстку.

от мы и дожили до того, что за хорошую работу бьют и плакать не велят. Вспомните хотя бы историю с братьями Стародубцевыми из Тульской области. Самовольство? Будь угодником — и тебе будет хорошо. Исполняя священную заповедь бюрократа: «Не взирай!» А что хозяйство станет убыточным — наплевать. Таких у нас большинство.

Не так давно в газете промелькнула ужасающая цифра: только в одной нечерноземной полосе насчитывается 3600 хозяйств-банкротов, урожай у которых не выше десяти центнеров, и что ежели подтянуть их до среднего урожая, то мы получим столько прибыли в урожае, сколько даёт вся Кубань.

По логике здравомыслящего человека надо прежде всего заняться подъёмом этих, и не только этих, убыточных хозяйств. Ведь стыдно при теперешнем техническом оснащении получать урожай ниже, чем в те времена, когда земля ковырялась сохой. А для этого необходимо прежде всего развернуть на селе строительство дорог, жилья, ферм, больниц, школ, клубов и проч., то есть создать условия жизни, не уступающие городским. Только тогда пойдёт в села из городов мастеровой народ, а не шаромыжники да пьяницы. Но для такого всенародного строительства следует немедленно отменить все эти лимиты да фонды, ввести наконец **товарно-денежные отношения**, создать повсеместно торговые базы, **открыть магазины по свободной торговле строительными материалами**, как это было сделано в двадцатые годы; необходимо разрешить свободную организацию строительных бригад и артелей и наконец дать возможность руководителям хозяйств вольно продавать сельхозпродукты и покупать на свои деньги все, что им необходимо. Если же они сидят в долгах, то надо предоставлять ссуды на определенных условиях. А неисправимых должников следует прикрывать как банкротов. Вот это и будет возвращением к ленинской политике кооперации и нэпа. Оживляя таким образом жизнь в опустелых селах России, мы тем самым привлечем туда необходимые трудовые резервы, которые повысят рентабельность земли, без чего невозможно устойчивое развитие промышленности. Технический прогресс стоит на земле — это надо нам хорошо запомнить. И не делать вида, что все само собой устроится.

Грустно оттого, что граждане державы нашей в иных краях и в глаза не видели эту перестройку. Разумеется, местное начальство виновато в этом прежде всего. Но нельзя пустить на самотек перестройку; тут одних постановлений мало, надо ещё и власть употребить к тем, которые нарушают эти постановления. Так было сделано Лениным в 1921—1922 годах; так и китайцы провели свою перестройку в деревне, и вот за четыре года после перехода на всеобщий семейный и звеньевой

подряд производство продукции в Китае выросло почти вдвое, и это без особых капиталовложений правительством. Разумеется, этот рост и у нас в двадцатые годы и теперь у китайцев невозможен был без отмены системы жестких лимитов и фондов.

Но теперешние бдительные консулы продрозверстки и этих лимитов немедленно осаживают сторонников развития товарно-денежных отношений: «Назад! Не смей! Без жесткого повального планирования (в сущности, **тотального продрозверстки**) нельзя!» По их разумению, все, что ни вырастет, отдай государству. Сперва свежи план, потом — повышенные обязательства и прочее. Вези! Сваливай хоть в общие вороха, под открытым небом. Как на свалку. Иначе, мол, социализма не будет...

Ага! Что за социализм, ежели тридцать процентов зерна в хозяйствах останутся? Постановление было — оставить. А нам плевать! Во имя своего «социализма» откачали почти все — оставили только два процента (год спустя стыдливо признались в этом). Откачать откачали и... погноили под открытым небом. Недавно по телевизору сообщили: двадцать процентов прошлогоднего зерна сгноили... Ну, и что? Подумаешь, пропало каких-то сорок миллионов тонн зерна! Купим! Но зато это самое — социализм в чистоте оставим. И не какой-нибудь социализм, а сталинский, высшей кондиции! Который начали с «великого перелома». Так переломались, что до сих пор выпрямиться не можем. Хоть на карачках будем ползать, но пылать от гордости: мы первые стали в такую позу. И нечего соблазнять нас то историческими примерами двадцатых годов, то притканными соседями, которые-де товарно-денежные отношения развивают, рынок. А нам и так хорошо — под себя смотрим.

Но шутки в сторону. Некоторые и всерьёз поговаривают: ну, да! а чем торговать? Ведь это все дефицит, возразят мне. Вот что я отвечаю: лет двадцать назад Д. Полянский, тогдашний первый зампред Совмина, с некоторым удивлением признавался мне в своем кабинете: «Ты только подумай! Цемента мы выпускаем больше Америки, железа выплавляем больше. Но по объёму строительных работ, по вводу объектов они значительно опережают нас. И у них хватает и цемента и железа, а у нас не хватает...»

А потому и не хватает, что у нас и цемент, и железо, и все такое прочее этими лимитами да фондами обезличено, они мало чего стоят. Загляните на наши свалки — там столько этого железа да бетона, что пол-Америки завалишь. Глупые эти американцы, глупые и есть — они должны бояться не нашей водородной бомбы, а некоего чудотворного вихря, который в одну минуту может поднять в небо не мякину да мужжицкие посконные портки, как у Салтыкова-Щедрина, а вот эти свалки и бросит их на Америку... Ихняя территория не выдержит — маловата по сравнению с нашей; не токмо что поля — все ихние небоскребы завалит. Но вот что чудно — территория у них поменьше, а земли пахотной излишки, прогуливает у них земля-то. Им бы наш Госплан: уж они узнали бы, как землю оставлять незапаханной. Им бы годков десять нашей практики: пшеницу по пшенице сеять, свеклу по свекле, картошку по картошке... Небось всю Аляску до полярных льдов распахали бы.

Ну, а если говорить всерьёз? Скажите, что у нас — меньше земли, чем в ГДР, в Венгрии, в Болгарии? Нет, не меньше, а значительно больше. Так отчего же наша администрация, как скупой и неразумный Кощей, зорко следит за тем, чтобы колхозник или рабочий не попользовался этой землей для общего блага? Ведь не в Америку пойдёт урожай с огорода колхозника?!

В Болгарии каждому желающему обрабатывать землю, где бы он ни жил — в деревне или в городе, наделяют целый гектар. В ГДР рабочий, живущий в деревне, может иметь сколько угодно

скота и даже получает в личное пользование до гектара земли. О Венгрии и говорить нечего — хочешь, откармливай скот при доме, на своей усадьбе... Привезут и коровник готовый, и коров поставят, и комбикорм привозят ежедневно. А у нас? Я имею в виду Россию, которая превратилась теперь в нечерноземную полосу, — тут колхознику дадут всего пятнадцать — двадцать соток, совхознику — двенадцать, рабочему — шесть соток (на юге и в республиках наших дают по сорок — шестьдесят соток). А у нас в метрополии, как раньше говорили, и в давние поры, и теперь следят строже: кабы кто чего на базар не повез? Это самое... нетрудовой доход иметь хочет! В Ротшильды метит, стервец! Вот ежели сгнут помидоры или капуста — это по-нашему. Да что там помидоры? Зерно гниет под открытым небом. Тысячи тонн в открытых буртах! Их моют дожди, засыпает их пыль. И воронье пасётся на них несметными полчищами. На одной только станции Конюшевка в Курской области прошлой осенью было свалено в лужи три тысячи тонн пшеницы. Проросла под дождем... Ну и что? Зерно-то ничейное. Колхозы и совхозы, слава богу, «первую заповедь» выполнили — отвезли государству и план, и обязательство, свалили под открытым небом. Благодарности получили, премии. А то, что зерно гниет, — не взирай!

А сколько зерна рассыпано на сжатых полях! Не так давно кубанские хлеборобы говорили Михаилу Сергеевичу Горбачеву, что по семь, по десять центнеров зерна с гектара остается в поле, на земле по причине неисправности комбайнов. Так вместо того, чтобы настроить хранилищ да навесов для хранения зерна, да выпускать исправные комбайны, мы тратим многие годы миллионы рублей на поворот северных да сибирских рек. Нас какой-то зуд одолевает: все нам хочется мир удивить — эка! взяли да реки повернули. А затратить на это чудо-юдо нужно было всего какие-то сто четырнадцать миллиардов рублей. Любый здравомыслящий человек может задать вопрос: «Кому пришла в голову эта дикая идея? Ведь у государства не было и нет таких «свободных денег»! А пришла она все тем же мыслителям, которые живут по магическому заклятию: «Не взирай!»

Северные реки отбили — они за Оку взялись, хотят повернуть ее на юг, чтобы текла она не в Волгу, а в ту степь. Почему? Зачем?! А потому как проект сотворен втихомолку — втихомолку и поворачивают...

В Рязани говорят: «Вы загубите окскую пойму — этот божий дар, уникальный памятник природы. Вы Волгу оскопите!» А им ничто. Они — Минводхоз во главе с Васильевым — особь статья. Плевали они и на окскую пойму — неисчерпаемый кладёз плодородности полей и лугов, и на матушку-Волгу им наплевать. Они — это самое — деньги тратят на исполнение предписаний своих же начальников. А поскольку они тратят деньги, они остановиться не могут. Ведь уже миллионы потрачены, возражают они. Даром, что ли? Надо потратить еще миллиарды, чтобы поглядеть, что из этого выйдет... А на эти вопли рязанских инстанций и на протест «Правды» не взирай!»

Каждому специалисту известно, что на Кубани воды достаточно, на Ставрополье же далеко не использованы все резервы земель по урожайности. Вот пример. Ездил я в Грачевский район Ставропольского края. Позапрошлый год считался одним из самых засушливых. Но в лучшем колхозе «Заветы Ильича» у Васи-

лия Андреевича Рындина взяли на круг по тридцать одному центнеру с шести с половиной тысяч гектаров богарных земель, а в остальных хозяйствах — по десять — пятнадцать центнеров. Небесная канцелярия одна, да молитвы разные, смеются мужики. У Рындина уже двадцать лет, как поля имеют своих хозяев — четыре звена, всего тридцать человек обрабатывают более шести тысяч гектаров. Ниже тридцати центнеров ни в одну засуху не снимали. А в нормальные годы брали и по сорок, и по пятьдесят центнеров. Такой урожайностью да производительностью можно и в Америке похвастаться. Но вместо того чтобы опыт хозяйского отношения к земле пропагандировать, Василия Андреевича долгие годы били по шее за то, что «потакал звеньевым», которые не подчинялись указаниям свыше — что и когда сеять и когда жать. Того ретивого секретаря райкома сняли, теперь назначен новый — кандидат наук, опытный экономист. Но ни он, ни тем более Рындина не имеют полной самостоятельности.

— Какие планы довели вам по новому эксперименту? — спрашиваю Василия Андреевича.

— Под завязку, — только плечами пожал и, глянув на представителя райкома, добавил: — Но все вежливо. Две минуты всего разговора.

— Зачем же согласились?

— Райком тут вроде как ни при чем. Деваться некуда, — и оживает, переходя на другую тему: — Овец нам держать невыгодно, а держим! По плану. Представляют, тридцать тысяч голов — и ни копейки прибыли. Чудно как-то с ценами манипулируют. Сажай свеклу — получишь миллионы. Овец хоть и не хочешь, но держи. Н-да...

Конечно, Василий Андреевич от поливных полей не отказался бы, но он и без них живет неплохо. Могу бы лучше, кабы сам все планировал да реализовывал излишки продукции. Хорошо работает человек, и ведь у всех на виду. Не дешевле бы, не проще ли поучиться у Рындина, как надо к земле относиться, чем уповать на дальнюю северную воду? Да ведь и вода сама по себе чудеса не творит. Вспомните, что было сказано в докладе на октябрьском Пленуме ЦК КПСС 1984 года! А было сказано, что из всех орошаемых земель, на которые было потрачено более сотни миллиардов рублей, только третья часть даёт плановый урожай, а на двух третях урожай не повысился. То есть сотня миллиардов рублей потрачена даром. Такая растрата хуже моровой язвы. Почему же она происходит? Да потому, что Министерству мелиорации и водного хозяйства наплевать на урожайность. Оно получает за рытье каналов, за укладку дренажа, а там хоть трава не расти. Не слишком ли долго мы приносим жертву этому ненасытному Молоху?

Представьте себе на минуту, могла ли беспечно проматывать миллиарды государственных денег в двадцатые годы некая организация вроде теперешнего Минводхоза? Ни в коем случае. Ее бы прикрыли при появлении первых невосполнимых убытков, то есть максимум через год. Государство при Ленине содержало такого мота за счет казны не стало бы, потому что существовал хозрасчет истинный, деньги ценились на вес золота, посему банкроты прикрывали. «Эка, хватил!» — возразят мне. Раньше социализм только строили, а теперь у нас развитой социализм, а еще реальный... то есть высшая фаза! Ради такого престижного названия можно и сотню миллиардов в грязь втоптать. Деньги-то общие, а Минводхоз — организация автономная...

В самом деле, что за нелепость? В РАПО, у хозяев земли, нет ни экскаваторов, ни транспортеров, ни мощных самосвалов, ни бульдозеров и прочих машин для залужения и осушения земли. Вся эта техника у мелиораторов. Они и осушают землю, и строят оросительные системы, ведут известкование,

* Статья написана в 1987 году. Пока она «печаталась» в «Литературной газете», Минводхоз отменил проект переброски окских вод как устаревший. Дай-то бог, чтобы не появился он вновь.

приготовление компостов и проч. Используются эта техника скверно и даже во вред урожайности полей (о чем и говорят приведенные выше цифры).

Так почему же мы до сих пор не ликвидировали эту ведомственную безалаберщину? Вон в Эстонии уже десятки лет обходятся без Минводхоза, сами колхозы мелиорируют. И хорошо делают! Почему в остальных республиках базы мелиораторов не передали РАПО? Боимся, что технику поломают. Ладно, давайте сделаем эти районные мелиоративные станции самоокупаемыми, то есть переведем их работу на хозрасчет. Хорошо работают — их пригласят, плохо — не обессудьте, посидите без дела. Формально эти станции вроде бы и учитывают пожелания хозяйств, и даже отчитываются перед ними. Но только формально. В июле был я в Мокеевском совхозе, это в рязанской Мещере. Осматривали с директором совхоза А. Саушкиным огромное поле на Мокеевском мысу, засеянное подсолнечником. Поле это известковали мелиораторы и вносили компост. И вот результат: на первых двадцати метрах с краю огромного поля подсолнечник вырос метра на два — здесь начинали работу мелиораторы в присутствии начальства, известкование провели и компост внесли, как и следует по норме. Но стоило уехать на начальству, работа пошла как бог на душу положит. Подсолнечник вырос чахлым, по колено. Итак, три гектара двухметрового подсолнечника, остальные триста семьдесят гектаров полуметрового. Может ли директор совхоза поставить у каждого экскаватора да при каждом самосвале по контролеру? Конечно же, нет. Кажется, нетрудно догадаться, что мелиораторам надо платить только после того, как они сами вырастят урожай подсолнуха или травы на поле. Тогда сразу будет видно, что они сделали с полем. Так, собственно, и платят фермеры в Англии или в Италии. А мы никак не можем сообразить, чем можно обротать распоясавшийся Минводхоз.

Мотаясь из края в край по всей необъятной державе нашей, я не раз замечал это непостижимое свойство человеческой натуры — допрежь всего показать свою непреклонность, так емко выраженную словом: «Не взирая!»

На апрельском Пленуме ЦК КПСС было сказано русским языком, что планы на новую пятилетку давать реальные, учитывая возможности и ресурсы каждого хозяйства, то есть взвешивать и обсчитывать все возможности и скрытые резервы с руководителями и специалистами хозяйств, а также районов. Вот это и значит работать по-новому. Кажется, ясно и понятно. Но это для обыкновенного смертного, который придерживается простой человеческой логики и здравого смысла. Лица же, которые считают допрежь всего «твердость души» и «непреклонность», а уж потом здравый смысл, к простым смертным не относятся: для них нет ни биологического, ни экономического закона, а существует только одна магическая формула: «Не взирая!»

Тогда же, после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, в статье «Самостоятелен и безусловен» я писал, опираясь на конкретные факты, что Лимбажскому району Латвийской ССР дают планы, не считаясь с доводами ни специалистов, ни руководителей хозяйств, ни самих руководителей района. Написано это было в мае, а заехал я в Лимбажи в августе. Спрашиваю руководителей района:

— Как встретили мою статью?
: — Хорошо, — отвечают. — Отметим, что все верно.
— Значит, новый пятилетний план обговаривали с вами?
— И не подумали, — отвечают.
— А как же?
— Все, как прежде, — спустили сверху. — Наши доводы не в счет.

По понятным причинам я не называю имена лиц, с которыми беседовал. Надеюсь, что читатель извинит мне эту скрытность. Оно и понятно, откуда идет осторожность, — план-то спущен все по той же волшебной присказке: «Не взирая!» Ну а тем, которые не считаются с этим правилом, могут и по шее дать. Значит, так, производство мяса и молока, наиболее трудоемких и по нелепым причинам ценообразования наименее прибыльных видов продукции, должно быть увеличено на тридцать пять процентов. Так предписано. Из чего исходить? Популярно объяснено: исходя из мобилизации внутренних ресурсов.

«Но какие у нас внутренние ресурсы? Вы сами видели и описали их в той статье, — говорили мне руководители района. — Затраты на улучшение земли в последнюю пятилетку нам урезали, строительство сократилось. В новой пятилетке денег на строительство ферм и жилья в хозяйствах вообще не дают. У нас острый жилищный кризис, оттого и работников не хватает. Поголовье коров не увеличишь без строительства новых ферм. Ведь корова не лось, не медведь, бродить зимой по лесу или залечь в берлогу не может. Нам говорят: обходитесь за счет капитального ремонта. На это дело деньги дадим. «А фонды, лимиты, стройматериалы?» — спрашиваю. «Это уж добывайте сами», — отвечают. Да где мы их добудем? Раньше хоть в Эстонию ездили, на заводы стройматериалов. Кое-что выменивали, так сказать, баш на баш. Но теперь и эту статью нам закрыли. А ведь на бумажные деньги стройматериалы не купишь».

Доводы серьезные. Но тронули они тех, кто спустил плановую разверстку? Ничуть. У них броневой щит против таких доводов: «Не взирая!» Но, может быть, это «нетипично»? Может, в другом конце нашей державы все по-другому?

В сентябре того же года я был в Приморье. От Прибалтики до Тихого океана десять тысяч километров... Захожу в Хорольский райисполком. Председатель В. Н. Серов показывает мне контрольные цифры на новую пятилетку, спущенные сверху; и тут: увеличить производство продукции на тридцать пять процентов за счет внутренних ресурсов.

— Ну и как? — спрашиваю. — Справитесь?

— Каким образом? У нас в районе не хватает почти двух тысяч специалистов: мелиораторов, механизаторов, скотников, доярок. И взять негде. Так вот! — накаляется председатель. — Какие же у меня внутренние ресурсы? Звоню в край: «Вы хоть посоветовались с нами? За счет каких ресурсов повышенный план выполнять? Строительных материалов нет, с техникой плохо, специалистов не хватает». Мне отвечают: «Надо вербовать народ, обучать... Мы вербуем. Приезжают к нам с Украины... Ну разве хороший рабочий поедет? Приезжают главным образом уволенные по тридцать третьей статье. Они там дурака валяли и тут пьянствуют да шаромыжничают. Так что выезжаем в основном на городских шефах. На них далеко не уедешь...»

Ладно, Хорольский да Лимбажский районы в основном сельскохозяйственные, идентичность хоть и малая, но есть. Но вот приехал я в таежный Красноармейский район, в Новопокровку. И тут все те же тридцать пять процентов и те же магические внутренние ресурсы.

— Нам велено увеличить производство продукции за счет собственных ресурсов, — сказал мне секретарь райкома Жеребецкий. — А это значит, надо поднять минимум две тысячи гектаров новых земель. Представляете, что это значит для нас? Кругом тайга да болота.

— Деньги дают на мелиорацию?
— Нет. Да и что деньги? И деньги были бы — все равно нам не освоить столько земли. А если бы и подготовили землю по мановению всевышнего за

неделю, так она бы впусте гуляла. Какие у нас тут в тайге соеводы? А техника? И где все это взять?

Да, невеселый разговор. Иной скажет недовольно: вот, мол, схватился за районное звено. Ладно, послушаем, что говорят в хозяйствах. Приехал я в Поповку — большое село, лежащее обочью большака от Хоролья на Камень-Рыболов. Когда-то здесь был богатый колхоз. В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов он гремел на всю округу. Я бывал там в ту пору, писал о нем... Помню белую пышную цветень садов и палисадников, заслонявшую по самые крыши добротные пятистенки; а в ендове за селом раскинулся огромный колхозный сад: сливы, смородина, яблони и длинные ряды виноградников. В теплых белостенных фермах мощные коровы, что буйволицы, — меньше четырех тысяч литров не давали, и урожайность была не меньше тридцати центнеров с гектара. В семидесятых годах колхоз был превращен в совхоз по той простой причине, что в колхозе накопился солидный неделимый фонд, то есть деньги. А деньги нужно было взять. Взяли. Председателя колхоза Самохатку уволили. Вчерашним колхозникам перестали давать зерно. Заработки уменьшились, и потекли кадры... Совхоз захирел: урожайность снизилась более чем вдвое, удои тоже, сад загнивал и превратился в бурьянник. Обычное следствие бюрократического произвола...

Директора совхоза Владимира Сергеевича Сосновского застал в конторе. Это еще молодой человек, худощавый, подвижный и очень общительный. Он здесь уже шестой директор. Разговорились.

— Солнечный день, — говорю, — а вы в конторе сидите.

— Не имею права отлучиться, — смеется.

— Почему?

— У нас теперь такой порядок: если вздумает навестить нас начальство, то звонят еще с утра из района: ждать в конторе! Никуда не отлучаться. Дел по горло... уж обед на носу, а я все сижу сложа руки и жду высоких посетителей.

— Это что же у вас, боевая готовность «один»?

— Нет, это боевая готовность «два», — смеется. — Готовность «один», когда едет высокое лицо из края. Тогда весь район сидит и ждет... по конторам. И наблюдение выставляют.

Через неделю я оказался свидетелем такого переполоха. С утра было объявлено: из Владивостока вылетит Сам на вертолете, приземление в одном из северных земледельческих районов. И объявлена была тревога сразу по трем районам: «Всем сидеть по местам и следить за воздухом». И команда: «При появлении вертолета немедленно ехать к месту посадки на машинах всем руководителям района и директорам совхозов».

Уссурийский, Ханкайский и Хорольский районы несли бессменную боевую вахту до самого вечера, как по атомной тревоге, а вертолет обманул их бдительность — зашел справа и приземлился в Спасском районе. Там его не ждали, поэтому встречающих было мало. Это и рассердило высокое лицо — через двадцать минут оно улетело обратно во Владивосток, заставив местное население гадать: «Что же будет дальше?»

— Эти дежурства по боевой готовности и называются у вас новым стилем руководства? — спрашиваю Сосновского.

Только посмеивается. Молодежь!

— У меня картошки много. Уборка подошла, говорю: дайте мне хоть парочку комбайнов! А они присылают мне пятьсот человек шефов. Зачем? Их же расселить да прокормить дорожке обойдется, чем вся картошка стоит. Отвечают: а тебе чего, жалко? Не из своего же кармана кормить.

— Людей не хватает?

— Да... Некоторые еще бы и работали, но невыгодно им в совхозе рабо-

тать — зерна не даем и денег мало платим. Они на дому больше зарабатывают.

— Как это?

— Так. Держат две коровы, а то и три. Высокоудойных. Таких у нас на фермах нет. Нашу «фирменную» корову они и держать не станут. Сено косят в сопках. Молоко и даже телят сдают государству. За это получают фураж в первую очередь, а мы — во вторую. И денег много получают, больше, чем наши рабочие.

— А вы не пробовали звенья сажать на хозрасчет и закреплять за ними землю и технику?

— У нас в Астраханке попробовали и всю округу насмешили.

— Почему?

— Обманули их. Они шестером обработали тысячу девятьсот гектаров земли, вырастили урожай почти вдвое выше, чем на общесовхозных землях. Согласно договору должны были получить тридцать тысяч рублей премиальных. Но им сунули всего по четыре оклада, и оказалось, что заработали они меньше, чем те, на общей земле. Обидели их.

Я приехал в село Астраханку, давно и хорошо знакомое мне. Стоит оно на высоком берегу озера Ханко, рядом с районным центром Камень-Рыболов. Когда-то, лет тридцать назад, астраханский колхоз, которым руководил Фома Скирда, освещал не только свое село, но и районный центр. Это был большой и богатый колхоз...

В пятидесятые годы, в пору относительной самостоятельности хозяйств, Фома Иванович фрахтовал вагоны, баржи, корабли и отвозил свои помидоры, капусту, рис, мясо и в Комсомольск, и в Николаевск-на-Амуре, и во Владивосток, и даже на Сахалин. Вот на какие деньги он построил и мощную по тому времени электростанцию, и механизированный ток, и фермы, и жилье колхозникам. И коровы были породистые, и урожай — высокие...

А теперь? Поля отощали, запустели, коровы, точно козы, по три, по четыре литра молока дают, и кадры (как у нас теперь именуют крестьян) разбежались да состарились. Оно и понятно — тогда была хоть и урезанная, но все же самостоятельность: излишки продуктовые сами продавали и распределяли по колхозникам. Теперь — жизнь по уставу, делай, чего велят, уродилось — хорошо, не уродилось — тоже неплохо. Все равно в твоём кармане не убудет.

Звеньевое Яницкое, того самого, который с пятью товарищами обработал почти две тысячи гектаров земли и вырастил великолепный урожай, я застал за ремонтом «Кировца».

Обычно при взгляде на эту гигантскую машину меня берет оторопь. Экая машина несуразная землю давит... А тут я как-то и не удивился мощноте трактора: у откинутого капота стоял и копался в моторе Микула Селянинович — белобрысый, ладно скроенный богатырь вроде бы и роста не саженого, но могучие плечи, неохватная грудь и в тугих узлах мускулистые, мощные руки. И весело подумалось: а ведь эдакий пахарь и «Кировец» опрокинет.

— Сами ремонтируете? — спрашиваю.

— Чужим не доверяем, — улыбается. — Запчасти берем из Сельхозтехники, а платим за ремонт... Лишь бы они не прикасались к нашим тракторам.

— Значит, откупаются?

— Да вроде того. Нам запчасти не продают... Не положено! Вот и кормим дармоедов из Сельхозтехники.

Увидев нас (со мной был секретарь райкома партии), подошли с ремонтного двора и другие механизаторы.

— Как же вас обсчитали? — спрашиваю Яницкого.

— Да вот так... — только руками развел. — Вроде бы побрили.

— Договор с вами заключали?

— Да. Значит, условия были такие: если мы дадим больше прибыли, то и заработок будет выше. В среднем наш совхозный механизатор дает пять с половиной тысяч прибыли в год. Мы же, в звене, дали по тридцать шесть тысяч прибыли. На каждого! Согласно договору нам должны были выплатить тридцать тысяч рублей премии. Но отдали всего по четыре оклада. А так как мы весь год сидели не на сделывине, а на авансе, то и заработали меньше, чем те, которые на общих полях. Развалилось звено... Работаем еще, но не то.

— Как же вы допустили, Галина Николаевна? — спрашиваю третьего секретаря райкома.

— Ничего не могли поделаты! — Она аж покраснела от сердитых взглядов мужиков. — Вы же знаете нашего Виктора Алексеевича! Уж он все телефоны оборвал... Стыдил директора банка, а тот ему: «У меня инструкция — больше четырех окладов премии не выдавать. Есть у вас в кармане лишние двадцать семь тысяч? Подписывайте бумагу, а там расплатитесь».

Потом я разговаривал с первым секретарем Виктором Алексеевичем Щербаковым. Серьезный человек. Понимает ли он, что нарушение договора со звеном нанесло огромный вред району? Еще как понимает! «Звонил, — говорит, — во все краевые конторы. Убеждал, требовал выдать премию звену. Глухота. Нет инструкций на сей счет, и точка...»

Да, истории все какие-то грустные...

— Нет ли у вас чего такого, чтобы душа пораздовалась? — спрашиваю.

— Чеки рисовые хороши... И рис уродился добрый. Съездите в Мельгуновку.

Мы поехали туда на «газике» с председателем РАПО Н. Орловым, по дороге прихватили директора совхоза Бориса Константиновича Правдивца и по бетонке въехали в разливанное зеленое море, по поверхности которого до самого горизонта катились под порывистым ветерком упругие волны. Рис бушевал... Вышли из машины; дорогу нам перебежал целый выводок фазанят, ведомый красноперым петухом, и скрылся в зарослях риса, как в камышах. Вода была спущена, но земля чавкала под ногами... А рис, рис непрорезной густоты, стоял почти по пояс. И мотались, кланялись тяжелые кисти его на ветру.

— Вот это рис! — не удержался я от восторга.

— Да, хорош, — согласился председатель РАПО. — Центнеров по сорок пять можно бы взять.

— Что значит можно? Нужно!

Директор невесело усмехнулся:

— Как его возьмешь? Комбайнов рисоуборочных нет. Приспособили обычные — они не столько берут зерно, сколько обмолачивают его на стерне. Видишь, какой рис! — Он взял одну головку и потрепал ее, несколько зерен упало на землю.

— Что за сорт? — спросил я.

— Дальневосточный...

— Вроде бы раньше такого здесь не было? Новый вырастили?

— Да нет... Он раньше назывался Сантахезский.

— Ах, вон что! — удивился я. — Так его раньше в снопы вязали.

— Людей было много. А теперь ни людей, ни комбайнов.

— Но ведь убираете?

— Убираем... — Директор вздохнул. — Эх!.. Половина урожая на земле остается.

— Да... Центнеров двадцать возьмем, и то хорошо, — согласно кивнул ему председатель РАПО.

— Где же ваша техника? — спросил я.

— Поедем дальше. Увидишь.

Мы проехали версты две по полю и увидели с полдюжины комбайнов. Это были обыкновенные комбайны СКДР-6. Две машины медленно плыли

вдалеке, четыре стояли поодаль друг от друга. Мы подошли к первому комбайну. Я увидел картину необычную: комбайнер и подручный длинными ножами срезали рисовую солому, туго и плотно обтянувшую барабан, и матерились на чем свет стоит.

— Что за комедия, создатель? — спросил я директора.

— Комедия и есть, мать-перемать... — отозвался потный комбайнер. — Солома-то влажная и прочная, ее точно веревку наматывает на барабан. Метров пятьдесят, пройдешь — стоп! Бери ножи и орудуй... Замучились. Это не работа, а... — И тут он опять крепко, затейливо выразился.

— А те почему стоят? — кивнул я на два других комбайна, стоявших поодаль на зонке.

— У СКДР-6 слабый узел фракциона, — говорит Правдивец. — На грязь сразу выходит из строя... Снимают задник и везут ремонтировать.

Председатель РАПО взял меня под руку, отвел в сторонку:

— Смотрите, сколько зерна на стерне! Понимаете, хедер бьет рисовые кисти сверху, и от этого удара, прежде чем попасть на барабан, она наполовину осыпается...

— Неужели ничего нельзя придумать?

— Отчего ж нельзя? — подошел директор. — Вон на краевой опытной станции работают два японских рисоуборочных комбайна. Им и влага не страшна, и потеря нет. Они работают по методу очесывания; наш хедер бьет рис сверху, а они захватывают его снизу, и все зерно попадает в карманы...

Я был на этой станции, видел, как в дождь работали японские комбайны на жатве риса. Они значительно меньше наших по размеру, но работают безостановочно.

— Какие потери зерна? — спросил я комбайнера.

— Никаких потерь, — ответил он.

А стоит такой комбайн восемьдесят тысяч долларов. Секретарь Ханкайского райкома Виктор Алексеевич Щербаков с горечью говорил мне:

— Мы каждый год просим: закупите для нас несколько японских комбайнов. Ведь они же за год оправдают себя с лихвой. А мы вас рисом завалим. Но... шлют нам СКДР-6, рис втаптываем в землю... И никому до этого нет дела.

И опять я вспомнил знакомую заповедь: «Не взирать!»

Иной благожелательный читатель авось спросит: «Может, в этом году все изменилось?»

Нет, не изменилось, дорогой читатель!

Впрочем, вот вам еще несколько примеров нынешнего года. В марте был я в селе Елизаветинка Шортандинского района Целиноградской области. Сидели за одним столом с директором совхоза и секретарем райкома партии. Совхоз передовой.

— Сколько прибыли получили? — спрашиваю директора.

— Два миллиона, — отвечает Владимир Николаевич.

— На что потратили?

— Отобрали у нас прибыль, — чуть помедлив, ответил директор.

— Почему?!

— Разделили нашу прибыль по другим совхозам — убытки ею покрывали...

— Как же вы это позволили? — обращаюсь к секретарю райкома.

— Инструкция такая спущена, — ответил он смущенно. — Задача — покрыть убытки отстающих хозяйств.

— Для липовой отчетности? — спрашиваю.

Секретарь молчит. А директор приободрился:

— У нас иные совхозы по два центнера зерновых сняли. Семена не вернули. Вот как!

— Ну, хоть что-нибудь стронулось за последний год в лучшую сторону?

— Хуже стало, — сердито ответил директор. — Мы запланировали посадить сто гектаров картошки, а район увеличил план до ста сорока гектаров,

и область подняла — до двухсот гектаров... Зачем? Мы же обязуемся сдать запланированный тоннаж. Что им за дело, сколько гектаров мы посадим?

— Инструкция есть инструкция, — отговаривается секретарь. — Не я ее выдумал.

— Нет, вы только подумайте! — берет меня за локоть Владимир Николаевич. — Нам запретили очищать зерно на току. Вези на элеватор сорное зерно, прямо от комбайна!..

— Почему? — удивился я.

— Да потому, что сорный хлеб оставался у нас для фуража. А теперь он остается на элеваторе... Они у нас принимают зерно по восемь копеек за килограмм, подрабатывают его и сдают государству уже по пятнадцать копеек, а отходы продают нам же по двадцать девять копеек за килограмм. Это же надувательство! И так во всем...

Чerez день очутился я в соседнем районе, в большом совхозе — птицефабрике. У них шестнадцать миллионов прибыли, своя строительная контора: заложили они два девяти-стоквартирных дома, новый клуб, детский сад, санаторий... И вдруг седьмого марта почти всю прибыль у них отобрали — оставили меньше двух миллионов на соцбытнужды, на премии и мелкий ремонт... Контора гудела, как потревоженный улей:

— Законы у нас есть?

— Куда жаловаться?

— Ведь это же произвол! Есть постановление № 358, запрещающее отбирать у хозяйства прибыль. С января оно обрело силу закона. И что же? Плевать на закон?!

— Ведь тех денег, что нам оставили, не хватает на консервацию строительных объектов. Как жить?

К сожалению, меня часто загоняли в тупик подобными вопросами.

И в августе нынешнего года, когда я заехал в Лимбажский район, первый секретарь райкома Иван Иванович Хохленко сетовал:

— Составили мы встречный план на поставки, значит... Но Госплан и Госснаб трижды срезали нам поставки, хотя мы их согласовали во всех республиканских инстанциях. От нашего плана остались рожки да ножки, как от бабушкиного козлика. И все-таки, все-таки... Даже этот обрезанный план поставок выполняется ежегодно всего на тридцать шесть процентов. Как вам это нравится?

Я только и мог пожать плечами.

— И тем не менее одного молока мы в прошлом году дали на 1870 тонн больше запланированного. Могли бы дать еще больше, но при условии нормально товарно-денежного обмена, торговли то есть. Если Госплан и Госснаб сохранятся в теперешнем виде, то наша перестройка попросту захлебнется.

— А что еще вам мешает?

— Минводхоз. Эта организация только откачивает наши деньги. Наплевать ей на улучшение наших полей! Минводхоз немедленно должен передать всю технику в распоряжение РАПО, а его головные проектные институты должны быть выведены из-под контроля Минводхоза и поставлены на хозрасчет. Тогда они будут выполнять наши заказы, а не планировать орошение Сахары... то бишь, простите, поворот северных рек.

Потом подался ко мне и сказал иным тоном:

— Послушайте! Это же произвол... Ведь мы обязуемся выполнять пятилетний план. А почему они, там, срывают наш встречный план? Кто за это отвечает? Где контроль за ними?

Ну что тут скажешь? Да, произвол был и остается...

Постановления и законы подменяются инструкциями. Да, бюрократы во все времена старались увильнуть от общественного контроля и жить по особой заповеди: «Не взирать!»

Избавиться от этого бедствия можно

двумя путями — развитием демократии и усовершенствованием системы управления экономикой, а следовательно, промышленностью и сельским хозяйством.

Вроде бы это прописные истины. Но на деле все обстоит куда сложнее. Перестройка системы экономики идет медленно, демократия и гласность ограничиваются многими оговорками. Я вовсе не хочу сказать, что надо действовать по присказке: «Вали, ребята, куда поало!» Конечно, надо считаться с реальной жизнью и понимать, что с ходу лимиты и фонды не отменишь, но и бездействие в подготовке отмены их недопустимо; что план и рынок прекрасно уживаются и вовсе не следует отказываться от одного ради другого. (Это доказали Америка, Англия, Франция, Югославия, Китай и др.) Но нельзя же выдавать подразверстку да еще жесткую систему лимитов и фондов за планирование. И нельзя кричать караул и бить в рельсу, когда кто-то пытается доказывать несовместимость того же плана и рынка. Надо уметь выслушивать иные мнения и привыкать к тому, что без этого условия демократия просто невозможна. Нельзя надевать на мордник на торговлю и, следовательно, на экономику ради сохранения многотысячных щупалец Госснаба или Госплана. Тут совершенно ясно одно: планирование, а также система лимитов и фондов в теперешнем виде несовместимы с перестройкой. И еще одно обстоятельство: кроме экономической целесообразности, есть еще и нравственная обязательность, которую нельзя сбрасывать со счетов.

И вот я о чем думал: в ответ на серьезные постановления июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС и правительства о перестройке нашей экономики мы, граждане своей державы, должны негласно принять, но свято исполнять закон порядочности, честности и чести. Только тогда мы добьемся чего-либо стоящего, когда каленым железом будем выжигать скверну лжи, очковитательства и равнодушия.

Герцен в статье «О развитии революционных идей в России» писал:

«Ужасный, скорбный удел уготован у нас всякому, кто осмелится поднять свою голову выше уровня, начертанного императорским скипетром: будь то поэт, гражданин, мыслитель — всех их толкает в могилу неумолимый рок. История нашей литературы — это или мартиролог, или реестр каторги». Горькие, страшные слова. Но как окрыляет душу современника моего сознание того, что, несмотря на неизбежную гибель, многие сограждане наши осмеливались «поднимать головы выше уровня, начертанного» императором и иными прочими. Да, история наша полна жестокости, но и непокорства, каторжных мучений, но и свободного полета неукротимого духа, и я с радостью повторяю слова великого Пушкина: «...Я не хотел бы переменивать отечества или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

И так странно читать упрек, брошенный великому поэту советским писателем, извлеченный из его архива и напечатанный «Литературным обозрением»: «Герцен: мартиролог русской литературы. Обвинение правительству. Это так. Но только ли в социальных порядках, в правительстве вина? А в самих писателях нет вины? Писатели эти — порождение того социального строя, дети, не всосали ли они с детства с молоком матери предрассудки, суетность, пороки своего времени, своей среды? Пушкин. Мудрейший из мудрейших... Но не мог же переступить через дуэль — этот порог чести его времени?»

Не мог. Пушкин не Булгарин, не Греч... Порог чести может переступить или трус, или бесчестный человек. Каждое время имеет свой порог чести. И не пора ли нам сурово осуждать тех, для кого честь — предрассудок или пустой звук?

Я ЖИЗНЬ МОЮ ПРОЖИЛ, Я НЕ ВИДАЛ ПОКОЯ

22 июня...

Этот день навсегда вошел в скорбный численник нашей истории. Незаживающим рубцом навечно останется он не только для тех, кто вдохнул раскаленный воздух Великой Отечественной, но и для нас, рожденных через годы. Вспомним павших и живых, известных и безвестных, родных и незнакомых. Вспомним дедов и отцов, братьев и сыновей, вспомним людей Войны. Одним из них был мой отец...

Константин СМЕРНОВ

Наверное, каждый с грустью чувствует порой несовершенство человеческой памяти. Я говорю не о склерозе, к которому все мы приближаемся с прожитыми годами. Печалит несовершенство самого механизма, его неточная избирательность...

Когда ты мал и чист как белый лист бумаги, память только готовится к будущей работе — мимо сознания проходят какие-то малозаметные по причине своей привычности события, но потом ты вдруг с горечью понимаешь, что были они значительными, важными, а то и важнейшими. И ты будешь мучиться этой неполнотой, невозможностью вернуть, восстановить день, час, воскресить живое человеческое лицо.

И уж вдвойне обидно, когда речь идет о близком человеке — об отце, о тех, кто его окружал. К сожалению, я почти лишен обычных в нормальных семьях воспоминаний о нем: детство оставило мало зацепок, а когда механизм памяти заработал, виделись мы редко: либо дверь в кабинет была закрыта и сквозь рифленое стекло расплывчато темнел его силуэт за столом, либо междугородный звонок дробил покой притихшей в его отсутствие квартиры и бесстрастный голос телефонной барышни сообщал нам, откуда, из какого уголка страны или мира донесется сейчас хриловатый отцовский баритон.

Впрочем, так было потом, после Ленинской премии за «Брестскую крепость», после невероятной популярности его телевизионных «Рассказов о героизме». Это было потом...

А поначалу была небольшая квартира в Марьиной Роще, куда в середине пятидесятых годов — в пору моего не замутненного общественными реалиями детства — ежедневно и еженощно приходили какие-то малопривлекательные личности, одним своим видом вызывавшие подозрение у соседей. Кто в телогрейке, кто в штопаной шинели со спортивными знаками различия, кто в каких-то лапсердаках с чужого плеча, в грязных сапогах или сбитых кирзовых ботинках, с тертыми фибровыми чемодан-

чиками, вещмешками казенного вида или попросту с узелком, они появлялись в передней с выражением покорной безнадежности на лицах землистого оттенка, пряча свои некрасивые шершавые руки. Ели они робко, но неинтеллигентно, со странным отчуждением глядя на обыкновенный борщ или котлеты, громко кашляли с сиплым присвистом, утыкаясь в несвежий платок, а то и в кулак, и пахло от них совсем не «Красной Москвой». Многие из этих мужчин вдруг посреди разговора всхлипывали или плакали всерьез, что никак не вязалось ни с их несуразным видом, ни с моими представлениями о мужественности и приличиях. Бывало, они оставались ночевать на зеленом диване поддельного бархата с упругими валиками, где вообще-то спал я, и тогда меня перебрасывали на раскладушку рядом с бабкиной кушеткой. Утром они уходили, редко и недоверчиво улыбаясь, я возвращался на свой диван и, засыпая ночью под шепот бабьих просьб к царице небесной «спасти и сохранить», вдыхал грубый, отдававший дорогой запах вчерашнего постояльца, вьезжавший в бобрик «бархата».

А через некоторое время они появлялись снова с широченными улыбками железных зубов, иногда даже успев заменить гимнастерку на бостонский костюм, а телогрейку — на габардиновое пальто до пят. Впрочем, и то, и другое сидело на них дурно — чувствовалось, что они привыкли к иным нарядам. И все-таки, несмотря на общую нелепость в облике, внешность их неуловимо менялась: сутулые плечи, дугообразные спины и привычно склоненные головы в седоватой опушке вдруг отчего-то выпрямлялись, подымались, придавая лицу, всей фигуре оттенок проснувшейся мощи, силы. И лучились их глаза в глубочайших морщинах. Все очень быстро объяснялось: под пальто, на отутюженном пиджаке чудовищного шитья, горели и позвякивали ордена и медали, нашедшие их или вернувшиеся к своим хозяевам. И, кажется, насколько я тогда мог судить, отец сыграл в этом какую-то важную роль.

Оказывается, все эти дяди Леши, дяди Пети, дяди Саши были замечательными людьми, сотворившими неве-

1945 год.
Конец войны.
Австрия.

1965 год.
Маршал
Советского Союза
Г. К. Жуков
поздравляет
С. С. Смирнова
с 50-летием.

роятные, нечеловеческие подвиги, но почему-то — что, впрочем, никому не казалось в ту пору удивительным — за это наказанными. И вот теперь отец кому-то, где-то «наверху» все объяснил, и их простили.

...Эти люди навсегда вошли в мою жизнь. И не только как постоянные друзья дома. Их судьбы стали для меня осколками зеркала, отразившего ту страшную, черную эпоху, имя которой — Сталин. Родившись в 52-м, я почти внутриутробно просуществовал в ней меньше года, но чем большим мясом обрастало мое тело и опытом — память, тем настойчивей и тревожней проявлялись в душе эти трагические меты прошедшей эпохи. Настал день, когда я узнал, что мой дед — лысый одноногий старик, мирно выпиливавший лобзиком от нечего делать какие-то полочки, — сидел... Теперь я знаю, что брали его трижды: в 20-м, как бы для проверки, и действительно, через месяц выпустили, потом в 31-м, в результате «Шахтинского дела», и десять месяцев он прокуковал в харьковском домзаке; и наконец, в 42-м, под ноябрьские праздники. Тут уж укатали серьезно, хотя по тем временам можно считать — помиловали: сунули «пятерку» и сколько-то там «по рогам». Сыновья были на фронте, и, понятно, сделать ничего не могли, да даже если б и не были... И он отрубил от звонка до звонка все пять лет, в которые уместилась Пóтьма, где он «доходил» и уже простился с жизнью, а потом «шарашка» где-то в Московской области — дед был инженером-энергетиком старой, дореволюционной школы. Палаческая точность для тех времен была поразительной — из-за колючей проволоки он появился день в день через пять лет!..

Он не вычеркнул этого времени из жизни, как пишут в романах, навсегда сохранив непримиримую ненависть к «лучшему другу инженеров». По рассказу дядюшки, однажды дед вдруг позвонил ему на работу и срочно вытребовал в Переделкино, где жили на даче старики. С трудом отпросившись у начальства, предполагая, как это у нас водится, что-нибудь страшное, дядюшка кинулся на дачу, где обнаружил отца и брата в полном здравии перед празднично накрытым столом. На взволнованный, но резонный вопрос «Что случилось?» дед поднял рюмку и торжественно сказал: «Его вышвырнули из Мавзолея!»

Да, отец отца сидел, и, как это ни ужасно звучит, это было еще не самое страшное. Люди, тогда, в пятидесятых, пришедшие в наш дом, не ограничились одним этим «кругом ада». За плечами их была война, обрушившаяся буквально с первой секунды, всей чудовищной

своей массой, были кровь и смерть в таких количествах, когда на них смотришь с равнодушием прозектора, и был плен...

Дядя Леша, который вырезал мне из липового чурбачка роскошный пистолет с узорной рукояткой, а свисток мог сделать из любого сучка, — Алексей Данилович Романов. Несколько лет назад он умер. И никогда не забыть мне этого человека — воплощения добра, душевной кротости, милосердия к людям. Война застала его в Брестской крепости, откуда попал он — ни много ни мало — в концентрационный лагерь в Гамбурге. Его рассказ о побеге из плена по сей день иногда снится мне в деталях: вместе с товарищем, чудом ускользнув от охраны, проведя двое суток в ледяной воде, а потом прыгнув с причала на стоявший в пяти метрах шведский пароход, они зарылись в кокс и доплыли-таки до нейтральной Швеции! Прыгая тогда, он отшиб себе о борт грудь и появился в пятидесятых в нашей квартире худощавым, прозрачным туберкулезником, дышавшим на ладан.

Да и где было взяться силам на борьбу с туберкулезом, если ему все эти послевоенные годы говорили в глаза, что покуда другие воевали, он отсиживался в плену, а потом «отдыхал» в Швеции, откуда его, кстати, не выпустила на фронт Александра Коллонтай — тогдашний советский посол. Это он-то «отдыхал» — полумертвец, извлеченный из трюма вместе с мертвецом в такой же лагерной одежде!.. Его не восстановили в партии, ему не давали работы, жить было практически нигде — и это на родине, на своей земле... Как он говорил, настал момент, когда ему надоело, глядя в рыбы глаза «Малюты» Шкирятова, объяснять, «что я не верблюд», и уж он торопил свой туберкулез поскорее освободить его от этой докучливой обязанности — жить. Но тут случилась телеграмма от моего отца...

Петька — так назывался он у нас в доме, и надо ли говорить, каким он мне был закадычным приятелем. Петр Клыпа — из защитников крепости: самый молодой, во время обороны четырнадцатилетний воспитанник музвзвода — у нас он появился 30-летним человеком с робкой, страдальческой улыбкой мученика. Из положенных ему властями 25 лет (!) он отсидел на Колыме семь по несоизмеримой с наказанием провинности — не донес на приятеля, преступившего закон. Не говоря о несовершенстве этого, в лучших традициях Павлика Морозова, уголовного уложения о недоносительстве, зададимся вопросом: мальчишку, вчерашнего пацана, однако имевшего за плечами брестскую цитадель, упрятать на пол-

жизни за такой проступок?! Это его-то, о котором бывалые солдаты чуть ли не легенды рассказывали?

Через много лет, в семидесятых, Петр Клыпа (чьим именем назывались уже пионерские дружины по всей стране, жил он в Брянске и работал, естественно, ударно, на заводе, не сходя с Доски почета) столкнулся каким-то недобрым образом с теперь уже бывшим секретарем Брянского обкома Буйволовым, и опять начали ему вспоминать «уголовное» прошлое, опять стали трепать нервы. Чем уж он не угодил — не знаю, да и узнать не у кого: несколько лет назад Пети не стало...

Дядя Саша — Александр Митрофанович Филь. Он появился у нас на Октябрьской одним из первых, хотя и добирался дольше всех. Из гитлеровского концлагеря он прямым сообщением отправился в сталинский, на Крайний Север. Отсидев положенные ему опричником «отца и учителя» 6 лет, Филь остался в Алдане, считая, что с клеймом «власовца» на материке ему жизни не будет. Этого «власовца» ему походя навесил следователь на фильтрационном проверочном пункте для пленных, заставив, не читая, подписать протокол. Видимо, не дотягивал до плана посадок. Тогда эта пустая формальность показалась Филью ничего не значащей, тем более что следователь обезоружил его фразой: «Ты что, Советской власти не веришь?», — когда подследственный собрался было озабочиться с протоколом проверки. Какой там «не веришь»! Для него, освобожденного аж в Норвегии, этот следователь был воплощением не только Советской Власти — именно так, с прописных букв, — он казался ему живым символом его народа, Родины, к которой он так долго шел... Однако же Родина предпочла использовать его в качестве заключенного «Якутлага». Да... Неласково встречала своих детей сталинская отчизна, где, как известно, «жить стало лучше, жить стало веселее».

Подробности этих трех и многих других не менее драматичных судеб можно

было бы разыскать в книге отца «Брестская крепость». Однако сделать это, увы, почти не представляется возможным, поскольку книга эта, в памятный год 20-летия Победы удостоенная Ленинской премии, вот уже пятнадцать лет не издавалась, а состояние библиотечных фондов, как выяснилось, даже в Академии наук оставляет желать много лучшего.

«Рукописи не горят», но они умирают без читателей. И, можете мне поверить, книга «Брестская крепость» сейчас — в предсмертном состоянии. Дело в следующем.

В 70-х годах один из защитников Брестской крепости, Самвел Матевосян, был исключен из партии и лишен звания Героя Социалистического Труда. Ему вменялись в вину административно-хозяйственные злоупотребления, вроде превышения власти и использования служебного положения — Матевосян в то время занимал пост начальника крупного треста «Армензолото». Не берусь здесь обсуждать степень нарушения им норм партийной этики, но удивляет одно: правоохранительные органы свои обвинения сняли, Матевосян в уголовном порядке не наказывался. Тем не менее я отлично помню, как за год до смерти отец пришел домой с серым, в одночасье постаревшим лицом — из Горького сообщили, что в Волго-Вятском издательстве рассыпали набор «Брестской крепости», а часть отпечатанного тиража пустили под нож — всякое упоминание о провинившемся С. Матевосяне требовали из книги убрать. Как это случается еще и сейчас, тогда, в годы «расцвета застоя», дала о себе знать дикая нелепость сталинизма — когда бы человек ни запятнал себя, вся его жизнь до и после проступка попросту ставится под сомнение, а то и в общественном смысле уничтожается. Так произошло и в этом случае. Поразительно, что и сегодня, в эпоху гласности, документы, якобы уличающие Матевосяна в недостойном поведении в период плена, недоступны, закрыты для ознакомления. Как и все годы со дня смерти отца, от нас, наследников, снова требуют

исключить из книги фамилию С. Матевосяна. Вдвойне удивительным кажется все это, если учесть, что военная прокуратура проводила расследование в отношении С. Матевосяна и не нашла его поведение в период плена предосудительным. Вот так, из архива блаженной памяти брежневских времен вынимаются какие-то таинственные свидетельства, видимо, для сохранения чести мундира! Однако то, что было возможно полтора десятка лет назад, надеюсь, едва ли возможно сегодня, хотя почерк остался прежним. Возникает резонный вопрос: что же это за документы, благодаря силе которых вся жизнь человека пущена под откос, в то время как специальным правоохранительным органам их никто никогда не показывал? Как объяснить чиновникам, что изъять С. Матевосяна из книги нельзя, что композиция и строй литературного произведения не подчиняются административному окрику и разваливаются? Очевидно, еще слишком свежи воспоминания о временах, когда не то что книги — историю кроили одним мановением руки, чего уж цацкаться с литературой!..

В эпоху брежневского безвременья все попытки оживить книгу наталкивались на непробиваемый «слоеный пирог» всевозможных властей. Сначала на верхних этажах шли заверения в необходимости переиздать, вернуть «Брестскую крепость» в круг литературы; затем средний «слой» — пожестче и с горчинкой — покусывал книгу: речь уже шла не только об «изъятии» Матевосяна, но и Петра Клыпы, и Александра Филы; пока, наконец, дело не упиралось в абсолютно непробиваемую стену, точнее в вату, где бесшумно гасились все усилия. А письма в инстанции, звонки, очередные просьбы о встречах — как камушки в воду, впрочем, даже и кругов не было... И уже потянулись сведения о том, что где-то какой-то официальный лектор публично заявил, что «герои Смирнова — липовые», и тому подобные прелести.

Когда я с тупой болью думаю обо всем этом, мне вдруг открывается странная черта отцовской судьбы — после смерти он как бы повторяет дорогу возвращенных им к жизни людей, обреченный испытать ее неровности собственной душой, заключенной в книге. Знать бы ему все это тогда, в пятидесятих...

Но нет!.. Не нужно было это печальное предвидение тогда, на исходе пятидесятих. Тогда его живой труд, зримо воплощенный в этих рано постаревших людях, гордо шагавших по московским улицам. Наши соседи уже не опасались за сохранность своих квартир, а радостно улыбаясь, завидев кого-нибудь из них — теперь их знали в лицо. Прохожие узнавали их в толпе, жали руки, вежливо и уважительно похлопывали по плечам. Бывало, и я шел с ними в отблеске всенародного признания, по случаю перепадавшего и мне, поскольку был по-детски тщеславен. Для меня то все они были никакими не знаменитыми героями, а близкими друзьями, почти что родственниками, ночевавшими на моем диване. А такая близость к величию, согласитесь, греет душу.

Но отец!.. Отец прямо-таки упивался происходившим. Это было дело его рук, ощутимый результат его энергии, которая гнала его за тысячи километров в глухие медвежьи углы, сталкивала с непробиваемым бездушием и кретином сталинской системы, лишь начинавшей свое, как теперь выяснилось, временное отступление.

Ведь это он, отец, ночами на кухне читал десятки, потом сотни, а потом и тысячи писем, заваливших квартиру, — открыть летом окно стало проблемой: сначала нужно было переместить сотни конвертов, покрывавших подоконник. Это он проштудировал тысячи единиц документов во всевозможных архивах — от Военного и до Прокуратуры. Это он первым после Родиона Семеновича потрогал в 55-м хрупкую ткань полкового знамени, зарытого в казема-

В музее
Брестской
крепости.

1969 год.
С. С. Смирнов
и К. М. Симонов.

те крепости в дни обороны и вырытого теми же руками. Было чем восторгаться — все это теперь материализовалось в людях, окружавших его.

И все же главная, думаю, причина его восторга стала мне понятна гораздо позже, с годами. Он вернул этим людям Веру в справедливость, а это, если хотите, вера в самую жизнь.

Он вернул этих людей стране, народу, без чего они себе жизни не мыслили. Там, в смертельном Бресте, и потом, в лагерях смерти, они — изувеченные, прошедшие все степени голода, забывшие вкус человеческой пищи и чистой воды, гнившие заживо, умиравшие, кажется, сто раз на дню — они все-таки выжили, спасенные своей невероятной, неправдоподобной верой. И куда же привела их эта вера... Под жернова чудовищной сталинской мельницы, в муку перемалывавшей миллионы человеческих судеб. И теперь новые ужасы, вдвойне ужасные своим источником, выпали на их долю. Но и сквозь это прошли. И это — от своих-то, от родненьких, за которых сердце болело сильнее незаживавших ран на теле, на своей земле, напоенной их кровью в первые же минуты нашествия, — и это выдержали. Только глаза погасли — затих огонек их веры, костром горевший четыре страшных года...

А теперь!.. Теперь ясно — есть она! Жива на земле высшая справедливость, и, значит, стоит жизнь всей отданной за нее дорогой цены!

Кажется мне, что отцу тогда было всех радостнее убедиться в этом, увы, далеко не бесспорном факте существования справедливости. Он обещал ее потерявшим веру людям, он был ее невольным вершителем. И бог ты мой, как он был благодарен каждому, кто хоть самой малостью помог ему, кто делил с ним тяжкую ношу!

Отец и его многочисленные и самоотверженные помощники, такие, как, скажем, Геннадий Афанасьевич Терехов — следовательно по особому важным делам, известный сегодня всей стране, ставший долголетним, до самой смерти, другом отца, и многие другие люди, совершили, на мой взгляд, неповторимый

процесс реабилитации страны, народа, истории в глазах тех, кому вышло пройти все круги ада — гитлеровский и сталинский. Ведь их-то прощать, реабилитировать было не за что — у кого были сомнения в их абсолютной невиновности? Только у сумасшедших да у палачей ГУЛАГа, и то — едва ли... А вот признать собственную вину перед этими двоекратно пострадавшими мучениками, без преувеличения вымолить себе прощение и воздать им заслуженное — на эту самореабилитацию страна наша и народ поднимались со скрипом. Да и то, приподнявшись, застыли на полусогнутых, если не двинулись в обратном направлении — недавние дискуссии о пленных постыдны, люди, прошедшие плен, заслуживают самой высокой степени оценки и духовного преклонения. Так вот те, кто тогда, в пятидесятых, призвал ширить этот болезненный процесс реабилитации целого общества в глазах его безвинно пострадавшей части, делали это, на мой взгляд, не только и не столько ради конкретных людей, но ради очищения судьбы своей страны, работали не из любви «к искусству», но из любви к Родине.

Английский писатель и лингвист XVIII века Сэмюэл Джонсон в одном из писем начертал как-то поразившую меня фразу: «Патриотизм — это последнее прибежище мерзавца». Последнее двадцатилетие, плоды которого мы еще, увы, долго будем пожинать, прямо-таки громыхало патристическими литаврами, и солировали на них, как опять же теперь выяснилось и еще выясняется, означенные С. Джонсоном граждане. И действительно — что это за патриотизм, что это за любовь к Родине, требующие ежеминутных громогласных признаний и устных заверений? Человека, который, вставши на площадь, разразится цветистой фразой о своей любви и уважении к собственной матери или жене, думаю, сочтут не совсем нормальным — любовь должна быть тихой, несуетной. Но разве то, что мы любим наших матерей и жен, отцов и братьев, детей и внуков, наши города и деревни, леса и реки, разве не есть

все это — наша Родина? Не криком, не громами подтверждается такая любовь — поступком, множеством поступков, всей жизнью, наконец. И вот при всей склонности к трибуне — говорить перед любой аудиторией он любил и умел, бумажку перед носом презирал — отец обладал, на мой взгляд, вот таким потаенным, точно дозированным чувством любви к Родине, той мерой патриотизма, из которой прибежища себе не соорудить. И его работа, дело, начатое тогда, в пятидесятых, кажется, и были этим материализованным состоянием души и сердца. Может быть, и поэтому он так счастлив был в те ушедшие дни...

А потом была поездка в Брест — настоящий триумф героев крепости. Да, было, было... И мнилось, все сполна, по высшей мере воздаяния получили эти люди. И еще был праздник у нас, но особенно, конечно, у отца, когда крепости дали Звезду, а 9 Мая объявили нерабочим днем и назначили парад на Красной площади!

Тогда ему, видимо, казалось, что все достигнуто. Нет, не в смысле работы — дорога его только раскатилась впереди. Достигнуто в смысле морального обеспечения звания «Ветеран войны». В те дни начала шестидесятых человеку с рядом орденовских планок на пиджаке не было нужды, краснея, лезть в карман за удостоверением участника или, лучше того, инвалида войны: очередь расступалась сама.

Да, пережили мы с тех пор долгий период эрозии общественной нравственности. Но ведь есть же, не могут не существовать святые, ни временем, ни людьми неколебимые ценности, без которых народ не народ. Нельзя нам было обесценивать тот огромный духовный потенциал, что содержался в словах «Ветеран войны». И ни мизерными, а то и попросту смехотворными льготами, ни зачастую пустейшим звоном с трибун не могут и не должны измеряться нежность и признательность нации этим людям. Ведь их мало. Их ничтожно мало, и с каждым днем это число уменьшается. И — как-то тягостно представить — не за горами день, когда

земля примет последнего. Последнего ветерана великой войны...

Их не нужно ни с кем и ни с чем сравнивать. Они попросту несравнимы. Отец как-то поразил меня, заявив, что несправедливо нам иметь одинаковый статус Героя Социалистического Труда и Героя Советского Союза, поскольку первый проливает пот, а второй — кровь...

В конце жизни он видел и переживал этот процесс девальвации отношения в народе к людям войны. Видел, как угодливо подносились одна за другой Золотые Звезды, золотое оружие, бриллиантовые ордена, Ленинские премии полководцу, не выигравшему ни одного сражения, равнозначному писателю, не написавшему ни одной книги, и все же вознесенному прихотливой судьбой на вершину гигантской бюрократической пирамиды. А тем временем человек, чей маршальский китель весил больше пуда, чье имя отождествлялось со словом «Победа», тихо доживал на подмосковной даче. А тем временем тысячи и тысячи старых солдат, инвалидов душились в очередях за самым необходимым, возвращаясь после этих битв за существование с шматком ветеранской колбасы в полуподвалах своих обиталищ. Отец видел всю эту несуровую, неподвластную уму нелепость, видел и продолжал все с тем же энергичным постоянством будить души, звать на поклон к тем, кто заслужил поклонения. Но мы уже прочно спали нашим любимым богатырским сном...

Пусть не покажется вам, читающим эти строки, что был он человеком «без сучка, без задоринки». Отец неотрывно связан со своим трудным, страшным временем. Как и большинство из тех, кто вырос и жил тогда, он не всегда умел различить белое и черное, не во всем жил в согласии с собой, и не всегда хватало ему гражданского мужества.

Удивительное поколение! Люди, которые без колебаний шли под огонь, кидались на амбразуры, под танки с какой-нибудь пуколкой, а то и с голыми руками, но большую часть жизни просуществовали в атмосфере всеобщего страха — это, по-моему, что-то феноменальное. Изверг расстреливал и гноил в лагерях их самих, их отцов и братьев, жен и матерей, детей и друзей, а они шли на погибель с его именем на устах, и для многих это во веки проклятое имя было последним предсмертным криком. И пусть не говорят мне сегодня о его inferнальной хитрости, обманувшей миллионы, о победах и успехах, связанных с его именем, о вражеском окружении и страшных замыслах врагов — миллионы обмануть невозможно, если они только не хотят быть обманутыми; победы и успехи были не благодаря ему, а только вопреки, да и едва ли поднимется язык назвать их победами и успехами, вспомнив о цене, которую за них положили. Впору удивиться, поразиться тому, что еще существует наш народ и наша страна, и не в каменном веке, а на ближних подступах к цивилизации. Что ж, если так реализуются пресловутая богоносность и боголюбие нашего народа, поклонившегося антихристу, то уж лучше увольте нас от нашей избранности!..

Впрочем, не мне судить и отца, и его поколение. Думаю только, что дело, которому он служил с такой поразительной убежденностью и душевной силой, дело, которое он делал, примирило его с жизнью и с временем.

Как-то после смерти отца я нашел в его столе черновик письма Александру Трифоновичу Твардовскому. Твардовскому, чьим заместителем еще в первом составе «Нового мира» был отец, в те дни исполнилось шестьдесят лет. К юбилею отец на всю жизнь сохранил трепетную любовь и преклонение перед его личностью. Не знаю, перебрал ли отец черновик, получил ли его адресат, но текст меня поразил. Вот это письмо.

«Переделкино, 20.6.70.

Дорогой Александр Трифонович!

Почему-то не хочется посылать Вам

поздравительную телеграмму, а тянет написать что-нибудь нетелеграфное своей рукой. Вы сыграли такую важную роль в моей жизни, что день Вашего шестидесятилетия невольно ощущаю как знаменательную дату в своей собственной судьбе.

Это не красивые юбилейные словца. Я не раз думал о том, как повезло мне, что встретил Вас и имел счастливую возможность работать с Вами и быть некоторое время Вашим близким другом (надеюсь, что это не дерзость с моей стороны). Случилось это в очень критический, наверное, переломный момент моей жизни, когда расpirала энергия и жажда деятельности, а эпоха, в которую мы в то время жили, могла ведь направить все это по разным руслам. И хотя, полагаю, что на сознательную подлость я и тогда не был способен, все же бог весть как могли сказаться обстоятельства и сложности тех времен, не встретиться мне Вы, с Вашим большим чувством правды и справедливости, с Вашим талантом и обаянием. И во всем, что я делал потом, расставшись с Вами, всегда была доля Вашего влияния, воздействия на меня Вашей личности. Поверьте, я очень далек от того, чтобы преувеличивать свои возможности и сделанное мною, но все же мне иногда приходилось делать добрые человеческие дела, которые в старости доставляют чувство внутреннего удовлетворения. Я не знаю: сумел бы я сделать их или нет, если бы за душой не было бы встречи с Вами и Вашего никогда не прекращавшегося влияния. Наверное, нет! И за это мое Вам сердечное спасибо и мой низкий поклон ученика учителю.

Я не решился приехать поздравить Вас, не будучи уверен, что Вам будет это приятно и зная, как Вас одолевают сейчас визитеры и желанные, и нежеланные. Но, думаю, Вы почувствуете, что я делаю это письменно от всего сердца и от всей души. Дай Вам бог на долгие годы Вашего прежнего железного здоровья, той доли покоя, в которой нуждается Ваша беспокойная душа, новых чудесных стихов и всего-всего, чего только можно пожелать человеку, которого сердечно любишь и глубоко уважаешь.

Передайте мои душевные поздравления Марии Илларионовне, дочкам и внукам, всем, кого я знаю и не знаю в Вашей разрастающейся семье. Виргиния Генриховна и мои сыновья с большим удовольствием присоединяются к моим поздравлениям и всегда Вас помнят.

Горячо, с прежней дружбой обнимаю Вас, дорогой Александр Трифонович! Всегда Ваш С. С. Смирнов».

Не хочу, чтобы кто-нибудь подумал, будто написаны эти страницы с одной целью — лишний раз помянуть имя отца, его работу, выпятить под шумок его жизнь. Упаси Господь! Хотелось бы другого — чтобы отец, всегда боровшийся за справедливость, для других, и сам наконец обрел ее для себя, для главного труда своей жизни. Чтобы правда о Самвеле Матвеевском была объявлена принародно, а не хранилась тайной за семью печатями в ведомственном шкафу. Пусть эта правда будет горькой — правду все же можно пережить, и только несправедливость — никогда. Книга «Брестская крепость» должна вернуться к людям...

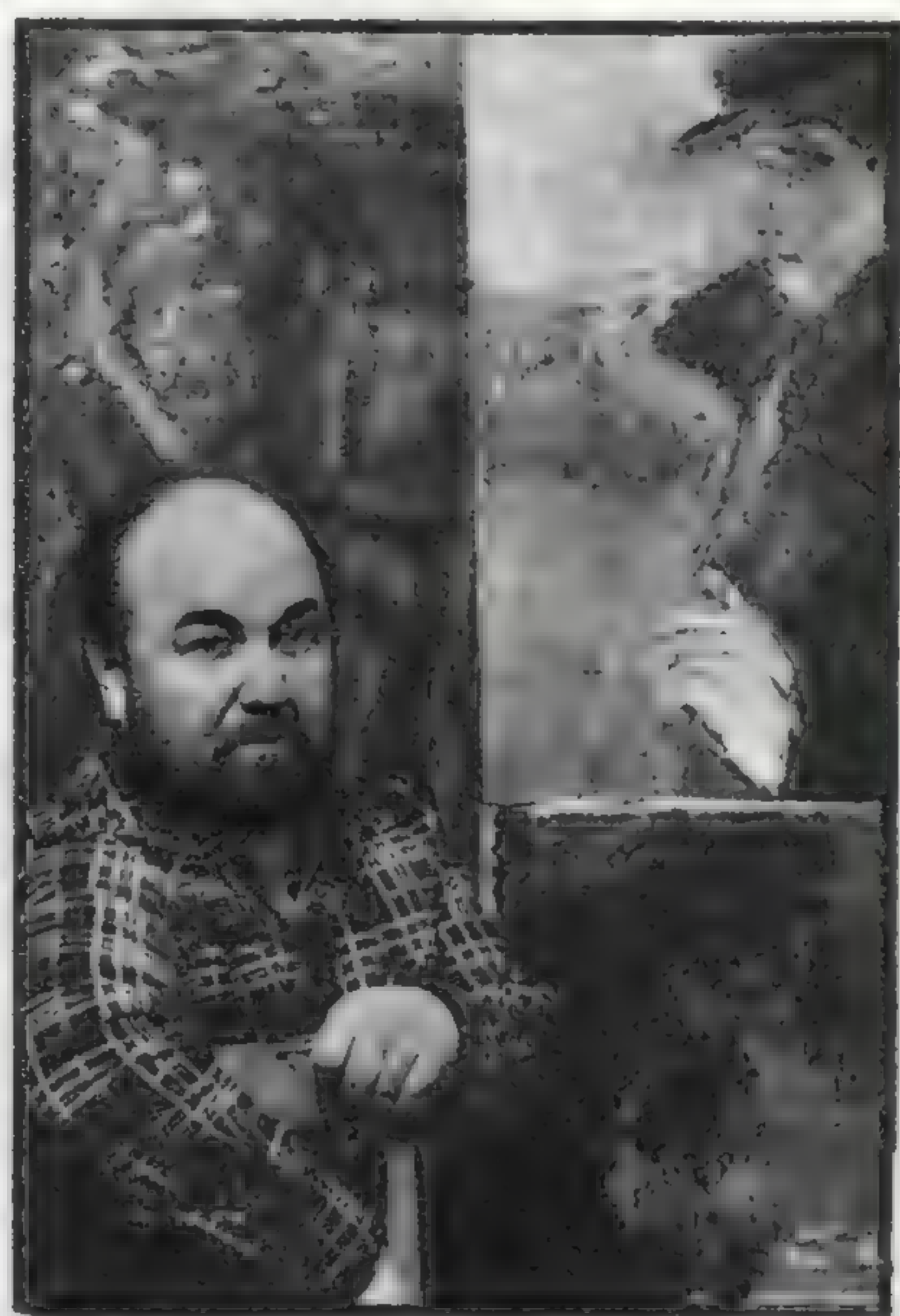
Жалко, смертельно жалко, что не дожил отец до сегодняшнего дня — в сентябре ему исполнилось бы 73. Много, о чем он говорил, вдруг всплывает сейчас, возникает, задевая память. Он как бы продолжается, и я вспоминаю строки Николая Алексеевича Заболоцкого:

Нет в мире ничего прекрасней бытия.
Безмолвный мрак могил — томление
пустое.

Я жизнь мою прожил, я не видал
покая,

Покая в мире нет, повсюду
жизнь и я.

Илья КАБАКОВ

МИРЫ ЕГО ВООБРАЖЕНИЯ

ПАПИТРА

чень трудная задача — писать о творчестве хорошо знакомого художника, будучи не искусствоведам, а собратом «по цеху». «Лицом к лицу лица не увидать».

Я знаю Анатолия Слепышева и его работы давно — и сейчас пытаюсь как бы отойти от художника на значительную дистанцию, чтобы увидеть его в двух очень важных планах: истории (если он в ней участвует, что уже есть вопрос судьбы, а в случае Слепышева я это предполагаю), т. е. в плане диахронном, «движущемся» на нас из глубины веков, и в плане современности, т. е. синхронном, показывающем, как художник связан со своими соседями по времени, насколько он отразил его.

Я пытаюсь взглянуть на картины Слепышева, будто они находятся в экспозиции некоего музея, где последовательно размещены произведения художников разных эпох...

Захожу в зал Слепышева. Вникаю в то, что нам «сообщает» его творчество. «Сообщение» принимает разные оттенки — от иронического до драматического, в некоторых работах оно сильнее, в других — слабее, но главная тема творчества Слепышева, основной образ проступает везде.

Эта тема лежит в русле совершенно определенной, очень любопытной и важной традиции российского искусства, представленной такими именами, как Чекрыгин, Древин, Фонвизин, Михаил Соколов, Ева Розенгольц. Истоки традиции, на мой взгляд, уходят к искусству европейского барокко XVI—XVII веков, а для этого искусства характерна попытка объять мир в целом, полный универсум: небо и Землю, все формы существующей на земле жизни — органической, неорганической, искусственной, все дальнейшее и близкое, макрокосм и микрокосм. Это стремление к созданию единого образа, к охвату человеческим сознанием и взглядом всего мира, титаническая и одновременно очень человеческая попытка постичь и отразить мировое устройство воплощены в барочной картине и составляют вообще пафос барокко.

Картина барокко космична. В ней представлена связанность самых противоположных вещей, единство, и контраст Вселенной, и отдельность составляющих ее элементов. Как правило, в барочной картине присутствуют сразу и небо, и земля, и человек, и растительный и животный мир, действие и противодействие, взаимопротиворечивые страсти. Мир дан не фрагментарно, но в полноте.

Барочная картина, как и культура эпохи в целом, носит театральный характер: она отражает взгляд человека на мир, как на сцену, где происходит действие жизни. Кулисы, рама, планы позволяют упорядочить изображение, дают возможность постепенного «открывания» мира (тут особую роль играет перечисление предметов, деталей и элементов) — и в конечном счете владения им через созерцание, путем целостного обозрения.

Мир барочной картины не статичен, он в непрерывной динамике: каждый из элементов движется согласно своим путям, скоростям, смыслу. Это мир движения: человек захвачен каким-то своим действием, животные заняты своей жизнью, ветер клонит кроны деревьев, облака несутся. Все как бы на сцене и в своем действии.

При этом барочная картина мира, наполненного движениями, хотя и не лишена

драматизма, тем не менее гармонична. Движения полны единым замыслом, а потому подчинены законам хорошо и мудро продуманного не механизма даже, а организма.

Позже в искусстве европейского романтизма (например, у Делакруа и особенно Коро) сходное осознание мира как чего-то цельного, универсального и динамичного было дано через рефлексию, сквозь кристалл воображения, мечты, фантазии. Романтика Коро — это тот же мир барокко, единый, полный, самодвижущийся, но представленный в мечтательных, почти сновиденческих, ностальгических тонах.

В искусстве российских художников — Чекрыгина, Древина, Фонвизина, Михаила Соколова, Розенгольца, Слепышева я различаю все ту же цельную, динамичную картину, то необходимое для человеческого существования понимание единства мира.

Русское искусство этого направления наследовало у барокко и европейских романтиков не художественно-предметные навыки и приемы, не практику и школу, а мироощущение, мироощущение.

Начало нашего века — период драматических метаний художников между двумя крайностями: верх и низ, бездна и высота. Представители русской «романтической школы» и совершали попытку противопоставить разорванному сознанию картину мира как единой системы, соединить отдельную челове-

А. С. СЛЕПЫШЕВ.
Род. 1922.
ОКРАИНА.
1980.

УЛИЦА.
ТОЛПА.
1982.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО. 1983.

ДЕЙСТВА. 1981.

скую жизнь, собственную жизнь художника — с общечеловеческой судьбой, вывести разговор почти на космическую высоту. Этим «романтическая» школа резко отличалась от современных ей школ, живущих драматично, то жаждущих предельной новизны, то цепенеющих в академической неподвижности.

Материалом творчества для «романтиков» становятся надежды, мечты, утопия. Характер творчества формировал и само поведение художника, полностью раскрепощенного человека, работающего во вдохновенном состоянии, понимающего искусство как импровизацию, акт счастья. В счастье возникают образы, приходит вдохновение. Чувство счастья, испытываемое художником в момент создания картины, передается зрителю.

И для Слепышева не случайно очень важен процесс изготовления картины. Художник как бы вступает в некий неведомый мир, полный непонятных пока красок, которые необходимо привести в единство, гармонизировать, но они сопротивляются. Но художник настойчив. И вот как бы открываются окна и наступает момент, когда работа кистью, красками, это «мазание», по вы-

ражению Слепышева, дающее смешение цветов, вдруг соединяется с миром, который рос в душе художника. В этот момент происходит как бы вспышка вольтовой дуги — тут и рождается картина.

В прекрасном пространстве картин Слепышева плавно перетекают друг в друга мистические видения, реальные бытовые сцены, эротические, социальные, драматические моменты. Возникает единый, живой, пульсирующий, светящийся мир картины. Такие художники, как он, чрезвычайно пристрастны и чувствительны к световой специфике, световой характеристике, к свечению картины. В работах Слепышева происходит невероятная акцентировка света и свечения: картины излучают свет.

Те миры, которые мы видим у Слепышева, созданы его воображением. Он не нуждается в работе с натуры, лишь отталкивается от воспоминаний о ней.

И вечное сливается с временным, фрагментарное с универсальным, и возникает цельность. Цельность — ключевое слово, которое определяет традицию русского «романтизма». Картины Слепышева — поиски человека, ведущего средствами своего искусства диалог с миром.

ЧИСТОТА ГОЛОСА, ИСКРЕННОСТЬ, ОТСУТСТВИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЗЫ И ЖЕЛАНИЯ КАЗАТЬСЯ «СЛОЖНЕЕ СЕБЯ» ОТЛИЧАЮТ СТИХИ ИННЫ ЛИСНЯНСКОЙ. ЭТИ ДОСТОИНСТВА ВСТРЕЧАЮТСЯ СЕГОДНЯ РЕЖЕ, ЧЕМ ХОТЕЛОСЬ БЫ.

В «НОВОМ НАЗНАЧЕНИИ» АЛЕКСАНДРА БЕКА СЫН ГЛАВНОГО ГЕРОЯ ПЕРЕПИСЫВАЕТ «ДЕВЧАЧЬИ СТИХИ». АВТОР ДЕЛАЕТ СНОСКУ, ЧТО ОНИ ПРИНАДЛЕЖАТ ИННЕ ЛИСНЯНСКОЙ. МНОГО ЛЕТ НЕ ПЕЧАТАЛИ РОМАН. МНОГО ЛЕТ У ЛЮБИТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ НЕ БЫЛО ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРЕПИСЫВАТЬ В ТЕТРАДКИ СТИХИ ЛИСНЯНСКОЙ. ТОЛЬКО В 1987 ГОДУ, СПУСТЯ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ, ЕЕ ИМЯ СТАЛО ПОЯВЛЯТЬСЯ НА ЖУРНАЛЬНЫХ СТРАНИЦАХ. В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ПЕРЕД ЭТИМ ЛИСНЯНСКУЮ ПУБЛИКОВАЛ «НОВЫЙ МИР» ТВАРДОВСКОГО.

ВОЗДУШНЫЙ ПЛАСТ

Я и время — мы так похожи!
Мы похожи, как близнецы,
Разноглазы и тонкокожи...
Ну, скажи, не одно и то же —
Конвоиры и беглецы?!

Ярко-розовые ладони,
Каждый светится капилляр,—
Я — в бегах, а он — в погоне,
У обоих мир двусторонний —
Там наш пепел, а здесь пожар.

Я и время — мы так похожи!
Врозь косые глаза глядят...
Как ты нас различаешь, Боже?
Ну, скажи, не одно и то же —
Взгляд вперед или взгляд назад?!

Преимущества никакого
Ни ему не дано, ни мне,
Лишены очага и крова,
Мы бежим, как за словом слово,
В обезумевшей тишине.

1971

ДНИ

Зачем, опершись о порог,
Часа эдак три иль четыре
Трет замшевой тряпкой сапог
Тишайший сосед по квартире?

Зачем в коммунальном аду,
Где песенки наши не спеты,
Выкрикивает какаду
Название центральной газеты?

Зачем тугодум-управдом,
На восемь настроив будильник
И спрятав его в холодильник,
В шкафу удавился стенном?

Как сны обрываются дни,
Но есть жесточайший порядок
И в том, что безумны они,
И в том, что они без загадок.

1972

Легка твоя посмертная кровать,
У смерти времени не занимать,
Здесь есть досуг над жизнью
поразмыслить:
Родится гений, чтоб ничтожного
возвысить,
Ничтожный — чтобы гения поправить.

1974

На земле таежной, на острожной,
Где петляет речка Итанца
И желтеет знак автодорожный,
Неподвижной мысли нет конца:

Колокольчик на коровьей вые
Звякнул и пронзительно затих —
То ли мертвых вспомнили живые,
То ль жалеют мертвые живых.

Костерок прерывисто дымится,
Чертит контуры безвестных лиц...
Лучше быть убитой, чем убийцей,
А поди-ка расспроси убийц!..

Кто ты, путник, и зачем ты рядом,
Почему целуешь мне ладонь
И глядишь непостижимым взглядом
На неровно дышащий огонь?..

1975

Затвердел воздушный пласт,
И почти немислим вдох.
— Потеряешь — Бог подаст,
Задохнешься — примет Бог.

Этот в сердце разнобой
Не конец, а перерыв! —
Это я сама с собой
Говорю, окно раскрыв.

Наверху стоит январь,
А июль стоит внизу,
Воздух черствый, как сухарь,
И сегодня разгрызу!

Липа выдох мой вдохнет,
Превратит в медовый дым,
Друг вспомнит и придет —
Был бы цел и невредим!

Сладко выпится отец.
Руки мертвые скрестив,—
Даже это не конец,
Даже это перерыв.

1978

К чему упрочивать нам случай?
Запомни только руки.
Лишь море зыбкое живуче
Да папоротник хрупкий,

Лишь взоры беглые понятны
Да полумрак пятнистый,
Да белые на небе пятна
Над почвой каменистой.

Все близкие — едва знакомы.
Запомни только имя!
Еще мы встретимся, еще мы
Успеем стать чужими...

1978

ПЫЛЕСОС

Какое несчастье, что я научилась
смеяться!
Как быть и что делать —
уже не задам я вопроса.
С тахты поднимаюсь, когда начинается
смеркаться,
И движусь по миру, держась
за кишку пылесоса.

Гуди и заглатывай все, что незримо
и зримо:
И совесть, и память, и грифель
толченный, и пудру,
Отрепья сознания и струнья
отпавшего грима,—
Все это уже ни к чему мировому
абсурду!

Заглатывай косточку яблока —
весточку рая!
Какая потеха — вечерняя наша
морока,—
В единое нечто разрозненный сор
собираем
В том хаосе, где и пылинки —
и та одинока!

Своей насыщаться работой —
не это ль порядок?
Гуди, пылесос, и заглатывай
свежую пищу! —
Засохшие бабочки, хлопья
истлевших тетрадок,
И пепел табачный, и пепел того
пепелища,
Где я научилась смеяться...

1979

Я в зеркало гляну, бывало,—
По горлу прокатится дрожь,—
Там черная совесть зияла
Моиими глазами, и все ж

Покамест опалы и смерти
Страшилась я пуще зеркал,
Глагол, как младенец в конверте,
Дремал и пустышку сосал.

Баяло снежное поле,
Укачивал южный камыш:
Дремли, да не думай о воле,
Дремли, а не то — угодишь...

И вдруг я забыла о страхе,
Не думаю, что меня ждет,
И горло, готовое к плахе,
Открыто и вольно поет.

1980

Какое нынче лето — все ливни
коротки,
Ни стражи, ни крамолы,—
Клеенчатые листья, атласные жуки,
Вельветовые пчелы,

И крылья из батиста, и кружевная
тень,
И в ягодах опушка,
И в воздухе такая безоблачная лень,
Как будто мир — игрушка.

А может быть, и вправду игрушка,
если ты
Цела и невредима,
Ты, шедшая в огонь, ты, сжегшая
мось:
Ты, черная от дыма.

1981

Молчит дверной звонок
и телефонный,
И только чайник дует в свой свисток,
На Запад смотрит ветер закоренный,
А наша кухня смотрит на Восток.

Мы черные чаи с тобой гоняем,
И как ни морщим опытные лбы,
Мы завтрашней судьбы своей
не знаем,
Да и вчерашней не поймем судьбы.

И то учли, что мы с тобой в опале,
И то учли, что нет в суде суда,
И даже то, что мы с тобой пропали,
Как пропадают письма в никуда.

Но, улыбаясь, моешь ты посуду,
Ты улыбаешься — и ясно мне,
Что точно так припомненному чуду
Младенцы улыбаются во сне.

1981

Ангел мой! — иначе как назвать?
Ангел мой! — иначе как восславить
Жизнь твою и эту благодать,
Жить тобой, не лгать и не лукавить.

Снег смахну с твоих усталых ног
И снежинку — с поседелой брови.
Только б ты однажды не продрог
От моей пылающей любви.

1983

Душа не в занозах и плоть
не в заносах,—
Зимою и летом бытую прекрасно.
Я есть пустота, сквозь меня,
как сквозь воздух,
Проходит все то, что движенью
причастно,—

И стая гагачья, и стадо бизонов,
Небесные струны, и время, и люди
В лавровых, в терновых венках
и без оных,
Заблудшие в правде, завязшие
в блуде.

Все то, что идет, об меня
не споткнется,
И мне об идущее не опереться,
Но чье-то дыханье во мне остается,
И чье-то во мне разрывается сердце.

1987

ПУТЕШЕСТВИЕ С НАДЕНЬКОЙ В ПЕРСОНАЛЬНОМ ЛИФТЕ

Лифтерша Надя коротко знакома со всеми главными начальниками огромного дома № 29 на проспекте Калинина, где размещены три министерства. И не знает ни по имени, ни даже в лицо их подчиненных — всяких там заместителей начальников управлений и отделов, ни, тем более, каких-то главных специалистов. Статная, с приветливым лицом, радужная блондинка Надя управляет спецлифтом.

А сначала мы с ней поссорились...

— Спецлифт! — сказала она.

Я оглядел лифт, но не нашел в нем ничего особенного — обыкновенный, без полок, шкаф с зеркалом, передвигающийся по вертикали. Тогда читательница газетки, все еще не глядя на меня, повторила сурово, с нарастающим нетерпением, как говорят сердитые учительницы непослушным школьникам:

— Спецлифт!!

Я вышел не сразу, потому что соображаю медленно. До сих пор мне были известны многие сложные, выразительные слова, начинающиеся со «спец», но такого короткого, всего из двух слогов, еще не слышал. Женщина повторила его гневно, с отвращением — не к нему, а ко мне. И подняла свою очаровательную головку:

— Спецлифт!!!

Видя мое поражение, хмурая толпа перед гуляющими лифтами повеселела. Многие лица расцвели улыбками, другие — более добрые, — наслаждаясь моим унижением, все же отвернулись, чтобы я не увидел, как они довольны. Теперь, разобравшись во всем, я вовсе не обижаюсь на них: все они в разное время тоже испытали поражение, тоже перенесли унижение, когда им весомо, грубо, зримо указали их место на площадке. С тех пор они не суются со своим свиным рылом в калашный ряд: как бы ни опаздывали, будут до посещения топтаться у семи исчезнувших лифтов, но не попросятся в стоящую кабинку с ковриком, где красивая женщина, как на витрине магазина, за стеклом, застыла, читая газету. И будут отворачиваться, чтобы не глядеть на объявление, сделанное красным революционным цветом по белому: «Спецлифт». Правда, без восклицательных знаков.

Заинтересовавшись спецлифтом, я потом услышал много забавных историй, связанных с этим необычным видом транспорта, — от рядовых работников тамошних министерств. (Министерств там, собственно, два — легкой промышленности СССР и медицинской и микробиологической промышленности СССР. Третье — отдел пищевой промышленности Госагропрома СССР, но руководитель отдела, занимающего треть огромного здания, имеет ранг министра.)

Так вот, спецлифтом пользуется спецконтингент — из числа высокого местного руководства. И иностранцы. Из числа гостей. Одна необыкновенно ароматная женщина (поскольку она из «Союзпарфюмерпрома» и занимается духами) весело рассказала об удаче, которая за все двадцать лет один раз выпала на ее долю: она прокатилась на спецлифте!

Было это так. Задержалась в обеденный перерыв в магазине на проспекте Калинина и чуть не опоздала на совещание, которое назначил сам министр. А тут, на счастье, впереди ступают не спеша иностранцы, щебечут на каком-то своем языке — то ли по-французски, то ли по-фински, и сообразительная женщина, спрятавшись за спиной самого рослого иностранца, то ли француза, то ли финна, прошмыгнула в лифт. Спецлифтерша обнаружила это поздно, нахмурилась, но затевать скандал, спускаться вниз и выгонять непрошеную гостью не стала. Наверное, из патристических соображений. А рослый мужчина, видать, был парфюмер с тонким обонянием. Сразу стал вертеться, мелко вдыхать — наверное, определял, какими духами пахнет. Когда подъехали к девятому этажу, он и вовсе повернулся лицом и стал откровенно дышать во весь нос.

А у работницы хозяйственного управления история не озорная, а, скорее, драматичная. Длилась дольше — годами, но теперь ее тоже приятно рассказывать. По своей должности эта женщина сама подбирает лифтеров; зимой шупает в кабинетах батареи —

Я ПРИШЕЛ ПО ДЕЛАМ В «СОЮЗПАРФЮМЕРПРОМ» УТРОМ И ЗАСТАЛ ПЛОЩАДКУ ПЕРЕД ВОСЕМЬЮ ЛИФТАМИ ПЕРЕПОЛНЕННОЙ. ТАМ СКОПИЛОСЬ ЧЕЛОВЕК ДВЕСТИ. ЗА НАГЛУХО СДВИНУТЫМИ ДВЕРЯМИ СЕМЬ ЛИФТОВ ГУЛЯЛИ ГДЕ-ТО В СВОИХ ШАХТАХ, А ВОСЬМОЙ БЫЛ РАСПАХНУТ, В КАБИНЕ С КОВРИКОМ СИДЕЛА В КРЕСЛИЦЕ ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ БЛОНДИНКА И ВНИМАТЕЛЬНО ЧИТАЛА ГАЗЕТКУ. ОПАЗДЫВАЯ, Я ШУСТРО РИНУЛСЯ К НЕЙ, НО УСЛЫШАЛ СПОКОЙНЫЙ ГОЛОС:

— СПЕЦИЛФТ!

греют ли; проверяет кондиционеры — дуют ли; следит за уборщицами. Увидев в спецлифте свою начальницу, женщина в креслице, конечно, не стала ее изгонять, хотя та оказалась в одном экипаже с одним Важным лицом, которое, как многие Важные лица этого огромного здания, ехал на двенадцатый этаж. Краем глаза работница хозяйственного управления наблюдала Важное лицо в зеркале. Оно было свирепым и за всю дорогу не шелохнулось. Начальник так и остался стоять к женщине спиной — то ли потому, что от нее пахло знакомыми духами, то ли он ничего не понимал в парфюмерии. Скорее всего злился на то, что та сунулась в калашный лифт. С тех пор лет десять, встречаясь, хмурился. Впервые осклабился совсем недавно, когда получил понижение в должности, хотя при этом и возвысился этажом. Теперь ездит в другой скромный кабинет на более высокий этаж на любом из семи оставшихся лифтов, который быстрее подойдет. Вместе со всеми подолгу топчется на площадке, нервничает, когда невидимые лифты где-то гуляют, но стал гораздо приветливее. Со времени поднятия на верхний этаж характер его заметно улучшился.

Обыкновенная деятельность спецлифта, снующего вверх-вниз параллельно другим обыкновенным лифтам, естественно, нигде с ними не пересекаясь, имеет тем не менее много особенностей.

Откуда знает хорошенькая Надя, кого пускать в спецлифт, а кого прогонять? О, очень просто! Никаких спецпропусков спецпассажиры не предъявляют, хотя, как только что было рассказано, порою и происходят разжалования из спецпассажиры в пассажиры — с перемещениями на площадке ожидания в сторону к простым лифтам. В этом огромном здании, как, впрочем, и в соседних с ним на Калининском проспекте, существует ответственная бумажная процедура, которой предшествуют переговоры, согласования, выставление кандидатур, утверждение одних и вычеркивание других. Трудятся крупнейшие начальники, их помощники, всемидесятью пальцами шлепают по клавишам доверенные машинистки, проводятся совещания, ведутся телефонные переговоры, снуют с совершенно секретными списками курьеры. Право, в министерстве всегда так много работы! Это идет составление престижных списков на право пользования привилегированным спецлифтом.

Не знаю почему, но эти списки мне показали, хотя я и не имею допуска к секретной информации. Сначала в хозяйственном управлении, а потом — в душевном порыве! — девушка Надя. Ее я всецело оправдываю. Подняв от газеты глаза, она наконец рассмотрела меня. Пришел я к ней в новом, громоздком, неудачно сшитом костюме, в крахмальной чистой сорочке, и она меня, седого, приняла за начальника, за какого-то проверяющего — достала списки, которые она в кабине с креслицем и ковриком возит постоянно, как шофер путевку и водительское удостоверение. Вдобавок, Наденька, наверное, была смущена недоразумением, возникшим при нашей первой встрече, и хотела его загладить. Она переменила отношение ко мне тотчас после того, как я с площадки стал задавать вопросы, которые сотрудники трех министерств наверняка задают себе, но не осмеливаются обратиться с ними к спецлифтерше.

Вместе с девушкой Надей мы внимательно обсудили все три списка. Перемещая начальников вверх

и вниз в лифте, Надя хорошо осведомлена и в перемещениях вверх и вниз по служебной лестнице. Она дала компетентные пояснения по списку, например, Министерства легкой промышленности СССР, который (список!) создавался под руководством начальника управления Б. К. Положенцева, им и подписан и, естественно, содержал среди пассажиров привилегированной кабины и самого Б. К. Положенцева. В списке оставались две пассажирские вакансии — люди еще не знают о том, какой почет их ожидает. Как их только назначат на важные должности, к Наде придут и впишут в список новые имена. Среди законных спецпассажиров спецлифта пять членов коллегии, заведующая спецбуфетом О. К. Бочарова, секретарь парткома В. В. Красиков, председатель профкома С. М. Александрова, ну и, конечно, все заместители министра, в том числе, разумеется, и А. Н. Пушкин.

В другом элитарном списке наряду со спецбуфетчицей мы с Надей нашли фамилию редактора журнала «Вестник Агропрома» Н. В. Тимченко, в третьем — помощников министра.

Девушка Надя — человек очень образованный. Спецлифт ездит немного, по большей части стоит в ожидании спецпассажиров, и Надя зря времени не теряет — читает. Мы с ней беседовали еще до обеда, и она к этому времени уже прочитала все сегодняшние газеты, заснула их за перекладку, где она возит списки. Только моя болтовня отвлекла ее от книжки, которую она приготовилась читать после завтрака.

— Наденька, — задал я ей вопрос после того, как мы обсудили лифтовые привилегии заместителя министра Пушкина (и редактора «Вестника Агропрома» Тимченко), — а если бы сюда пришел сам Пушкин, Александр Сергеевич? Вы его отвезли бы?

Начитанная Наденька улыбнулась, удивляясь моей наивности.

— Ну что вы, это же не наш контингент.

— А если члены профсоюза на ближайших выборах не изберут товарища Александрову в профком, она останется вашим контингентом?

— Конечно, нет! — еще более уверенно ответила мне Наденька.

Подружившись с Наденькой, я вполне мог бы задать и другие коварные вопросы, но не захотел ставить ее в трудное положение, тем более что я знаю ответы на эти вопросы.

Вот они.

— Почему в остальных семи лифтах вполне грамотные пассажиры, работники министерств, образованные не меньше Наденьки, нажимают кнопки сами? А в спецлифте еще более образованные спецпассажиры не делают этого — их обслуживает лифтер? Может быть, нажатие кнопок считается черной работой? Или спецпассажиры не умеют делать такую работу и приходится держать для нажатия кнопок двух сменяющих один другого лифтеров, платить им зарплату? И так ли обязательно иметь семь перегруженных лифтов рядом с одним бездельным? Может быть, архитекторы, не предусмотрев спецлифта, были правы в своих расчетах, проектируя для равномерности движения не семь, не девять, а именно восемь лифтов? Те архитекторы, наверное, даже не подозревали, что общественных лифтов порою будет снова еще меньше. По утрам, когда какой-нибудь лифт останавливается на профилактику или капитальный ремонт, остается всего шесть подъемников, и на площадке вообще стоять негде. Тогда самые молодые и спортивные люди — из числа советских — поднимаются на этажи своего гигантского здания пешком. Такое же случается, когда останавливается на профилактику или капитальный ремонт спецлифт, и тогда уждущего министерского простого народа отбирают еще один лифт, и он становится на время благородным спецлифтом, впредь до окончания ремонта. Интересно: берет ли Наденька с собой коврик и креслице?

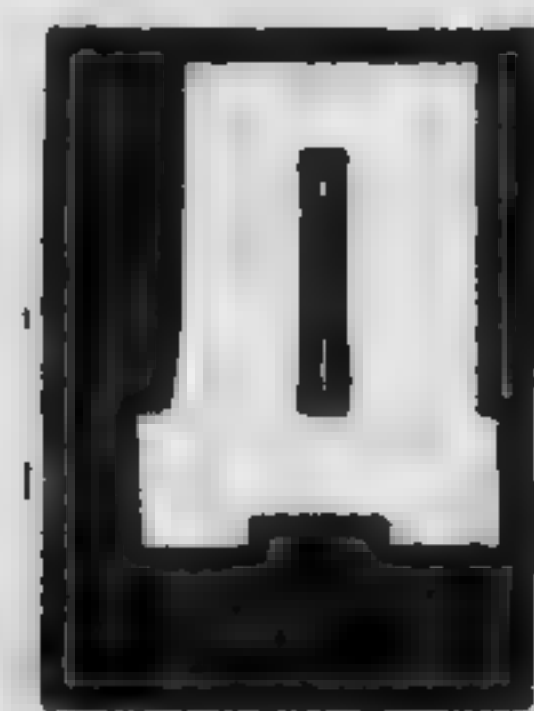
Сообразительная Наденька, видимо, была благодарна мне за то, что я не задал эти вопросы ей. В признательность за это она прокатила меня в спецлифте. До 25-го этажа! У нас это заняло всего двадцать секунд. Обратно мы ехали с остановкой. Разумеется, на двенадцатом этаже...

ФОНД МИЛОСЕРДИЯ,
СОЗДАВАЕМЫЙ В НАШЕЙ
СТРАНЕ, КРАЙНЕ
НЕОБХОДИМ НЕ ТОЛЬКО
ТЕМ, КТО НУЖДАЕТСЯ
В МИЛОСЕРДИИ, НО И ТЕМ,
КТО, БУДУЧИ МИЛОСЕРДЕН,
УЛУЧШАЕТ И МИР, И СЕБЯ
В НЕМ. ДО ЧЕГО ЖЕ ВАЖНО,
ЧТОБЫ НЕ БЫЛО В СТРАНЕ
ЛЮДЕЙ ПОЗАБЫТЫХ,
УХОДЯЩИХ
В ОДИНОЧЕСТВЕ,
УНИЖАЮЩЕМ И ИХ, И НАС.

НА СТАРОСТИ ЛЕТ ОДНИ...

Александр НЕВСКИЙ,
Юрий КОЗЫРЕВ (фото)

Д о пересечения 16-й Парковой и Сиреневого бульвара мне идти минут двадцать. Я спешу туда, не замечая бабушек, гуляющих с малышами, пожилого мужчину с палочкой, стоящего возле школьного подъезда... Прохожу мимо группы стариков и старушек, занявших с полудня «оборону» у входа в винный отдел. Сейчас я на них не обращаю внимания. Это сейчас, а когда я буду возвращаться назад, побывав в доме на перекрестке, то посмотрю на этих пожилых людей совсем другими глазами.

«Директору территориального центра соцобеспечения № 1 А. С. Квартальному от председателя культурно-бытовой комиссии, инвалида I группы, проживающего Г. В. Самойлова. Заявление.

2 декабря с. г. в 16.00 меня попросили разобрать конфликт на пятом

этаже по причине пропажи 2 руб. 50 коп. в комнате 171. Оказалось, что никакого воровства не было, просто проживающая здесь бабушка спрятала деньги под простыню и забыла о них. У лифта ко мне подошла проживающая К. А. Смурякова, попросила проверить температуру у ее соседки А. Н. Хохловой. Я посмотрел термометр: на нем было 38,5. Потом спросил больную, почему она не вызвала поэтажного врача Л. А. Нестеровскую? Та ответила: «А что толку? Она не оказывает никакой помощи, только кричит и грубит». А тут подошла А. А. Левицкая и сказала, что я лезу не в свое дело и стала мне угрожать поставить меня на место. А свое место и обязанности председателя культурно-бытовой комиссии прекрасно я и сам знаю.

Из-за того, что врач Левицкая вовремя не оформила документы, мы два месяца не получали пенсию.

Очень бывает обидно слышать, как

некоторые медработники грубо разговаривают со старыми пациентами: «Бабушка, ты еще на кладбище не собралась?» «Дедок, помирать не собираешься?»

Конечно, старики им ответить не могут, боятся. Но разве можно так обращаться с живыми людьми?!

Дежурная куда-то отлучилась, и мы сидели с автором этого заявления, обеспечиваемым Самойловым (так здесь называют живущих) в холле дома-интерната для престарелых и инвалидов, который с недавнего времени стал называться территориальным центром по обслуживанию ветеранов войны и труда № 1 города Москвы.

Гурий Васильевич один костыль положил рядом, а другим постукивал в такт своему рассказу:

— Не хотят с нами считаться, вы понимаете? Не хотят, и все. Наша комиссия — это ведь общественная организация со своими правами

и полномочиями! А руководство интерната то и дело твердит: «Не лезьте не в свои дела!»

Мышцы на его еще нестаром лице были напряжены, выглядел он даже моложе своих 55 лет: темные волосы, под глазами ни морщинки. Вот только ноги... Ноги отказали геологу-изыскателю Самойлову, когда ему не было еще и сорока: сказались «годы в болоте» и душевная травма — за один год Гурий Васильевич потерял жену, мать и двух близких родственников. Все потерял. С тех пор и начались его «скитания», только не по полям, а по интернатам для инвалидов; только не с киркой, а с костылями...

Он показывал мне все новые справки и заявления на имя директора и главврача, в гор- и райсобесы — от себя лично и от проживающих здесь стариков.

«Я считаю, что ОБХСС и народный контроль должны обратить внима-

ние на то, как и чем нас кормят, как обеспечивают одеждой... Пришлите сотрудников, и вы увидите, что ежедневно с черного хода наши повара и персонал выносят полные сумки с продуктами. Проверьте работу склада: вместо новых нам выдают ношенные вещи, только ярлыки перешивают...

«Вот уже целый год в доме нет туалетной бумаги, нам не выдают носовые платки...»

— Подождите. А что вам ответили на все эти заявления? — поинтересовался я, отдавая Самойлову бумагу.

— Да мы их не стали отправлять, — ответил он со вздохом.

— Почему?

— А потому! Вы ведь не знаете здешней обстановки — за жалобы просто затравят, затюкают... А нам ведь здесь еще жить. Он махнул рукой. — Что говорить, такая ситуация почти во всех интернатах. Мы ведь практически беспомощные, с нами делают все, что хотят: обижают, кричат, могут белье не поменять — они все могут.

И это говорил мне бывший геолог-землепроходец, исходивший пол-России! Представитель одной из самых мужественных профессий! Что же с ним произошло за эти годы странствий по интернатам, если так изменился его характер, если взгляд стал беззащитным и пугливым?

— Тише, пожалуйста, тише! — попросил меня Гурий Васильевич, прижимая палец к губам и оглядываясь в сторону длинного коридора. Там появилась, застучав каблуками, женщина лет пятидесяти. Это была дежурная Мария Владимировна.

— Кто вы, собственно, такой? — не ответив на «здравствуйте», спросила она, просверлив меня взглядом. — По какому праву здесь находитесь? Не знаю я никаких корреспондентов! У нас для всех посетителей одни правила: приемные часы два раза в неделю: в среду с 16 до 18, в субботу с 10 до 13.

На мою просьбу позвать дежурного врача Мария Владимировна ответила указательным перстом в сторону двери. Когда попытался сослаться

на разговор в Минсобесе республики о «свободном входе», она стала куда-то нервно звонить — видно, в милицию...

— Ну, Машенька! Ну дай мне с человеком пообщаться, — стал увещевать неприступную дежурную Гурий Васильевич. — Будь ты человеком.

— Мы-то люди, это вы не люди, — отрезала Мария Владимировна.

Однако Самойлов сумел-таки ее уговорить оставить меня еще на полчаса, пообещав, что из холла мы ни на шаг.

В холле действительно было уютно — мягкая мебель, телевизор, продукция на стенах. Через него то и дело проходили мимо нас жильцы этого дома.

— Вон идет наш полковник в отставке — удивительный человек, честное слово! — начинает свой комментарий Гурий Васильевич. — Не проходит ни дня, чтобы он не позвонил на свою бывшую работу в ЦК профсоюза, в какие-то строительные управления. Дочь родная к нему уже не появляется лет восемь — с того самого момента, как оформила сюда отца. А вот та бабушка Люда, добрейшая женщина, у нее нет никого — муж и сын погибли на войне. Около лифта видите мужчину в берете? Это Михалыч. Его сын с невесткой привезли к нам года четыре назад, сказали, что это «одиноким сосед, выживший из ума». За все время они ни разу его не навестили...

Сначала, признаюсь, я удивлялся, каким спокойным тоном и голосом бывший геолог рассказывает о лю-

дях, с которыми так немилосердно обошлась судьба, — о стариках, брошенных своими детьми и близкими. Потом я понял, что жильцы этого дома начисто лишены злости — они не только не обижаются, но и оправдывают тех, по чьей воле здесь находятся.

— А вот и наш дипломат на своем «жигулевиче» появился! — показал глазами Гурий Васильевич на молодого и плечистого мужчину, выехавшего из лифта на каталке.

— Привет, Николай Иванович, — поздоровался он и спросил. — Ну что, ты сегодня в город не собираешься?

— Да нет, разве что за газетами, — как-то хмуро ответил Николай Иванович и покотил по коридору дальше.

— А почему вы его дипломатом называете? — поинтересовался я.

— Так он на самом деле почти десять лет в МИДе проработал дипкурьером. О, это интереснейший человек! На всех континентах по нескольку раз побывал, представляете? — и добавил, — правда, он последнюю неделю не в духе — собирался пожить в больницу по своему профилю, а его очередь перенесли на конец года, вот и переживает. А тут еще и дочка Наташа что-то давно его не навещала.

— Что же, у него больше нет никого?

— Ну почему же! Есть старший сын Володя, но он сейчас в другой области живет. Есть младший Андрей, который осенью вернулся из Афганистана. Не знаю, что случилось, но он

только один раз пришел к отцу.

Николай Иванович, вернувшись из командировки на Юг Африки, решил с детьми провести свой короткий отпуск в Подмоскowie. Однажды взял ребятишек и пошел с ними купаться на пруд. Там он увидел тонущую девочку и, не раздумывая, прыгнул в воду. Остальное он помнит, словно в тумане: сумасшедшую боль, крики детей, склонившихся над ним. Оказалось, что в воде он сильно ударился о какую-то сваю, потом почти в бессознательном состоянии вытолкнул девочку к берегу — и все, наступила тьма. Очнулся он уже в больнице. Врачи ему тогда сказали: «Мужайся, Николай — лет десять как минимум придется провести в постели». Почти год пролежал в больнице в неподвижном состоянии. Потом несколько лет дома, пока жена однажды не предложила: «Николай, может быть, тебе лучше в специальном интернате побыть? Подумай о детях». «Хорошо, — кивнул он. — Я все понимаю, подавай на развод».

И вот уже одиннадцатый год Николай Иванович находится здесь, в интернате. Сколько сил, сколько воли ему потребовалось, чтобы преодолеть неподвижность! Ежедневные изнуряющие упражнения... Потихонечку, по чуть-чуть... И вот ожило плечо, стали двигаться пальцы... Через год Матараев уже мог сидеть, еще через два — подтягивался руками на самодельном турничке, привинченном над кроватью. Потом сам переоборудовал сломанную инвалидную каталку и стал, как он сказал, выезжать «в свет».

Когда через несколько лет «без приглашения» к нему зашла бывшая жена и увидела Николая Ивановича, делающего зарядку, не выдержала, расплакалась: «Коля, я так рада за тебя!»

Он отвернулся к стене и ничего ей не ответил. Больно стало? Обидно? Да нет, не то слово. Представьте себе мужчину во цвете лет, попавшего в такую ситуацию: дома нет (выписали), семьи нет, из троих детей к нему ходит только дочка с молодым мужем. После того как Николая Ивано-

вича сняли с партучета по месту его бывшей работы, коллеги сразу забыли дорогу на Сиреневый бульвар... И вот что самое удивительное: Николай Иванович не унывает.

— Знаете, я не сдаюсь, — сказал он мне. — Я чувствую в себе силы и верю, что через года два-три начну помаленечку вставать на ноги. Вот только бы врачи помогли!

А врачи из горбольницы № 6, где лечат подобные заболевания, что-то не спешат ему в этом помочь — очередную госпитализацию Николаю Ивановичу перенесли почти на восемь месяцев. Конечно, их тоже можно понять — не он один в этом нуждается. И все-таки этот человек жизнью своей и нынешним положением, я думаю, заслужил право на особое внимание и человеческую поддержку, согласитесь.

Очень трудно судить о людях, тем более кого-то осуждать. Но есть вещи, к которым нельзя спокойно относиться, сердце и совесть противятся: это одинокие старики при живых детях.

Мать-героиню, воспитавшую семерых детей, ветерана труда Ольгу Ивановну Б. родные сыновья и дочери определили в интернат. Ни у кого из них не нашлось угла и желания ухаживать за престарелой матерью. И только после телепередачи «Добрый вечер, Москва!» объявилась одна из дочерей и сделала Ольге Ивановне выговор: «Мама, зачем ты нас позоришь? Если хочешь, то на время отпуска я возьму тебя к себе». Говорят, что это жизнь.

— Однажды к нам пришла очень нарядно и богато одетая женщина и привела с собой старушку, — рассказывала заместитель директора дома-интерната Нина Яковлевна Александрова. — Представила ее как одинокую соседку, сдала и ушла. А потом оказалось, что эта бабушка — ее свекровь, мать мужа-генерала. И таких случаев немало: у девяти процентов стариков, живущих у нас, есть дети или близкие родственники. Под любыми предлогами сдают родителей, чтоб «не мешали жить» или «интерьер не портили».

Это тоже жизнь?

К ветерану войны, бывшему авиаконструктору Анатолию Васильевичу А. за 13 лет ни разу не пришел родной сын, кандидат технических наук Юрий. И приемная дочь Мария, врач по специальности, ни разу не заглянула к отчиму, перенесшему два инфаркта. А ведь он ее любил, как родную, вырастил-выучил...

Бывшего завхоза киностудии «Мосфильм» Александра Петровича З. сын попросил отдать квартиру внучке, собиравшейся выйти замуж. «Папа, подумай о счастье молодых». Папа подумал и отписал молодому свою квартиру, где прожил всю жизнь. И вот уже три года ни сын, ни внучка не могут выбрать время, чтобы навестить деда. Это жизнь?! Никто не пожелает и врагу такой жизни — на старости лет остаться одному при живых детях и доживать последние годочки, простите, в богадельне. А ведь в основном это очень обеспеченные люди, лишней рот им не в тягост. Да старикам и не нужна материальная помощь — они себя сами на свою пенсию прокормят.

В доме-интернате я узнал, что из 610 «обеспечиваемых» почти 150 человек — людей престарелых и инвалидов — совсем не обеспечены вниманием своих детей и близких родственников. Нежно любящие сыновья и дочери, внуки и внучки о них совсем забыли или вспоминают только по великим праздникам. 17 стариков, умерших в прошлом году, были похоронены за счет государства, хотя, по паспортным данным, дети у них имелись.

Это трагедия, подлинная трагедия для нашего общества, когда при живых детях старые люди вынуждены доживать свой век в одиночестве и, что самое страшное, в одиночестве умирать. Если мы это допускаем, что же тогда с нами происходит? И кто мы после этого?..

...А напротив интерната стоит типовая 12-этажка, во дворе которой гуляют бабушки с внучатами, а старики пенсионеры на лавочке возле подъезда обсуждают мировые проблемы, дела семейные и поругивают нынешних молодых... И это жизнь.

ТЕАТР ОДНОГО ХУДОЖНИКА

Есть театр одного актера, одного режиссера, одного драматурга. Эскизы Лейлы Брюн — это театр одного художника... Каждый ее рисунок — это своего рода моноспектакль, в котором его создатель выступает одновременно и как драматург, и как режиссер, актер, оформитель, композитор, балетмейстер...

«Хорошо бы, — мечтает Лейла Брюн, — создать в Москве Центр моды народов СССР со своим музеем народного костюма и своей экспериментальной лабораторией, где научные работники, художники-модельеры, конструкторы занимались бы не только собиранием и изучением народного костюма в плане этнографии, но и моделированием, основанным на истории одежды и предназначенным для разных регионов страны. В этом была бы огромная практическая польза».

Сама Лейла Брюн увлеклась темой народного костюма 20 лет тому назад, сделав это увлечение главным делом своей жизни...

«Мое первое знакомство с искусством костюма малых народностей нашей страны произошло в 60-х годах в Музее этнографии в Ленинграде, где я, студентка Московского текстильного института, была на практике, — вспоминает Лейла. — Тогда был период повального увлечения конструктивизмом, поиска новой пластики, новых форм, соответствующих ритмам нашего космического века. Каково же было мое удивление, когда в музейных залах я обнаружила... самый настоящий авангард! Фантазия народных мастеров на целые столетия предвосхищала многие идеи, кажущиеся нам и сегодня, в конце XX века, суперсовременными».

Художница называет множество прямых и косвенных аналогов в одежде, разделенных веками...

Столь любимые молодежью комбинезоны — повседневная одежда иганасан, а современные куртки-ветровки — это те же непримечательные плащи из кишок морских животных, которые носили алеуты. Ультрасовременные бахилы напоминают звенящие унты. Даже щелевидные очки, пользующиеся сегодня такой популярностью у молодежи, испокон веков служили алеутам защитой от снежной слепоты...

Разработка костюма по мотивам национальной одежды народов Крайнего Севера была дипломной работой Лейлы Брюн. Центральное телевидение в передаче «Диплом-67» признало эту коллекцию одной из лучших работ года. Большой успех она имела и на «ЭКСПО-67» в Монреале.

Лейла родилась и выросла в Тбилиси, там окончила художественное училище и свою трудовую деятельность начала художницей на студии «Грузия-фильм» у режиссера Отара Иоселиани.

Затем несколько лет Лейла работала на Центральном телевидении СССР, была художником-постановщиком популярной телепередачи «Кабачок 13 стульев», оформляла цикл программ, посвященных классикам мировой музыкальной культуры.

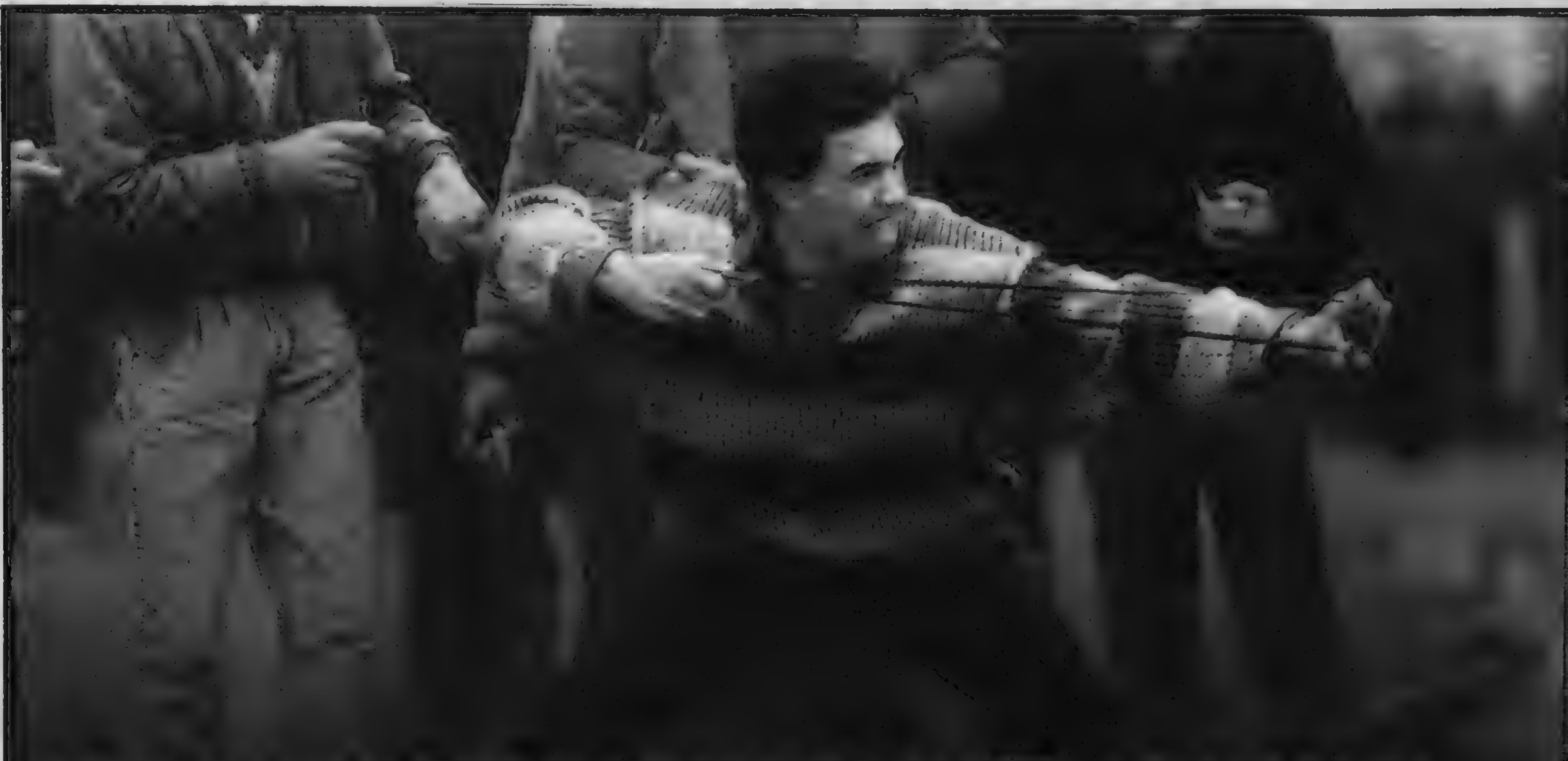
С ее творчеством сегодня знакомы зрители многих стран мира. В течение почти 20 лет она ведет постоянную рубрику «Исторический костюм» в издающемся во Франции журнале «Этюд Советик», а также в изданиях на США, Кубу, ряд других социалистических стран.

«Истинным поэтом костюма» назвал Лейлу Брюн «Штерн»... А «Вог» писал, что ее живопись на тему моды близка по духу фантазмагории Гоголя...

Как сохранить притягательность народного костюма в наши дни? С помощью каких средств найти гармоническое сочетание национальной самобытности и требований сегодняшней моды? Как сделать живым выставочный экспонат? — вот вопросы, на которые Лейла Брюн пытается ответить всем своим творчеством.

Инна ВАСИЛЬКОВА

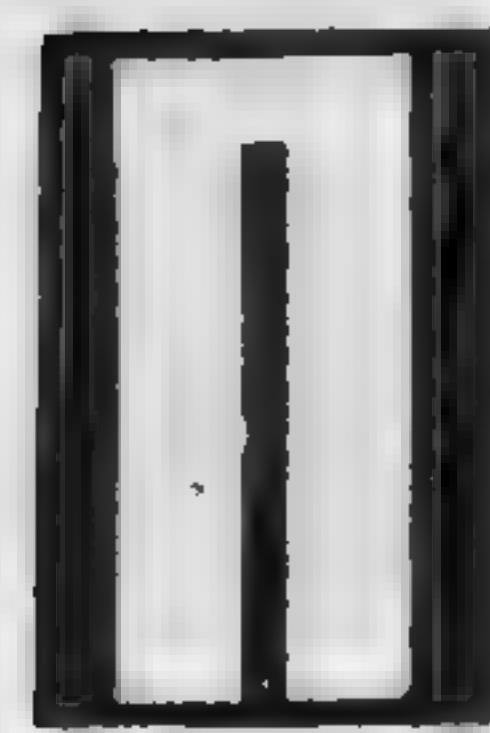

МЫ-ПАЛЕСТИНСКИЙ НАРОД...

В ТОТ ДЕНЬ ОНИ ПОЗДНО ВЫШЛИ НА УЛИЦЫ. В ПОДЪЕЗДАХ ДОМОВ, У СТЕН ПОЛУРАЗРУШЕННЫХ ЗДАНИЙ, У СТАРЫХ КОЛОДЦЕВ НА ОКРАИНАХ ПРОХОДИЛИ ДЕСЯТКИ КОРОТКИХ СОВЕЩАНИЙ — ГДЕ ДЕЙСТВОВАТЬ НА ЭТОТ РАЗ, КТО БУДЕТ В ПЕРВЫХ РЯДАХ АТАКУЮЩИХ, ТО ЕСТЬ БРОСАЮЩИХ КАМНИ В ОККУПАНТОВ, ПРИКРЫТЫХ ПЛАСТИКОВЫМИ ЩИТАМИ И ШЛЕМАМИ С ПРОЗРАЧНЫМИ ЗАБРАЛАМИ. САМЫХ ЛОВКИХ, САМЫХ ВЕРТКИХ И ГИБКИХ ВСЕГДА НАЗНАЧАЛИ В АВАНГАРД — ТАКИМ УДАВАЛОСЬ ОВЕРНУТЬСЯ ОТ УДАРА ДУБИНКОЙ, ОТ РЕЗИНОВОЙ ПУЛИ, УБЕЖАТЬ, ВЫСКОЧИТЬ ИЗ ЗОНЫ ДЕЙСТВИЯ ГРАНАТ СО СЛЕЗОТОЧИВЫМ ГАЗОМ.

Рами АШ-ШАЕР,
палестинский публицист

П остроившись редкой цепью, с карманами, туго набитыми камнями, ребята двинулись по улице. Были напряжены, ожидая патруль оккупантов. Обычно из-за поворота на горке появлялся «додж» с двумя пулеметами и длинной антенной, останавливался у руин взорванного еще в 1967 году здания, и из него не спеша появлялись израильтяне в бронжилетах и с автоматами на изготовку.

Но сегодня «доджа» не было. Вместо него из-за поворота выкатилось странное сооружение с бронированным корпусом и с башенкой из пуленепробиваемого органического стекла. Мальчишки даже опешили, увидев этого уродца, не похожего ни на одну из виденных ими машин. И вдруг из толстого ствола ма-

шины с грохотом понесся крупный гравий — он сыпался на головы, на плечи, на руки, сдирая кожу и оставляя кровоподтеки.

То был «мобильный камнемёт» — одно из последних достижений израильской военно-технической мысли, порождение оккупационного менталитета.

Когда-то по лучшим образцам южнокорейской, чилийской, южноафриканской «противоповстанческой» техники в Израиле создали «командкар» — броневик, разбрасывавший гранаты со слезоточивым газом, снабженный брандспойтом, радиостанцией да еще аппаратом для фотографирования «смутьянов» — участников демонстрации. Но этот монстр, палящий камнями по толпе, — он был качественно новым средством для ведения борьбы против палестинских масс. Вы бросаетесь камнями? Так вот вам — ливень из гравия, чтобы несправедливо было выходить на демонстрации протеста. Вот вам раны и ушибы, чтобы вы увидели, насколько мы сильнее. Мы, дескать, делаем то же, что и вы, но показываем при этом, что делаем это на технически более высоком уровне, — мы задавим вас своей технической оснащённостью...

Мальчишки отхлынули, рассыпались по дворикам. Кто-то побежал к старому грузовику, чтобы набрать в бутылку бензина и, вставив в нее самодельный фитиль, швырнуть в бронированный камнемёт. Но было поздно. На поддержку камнемёту уже выкатились на улицу броневик, несколько «джипов», из которых выскочили хохочущие солдаты. Они были довольны произведенным эффектом...

А из окон домов, из подворотен, из-за куч строительного мусора неслось: «Ничего... мы и это стерпим... придет и наш час»...

Я не буду называть его имени. Он просит не делать этого, потому что верит, что рано или поздно вернется на оккупированные территории и присое-

динится к своим товарищам по борьбе за освобождение и самоопределение своего народа.

Могу только сказать, что ему нет еще семнадцати лет и что он был одним из самых отчаянных парней на своей улице. Когда началось палестинское восстание на Западном берегу и в секторе Газа, он вместе со своими сверстниками вышел на улицу, чтобы принять участие в массовых выступлениях протеста.

Он не успел бросить ни одного камня — в него попала пуля. В тот момент, покотившись от боли по мостовой, он даже не представлял, насколько опасна рана. Пуля повредила позвоночник.

Подождевший израильский солдат огляделся вокруг, наклонился к нему, потрогал намокавшую от крови рубашку. Что-то крикнул своему напарнику, держащему на мушке толпу подростков, а потом поднял раненого юношу и перебросил его через плечо, чтобы отнести к стоящему неподалеку «джипу». Он не знал, конечно, к чему это может привести. Поврежденный позвоночник юноши переломился.

Сколько времени пролежал он на дне «джипа»? Как долго его везли в госпиталь? Кто оказывал ему первую помощь? Что случилось с его товарищами, бывшими в тот роковой день рядом с ним? На все эти вопросы он ответить не может. Но он подробно рассказывал мне о том, что он помнит и что глубоко его взволновало, — о пребывании в израильском госпитале.

Он ожидал другого — настороженных, может быть, даже враждебных взглядов, недоверия, презрения. А встретил заботу, подчеркнутое внимание, даже сострадание. Окружавшие его люди — и врачи, и сестры — делали все, чтобы облегчить его муки, помочь ему поскорее поправиться. Ему казалось невероятным, чтобы те же самые израильтяне, которые с перекошенными от злобы лицами врезались с дубинками в толпу подростков, могли

быть внимательны к нему, палестинскому парню, пострадавшему во время антиизраильских выступлений. Сначала он думал, что это так, для вида, для соблюдения внешних приличий. Но потом разобрался, что к чему, понял, в чем тут суть дела.

Он просто столкнулся с разными позициями, с разными аспектами одного и того же явления. Те, кто командует солдатами, расстреливающими демонстрации в секторе Газа и на Западном берегу Иордана, как и те, кто создал оккупационный режим на захваченных в 1967 году палестинских землях, — они действительно не испытывают ничего, кроме враждебности, к палестинскому народу в целом и к каждому палестинцу в частности, проявляют презрение к человеческой жизни, безразличие к судьбе палестинских подростков, становящихся жертвами репрессий. Но сотни тысяч простых израильтян — не только медиков, но и людей других профессий, как он понял, руководствуются в жизни общечеловеческими ценностями. Для них небезразлична человеческая жизнь, человеческое достоинство — а значит, небезразлично, продлится ли оккупация палестинских земель, продлится ли война в регионе.

И еще он понял — по обе стороны баррикад все больше людей стремятся к справедливому миру. Одни — готовы пролить свою кровь для того, чтобы справедливый мир настал, а другие — не хотят проливать чужую кровь, чтобы сохранить оккупацию во что бы то ни стало. Это значит, мир не за горами; значит, жертвы были не напрасны; значит, недалек тот день, когда справедливость восторжествует и его народ обретет свою настоящую судьбу.

Люди по обе стороны баррикад. Кто они?

Я хочу сказать о них несколько слов — не тех, что обычно звучат с трибун, в радиопрограммах, в политических дебатах. Я хочу сказать о них то,

что думаю я, и то, что думают сегодня многие, не один я.

Во-первых, мы — палестинский народ. Кто мы? Откуда идем — из тьмы веков или о нас узнали недавно? Правда ли, что все мы — пришельцы из других краев, поселившиеся в Палестине за век-другой до того, как было создано государство Израиль? Или мы — потомки племен, осевших на этой земле тысячелетия назад?

Есть и те, и другие. По бескрайним пустыням Ближнего и Среднего Востока почти не скитаются уже бедуинские племена — большинство кочевников нашли себе пристанище. Но столетия назад миграция арабов была несравнима даже с той, которую вызвал бурный двадцатый век: семьи, племена, целые народы перемещались на огромные по тем временам расстояния. Находили клочок земли, не занятый другими семьями, выращивали скудный урожай, пасли скот, растили детей. Потом, перемещаясь с теми, что пришли сюда раньше, создавали общину, деревню.

В Палестине жили евреи и арабы, и мы, палестинцы, мало чем отличались тогда от еврейского населения. Да и сегодня, сравнивая этнос евреев — не иммигрировавших в Израиль, а коренных жителей Палестины, — я иногда думаю, что они сто лет назад вряд ли выделялись бы в толпе арабов в любой арабской стране — Йемене, Египте, Сирии.

Пусть что хотят говорят приверженцы идеи «богом избранного еврейского народа» — арабы и евреи имеют глубокие общие корни. И вот это, пожалуй, делает ближневосточный конфликт особенно трагичным, особенно бессмысленным.

С чего он начался? С амбиций арабских монархов, не желавших допустить, чтобы здесь, в центре арабского мира, образовалось еврейское государство? С сионистских идей заселения «обетованной земли» одними евреями? Или с хитроумных маневров британских стратегов, планировавших реализацию на земле подмандатной Палестины тезиса «Разделяй и властвуй»? Или еще раньше — с попыток римских императоров расселить евреев из Палестины по задворкам великой империи? Или, наоборот, с попыток мусульманских владык средневековья разделить Палестину между своими вассалами?

Здесь трудно найти одну причину — здесь сотни, тысячи причин, переплетающихся настолько, что трудно обнаружить, где прослеживается одна, где вступит в действие другая. Разве сегодня так легко найти корни конфликта, разве сможем мы выделить главных виновников исторических драм? Но мы, люди XX века, тем и отличаемся от древних тиранов и средневековых владык, от темных и фанатичных людей далекого прошлого, что способны переступить через века вражды, через реки ненависти, через бескрайние поля недоверия. Мы либо должны забыть и начать все сначала, либо лететь, как в испорченном лифте, в шахту мракобесия и взаимной жестокости.

Все, что мы знаем сегодня о ходе арабо-израильского конфликта, все, что происходит на Западном берегу Иордана и в секторе Газа, увы, не свидетельствует о том, что мы, народы Ближнего Востока, поднялись над прошлым — мы еще у него в плену.

Палестинский народ сегодня — главная жертва отживших представлений об отношениях между людьми и народами, главная жертва бессмысленных и нелепых амбиций, абсурдных идей, расистских концепций.

Конечно, есть среди палестинцев, живущих в арабских странах, в Европе, Азии, Африке, США и Австралии, и бизнесмены, и владельцы отелей, крупных магазинов, строительных компаний, заводов и таксопарков, есть даже миллионеры. Но большинство палестинцев, рассеявшихся по свету — несколько миллионов человек, — живут на нищенскую зарплату, на пособие, выделяемое ООН, на деньги, присылаемые более удачливыми родственниками в других частях земли.

Сказанного достаточно, чтобы представить себе палестинский народ таким, каким его рисовали десять — пятнадцать лет назад, — народом-изгнанником, из недр которого время от времени бил огненный ключ гнева и ненависти. Но сегодня олицетворение палестинского народа — это восставшие города и деревни оккупированных палестинских земель. Это блокированные, отрезанные от внешнего мира лагеря палестинских беженцев, в которых введен комендантский час. Это целые районы, объявленные оккупантами «закрытой военной зоной».

Палестинские массы против режима террора, произвола и жестоких репрессий оккупационных сил! Это формула борьбы, которую ведет сегодня мой народ. Но есть и другая формула — та, что принята израильскими правящими кругами. Она такова: оккупационный режим — с его отлаженной машиной подавления и жестоких расправ — против палестинских масс — и взрослых, и детей.

К концу 1987 года в тюрьмах, концлагерях или центрах для содержания «административно задержанных» находилось семьдесят тысяч палестинцев с Западного берега Иордана и из сектора Газа. По материалам сессии Конгресса неправительственных организаций по палестинской проблеме, состоявшейся в Женеве, за период с 1967 года тюремному заключению подвергались более полумиллиона жителей оккупированных территорий. То есть практически каждый третий палестинец прошел через все круги оккупационного ада.

Мне приходилось читать разные точки зрения по поводу будущего оккупированных палестинских земель. Самой собой разумеется, я особенно внимательно следил за сообщениями, касающимися заявлений и акций израильского правительства в этом отношении. Прежде голоса, если можно так выразиться, распределялись примерно поровну — правые лидеры открыто говорили, что палестинские земли никогда не вернут, лидеры центра и либералы настаивали, что оккупация носит временный характер.

С началом палестинского восстания в конце прошлого года правые стали еще воинственнее, еще агрессивнее. Премьер-министр Шамир — а он сам из стана правых — твердо намерен продолжать прежнюю оккупационную политику и поощрять правых на создание все новых колониальных поселений на палестинских землях. В феврале было принято решение заложить три новых еврейских поселка в районе Вади Ара. Цель этой акции не только в том, чтобы при участии поселенцев осуществлять в конечном итоге контроль над шоссе, идущим от Эмек Израэль к побережью Средиземного моря. Но еще подтвердить курс на «освоение» захваченных земель.

Международное сообщество не раз указывало руководителям Израиля на противозаконность действий подобного рода, были приняты в ООН и соответствующие резолюции. Но маховик аннексии захваченных арабских земель продолжает набирать обороты.

Но это только одна черта режима оккупации, который пытаются превратить в колониальную систему. Другая — это уже созданная и постоянно «совершенствуемая» колониальная экономика.

Сейчас более шестидесяти тысяч палестинцев с оккупированных безработицей оккупированных территорий вынуждены нелегально наниматься на работу в Израиле, чтобы прокормить свои семьи, — это помимо тех, кому разрешено каждое утро пересекать границу и работать на израильских предприятиях. «Нелегальные» рабочие не пользуются никакими социальными правами, их рабочий день длится по десять — двенадцать часов, а их заработная плата составляет лишь около тридцати процентов от средней зарплаты израильтян. Предприниматели присваивают также часть заработков «нелегальных» ра-

бочих, которая вычитается в фонды национального страхования.

Колониальная экономика очень выгодна для израильских бизнесменов, она приносит им несравнимо более высокий доход, чем собственные предприятия. А чтобы существовала колониальная экономика, естественно, необходима колониальная система.

Но этот произвол и массовые репрессии не могут оставить безразличными честных израильтян — они протестуют против беззаконий и нарушения норм международного права на оккупированных территориях. Так, группа израильских адвокатов создала комитет совместных действий с юристами-палестинцами для расследования нарушения прав человека на Западном берегу и в секторе Газа. Они обратились к международным правозащитным организациям с призывом вмешаться, чтобы заставить израильские власти уважать нормы законности и общечеловеческой морали.

Примеру адвокатов последовали и врачи. Они также основали комитет профессионального сотрудничества и следственную комиссию для разбора случаев, когда оккупационные войска препятствуют оказанию медицинской помощи раненым и избитым арабам. Комитет намерен также отстаивать профессиональные и гражданские права медицинских работников на оккупированных территориях, не допускать увольнения врачей-палестинцев за их политические взгляды.

Протест против жестокостей оккупационного режима охватывает все более широкие слои израильского общества. И это естественно, потому что развитие событий в регионе не может не привести к выводу о том, что военным, чисто репрессивным путем палестинскую проблему решить невозможно. Израильтяне, желающие мира и безопасности — а таких, я уверен, большинство, — начинают осознавать, что урегулирование ближневосточной проблемы может быть достигнуто только политическими средствами, на основе признания законных прав и интересов друг друга. Что же касается массовых арестов, пыток и коллективных наказаний — они лишь увеличивают напряженность в регионе, способствуют и росту вражды к Израилю в арабском мире.

В 1984—1987 годах готовность возвратить земли Западного берега и сектора Газа в обмен на мир выражала примерно половина жителей страны. Согласно же опросу общественного мнения, проведенному в Израиле в марте нынешнего года, за отказ от оккупации высказалось пятьдесят девять с половиной процентов еврейского населения. Если же принять в расчет мнение израильских арабов доля тех, кто согласен на формулу «мир в обмен на территории», превышает две трети.

Израильские официальные органы объясняли взрыв выступлений на оккупированных территориях в апреле тем, что палестинское население так отреагировало на гибель Абу Джихада, заместителя главнокомандующего силами палестинской революции, павшего от пуль диверсантов. Это, конечно, верно — гибель любого из руководителей палестинского сопротивления отзывалась болью в сердце восставшего народа. Но главное все же в том, что палестинские народные массы отвечают на смерть своих братьев не вспышкой гнева и отчаяния, а сплочением своих рядов и ростом массовости своих выступлений.

Еще два месяца тому назад я говорил своим коллегам-журналистам из разных стран, что палестинское восстание теперь уже не стихнет никогда — его можно будет ограничивать в масштабах, применяя самые варварские средства подавления демонстраций, его можно подавить в одном каком-то районе, но остановить вообще уже нельзя никакими средствами. Можно пытаться замалчивать происходящие события, но уже нельзя остановить «устный телефон», который действует от дома

к дому, уже нельзя прекратить пропагандистское воздействие «устной газеты», которая выходит на рынках, площадях и улицах.

Да и сама история подмандатной Палестины является достаточно ярким примером невозможности подчинить народы, стремящиеся к освобождению. Арабы и евреи в Палестине, активно сопротивляясь британской оккупации после второй мировой войны, вынудили колониальную державу навсегда расстаться с мечтой сохранить этот стратегически важный пункт Средиземноморья за собой, маневрируя между силами национального сопротивления двух народов.

Как бы ни трактовалась история освобождения Палестины от британского владычества, какими разными ни были бы мотивы антиколониального движения арабской и еврейской общин в подмандатной Палестине, объективно и та, и другая выступали против иностранного засилья, против планов подчинения их интересов интересам других стран, интересам западных монополий, интересам неокOLONIALИЗМА в целом.

Сегодня эти уроки забыты, израильский и палестинский народы разделяет линия огня. Но если процесс восстания необратим, обратима вражда, реальное движение к миру и сосуществованию.

Мы, палестинцы, хотим мира. И мира справедливого.

Конечно, концепции справедливого мира могут быть различными. Но ведь существуют какие-то признанные нормы международного права и межгосударственных отношений, общечеловеческие моральные и нравственные ценности, наконец! Неужели народы не могут совместными усилиями привести к общему знаменателю различные концепции справедливого мира для ближневосточных народов?

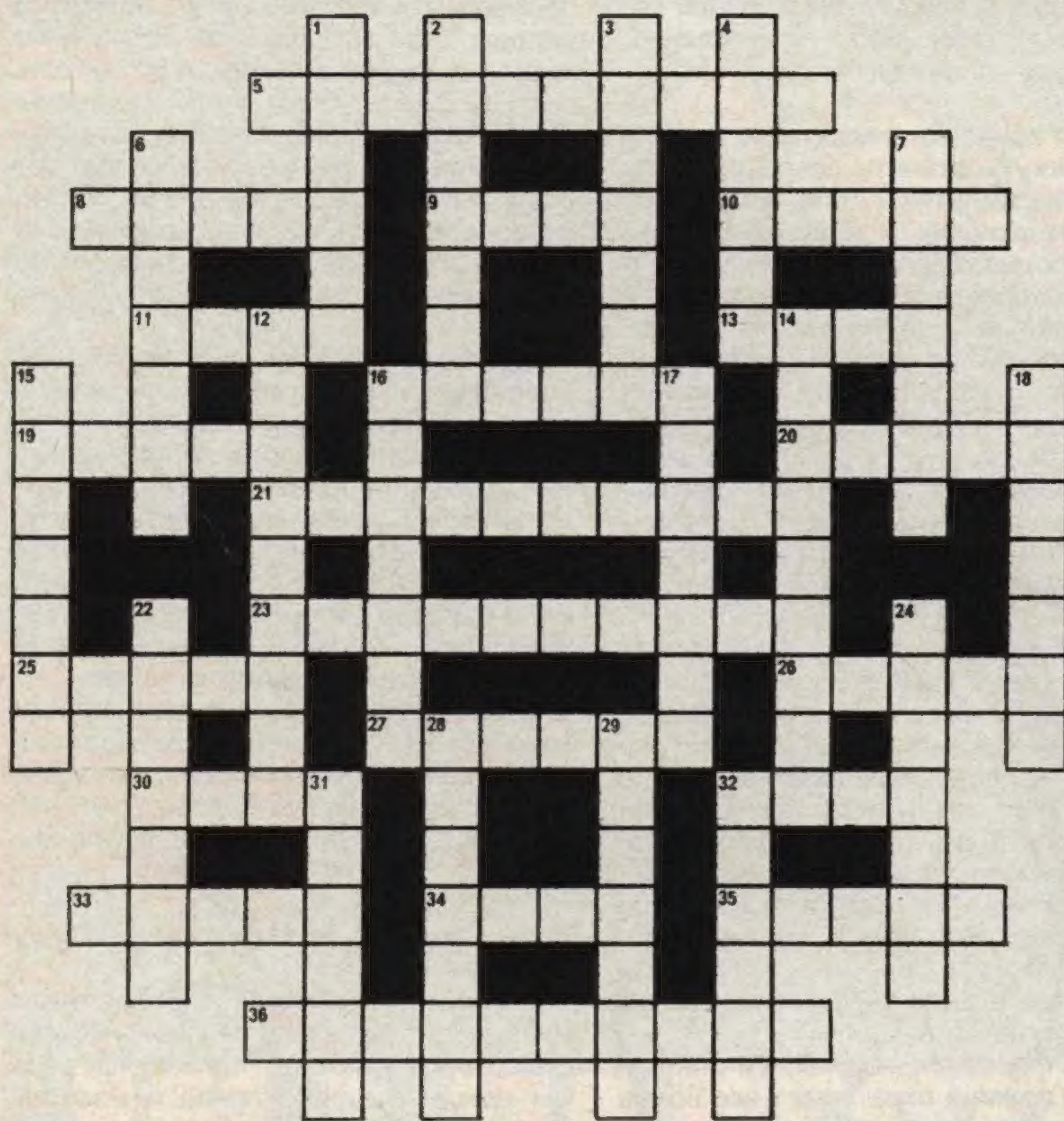
Для этого есть все предпосылки. Не только на международной арене, не только в израильском обществе — и в нашей среде, в нашем движении сопротивления происходят перемены. Движение сопротивления мужает, все больше его участников отказываются от излишне радикальных взглядов, от нереальных планов, от догматической приверженности отжившим доктринам. Новое мышление, становясь политической нормой повсюду на планете, проникает во все сферы общественно-политической деятельности и палестинских масс.

Мы, палестинцы, хотим мира, но не за счет какого-либо из ближневосточных народов. Видный палестинский политический деятель Халед аль-Хасан, выступая на пресс-конференции в Брюсселе, заявил, что Организация освобождения Палестины признает принцип «два государства в одной стране». Мы, реалисты, и принимаем принцип мирного сосуществования двух государств — еврейского и арабского, сказал он. Именно поэтому ООП выступает за проведение международной конференции по ближневосточному урегулированию. Что же касается будущего, то оно в руках самих народов — палестинского и израильского. В наши дни не отчаянный шаг, не безмерная дерзость, не фанатичное самоотречение должны указывать путь народам, какими бы благими намерениями они ни вызывались. А совсем другое: реализм, учет интересов всех сторон, оценка перспектив — политических, экономических и социальных.

Поэтому, говоря о мужестве и стойкости палестинских патриотов, о жертвах и страданиях палестинцев на оккупированных землях, об испытаниях, выпавших на долю палестинских беженцев, я вижу одну перспективу: через борьбу палестинских масс против оккупации к подлинной независимости и мирному сосуществованию.

Это значит, что мы должны идти путем, который даст нам не только мир, но и право сказать о себе: «Мы, свободный палестинский народ...»

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Форма организации коллективного труда. 8. Навигационный плавающий знак. 9. Спутник Сатурна. 10. Раздел судовождения. 11. Отдельное помещение в пассажирском вагоне. 13. Река, впадающая в озеро Балхаш. 16. Рассказ А. П. Чехова. 19. Областной центр в СССР. 20. Небольшое речное судно. 21. Брус, носовая оконечность судна. 23. Научный метод количественных исследований. 25. Южное растение семейства кувшиновых. 26. Вулканический остров в Тихом океане. 27. Мужская статуя, поддерживающая перекрытие. 30. Двусторонний причал. 32. Греческий остров в Средиземном море. 33. Лист бумаги с печатным заголовком. 34. Река в Закавказье. 35. Автор сказки «Конек-Горбунок». 36. Вложение капитала в отрасли экономики страны и за границей.

По вертикали: 1. Небесное светило. 2. Высота боковой грани правильной пирамиды. 3. Украинский народный танец. 4. Травянистое декоративное растение, цветок. 6. Летчица-штурман, Герой Советского Союза, участница беспосадочных перелетов. 7. Курорт в Абхазии. 12. Ученое звание. 14. Строй кораблей, следующих один за другим. 15. Русский живописец. 16. Действующее лицо в пьесе А. Н. Островского «Гроза». 17. Минерал, драгоценный камень. 18. Советский боксер, двукратный чемпион Олимпийских игр. 22. Место постройки судов. 24. Зимний вид спорта. 28. Русский историк XVIII века. 29. Советский писатель. 31. Тригонометрическая функция. 32. Предоставление товаров, денег в долг.

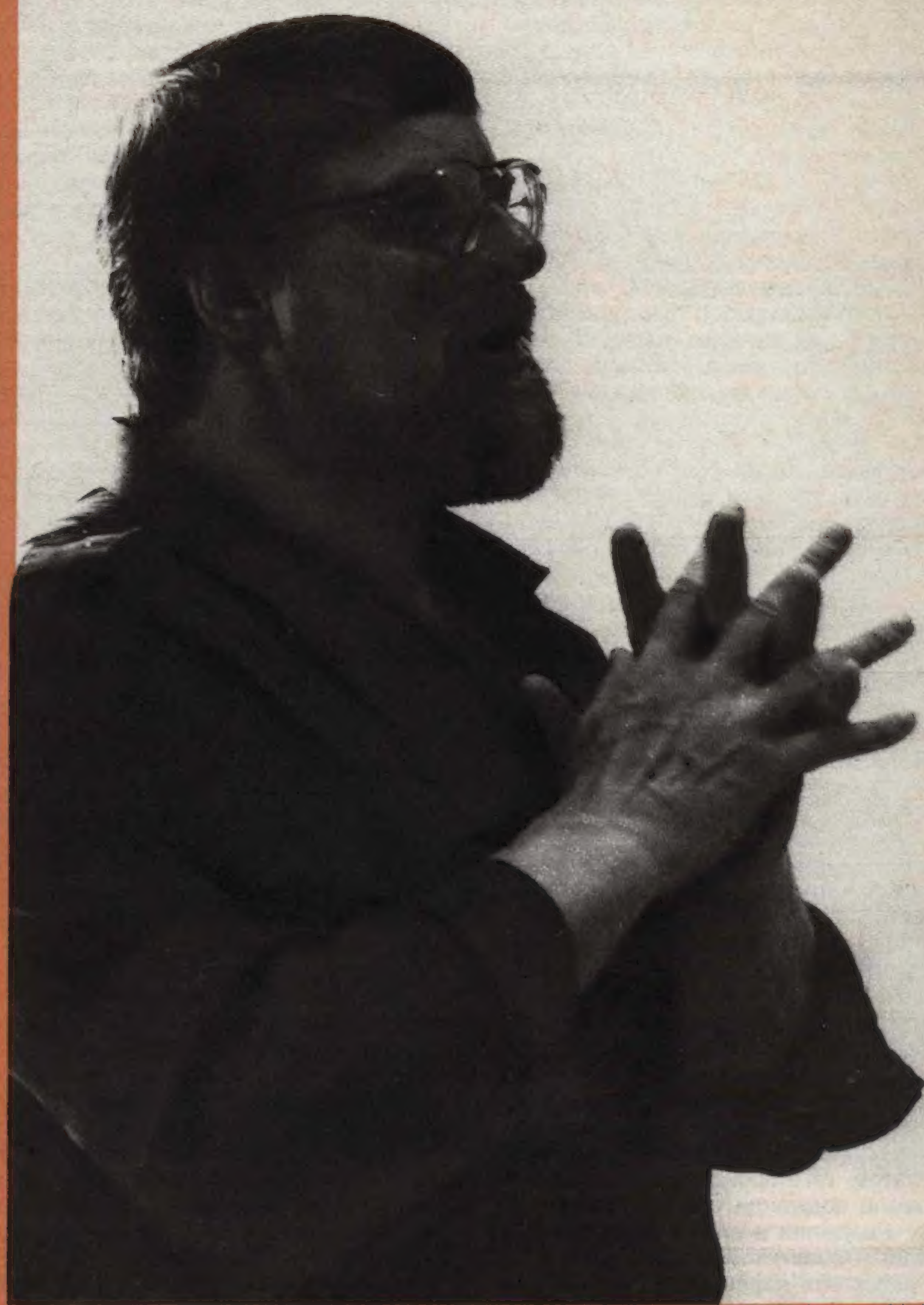
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. «Собеседник». 6. Рационализатор. 8. Усмань. 9. Кета. 10. Ирасек. 12. Динамика. 14. Байконур. 16. Диск. 18. Президиум. 19. Регламент. 20. Неон. 21. Стенолаз. 24. Характер. 29. Турнир. 30. Фата. 31. Тритон. 32. Днепропетровск. 33. Архитектор.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Норильск. 2. Черника. 3. Адмирал. 4. Пирамида. 6. Румба. 7. Руссо. 8. Университет. 11. Крузенштерн. 13. Мурильо. 15. Кабарга. 16. «Демон». 17. Корин. 22. Народ. 23. Аэропорт. 25. Астроном. 26. Котик. 27. Эфиопия. 28. Тактика.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Николая БЕЛЕВЦЕВА (г. Белгород).

ВАЛЕНТИН ДИКУЛЬ: ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Дмитрий ЛИХАНОВ,
Дм. ДЕБАБОВ (фото)

ОН ШЕЛ В ГРИМЕРНУЮ. ТО И ДЕЛО СМАХИВАЯ С ЛИЦА КРУПНЫЕ КАПЛИ ПОТА. С ТЕХ ПОР КАК МЫ НЕ ВИДЕЛИСЬ. СИЛОВОЙ ЖОНГЛЕР ВАЛЕНТИН ДИКУЛЬ ЗДОРОВО ИЗМЕНИЛСЯ. УСТАЛОСТЬ, КОТОРАЯ ПРЕЖДЕ ЕДВА УГАДЫВАЛАСЬ В ЕГО ГЛАЗАХ, ТЕПЕРЬ ИХ ПРОСТО ПЕРЕПОЛНЯЛА. Я ЗНАЛ, ЭТО БЫЛА НЕ ПРОСТО УСТАЛОСТЬ. ЭТО ИЗМОЖДЕННОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ИЗРАСХОДОВАЛ СЕБЯ ПОЧТИ БЕЗ ОСТАТКА. ДО ДОНЫШКА. И ТОЛЬКО СИЛА ТЕЛА ПОДДЕРЖИВАЕТ В НЕМ ЕЩЕ СИЛУ ДУХА.

С этого, собственно, и начался наш разговор.

— Я тут опять приболел, — сказал Валентин Иванович, — простудился да потом еще ногу вывихнул. Вот теперь вхожу в норму. Ну и битва за центр, само собой разумеется, подкосила.

— Трудная была битва?

— Ну, вначале все вроде было нормально. В конце прошлого года меня принял министр здравоохранения СССР Е. И. Чазов. Выслушал он

меня внимательно, задавал много вопросов, вникал. Как я понял из этой беседы, министр полностью разделяет мои взгляды на проблему реабилитации и готов всячески содействовать, дабы эту проблему решить.

Заниматься мной было поручено заместителю министра здравоохранения А. М. Москвичеву. И тут началась канитель.

Распоряжения зам. министра просто-таки игнорировались нижестоящим бюрократическим аппаратом: мол, это не положено, а то нельзя. Вспоминаю, как всячески отбрыкивались от нас районные отделы здравоохранения, и дрожь по телу! Никому не хотелось брать на себя лишнюю обузу, никому не хотелось отдавать нам хоть плохонькое, но какое-то помещение. Наконец, уговорились с Краснопресненским районом, выделили нам две тридцатиметровые палаты и комнатку в старом, ни на что уже не годном здании, которое, ко всему прочему, находится в аварийном состоянии.

— И вы взяли?

— Многие так говорят, дескать, можно было поискать что-нибудь получше. Можно, согласен. Но в нашей помощи ежедневно нуждаются даже не десятки — сотни людей. Так что выбора не оставалось. А волянуть с этим делом и дальше было бы просто преступлением.

— Но ведь есть еще центр спинномозговой травмы, где, как мне известно, уже в течение трех лет практикуют вашу систему реабилитации.

— Все так. Через этот центр прошло уже несколько сот человек, здесь прошли практику более ста врачей-специалистов из разных концов страны. Но, сами посудите, смогут ли поднять на ноги всех спинальных больных шесть врачей-энтузиастов и небольшое отделение на шестьдесят коек? Тем более если учесть, что сейчас туда приезжает множество больных из-за рубежа, в частности принц Мали прибыл недавно, и иностранцам, как ты знаешь, в силу нашего непонятного гостеприимства отдается некоторое предпочтение. Так что отделение реабилитации всесоюзного центра спинномозговой травмы не решает всех наших проблем. И это ясно как дважды два. Именно поэтому мы взялись за создание нового реабилитационного центра. Теперь-то уже много хлопот позади, а всего несколько месяцев тому назад ох и трудно же было. Сами сделали ремонт, потому что ремонтную бригаду, естественно, днем с огнем не сыщешь, наши врачи на свои деньги купили какие-то необхо-

димые мелочи, я приобрел тренажеры на тысячу с лишним рублей, набрали — опять же с огромным трудом — специалистов: трех методистов и двух врачей лечебной физкультуры. Открылись, начали работать. Почти ежедневно в наш центр, если можно так назвать эту развалюху, приходит около пятидесяти инвалидов. Занимаемся с ними, обучаем их родственников нашей системе реабилитации. Что же, хоть и медленно, но дело сдвинулось с мертвой точки. И это радует.

— Валентин Иванович, мне, однако, известны и другие примеры, когда ваша система вызывает неподдельный интерес и находит рациональное использование. Я имею в виду отношение, которое встретила система Дикюля у зарубежных врачей. Они-то живо схватились за столь, с одной стороны, простую, с другой же — дешевую систему реабилитации спинальных больных. А если учесть, что система до сих пор не запатентована, для Запада это вообще находка.

— К сожалению, все это так. Куда бы из западных стран я ни приезжал, везде к моей системе проявляется такой живой интерес, что просто диву даешься тому безразличию, которое она встречает на родине.

Недавно приезжал ко мне японский профессор Мураи — большой специалист в области реабилитации. Пришел сюда, в цирк, все облазил, все пощупал, обо всем выспросил, фотоаппаратом своим пощелкал. Спасибо, говорит, это гениально, такого в мире больше нету. Уехал. Потом присылает письмо, мол, так и так, мы тут у себя в Японии открываем клинику, которая будет работать по вашей системе, и, если вы не против, в скором времени приедем с ее сотрудниками кое-чему у вас подучиться.

Адвентисты седьмого дня приходили. Предлагают построить на свои деньги две клиники. Одну в США, другую в нашей стране, просят, чтобы я эти клиники возглавил. Я им отвечаю: мол, это невозможно, у меня даже врачебного диплома нет. Ничего отвечают, это не важно. Вы сделали выдающееся открытие в области реабилитации, и любая цивилизованная страна, тем более США, присвоит вам ученую степень.

Словом, предложений из-за рубежа великое множество. Мало того, в восьми странах по моей системе уже работают суперсовременные центры реабилитации.

Не из похвальбы говорю все это. Просто обидно за расхлябанность и всеобщую незаинтересованность, которые в отечестве нашем расцвели пыльным цветом, обидно за тысячи инвалидов, которые вынуждены пробираться к выздоровлению через бюрократические барьеры и чиновничьи рогатки, а их состояние должно зависеть от прихоти какого-нибудь мелкопоместного чиновника. Чего греха таить, и за себя тоже обидно: сколько лет отдано этому делу, и вдруг выясняется, что государству нет до него никакого дела. Нет, я тебе тут не плачусь и не о какой-то своей выгоде забочусь. Просто очень хочется помочь всем тем, кто в моей помощи нуждается.

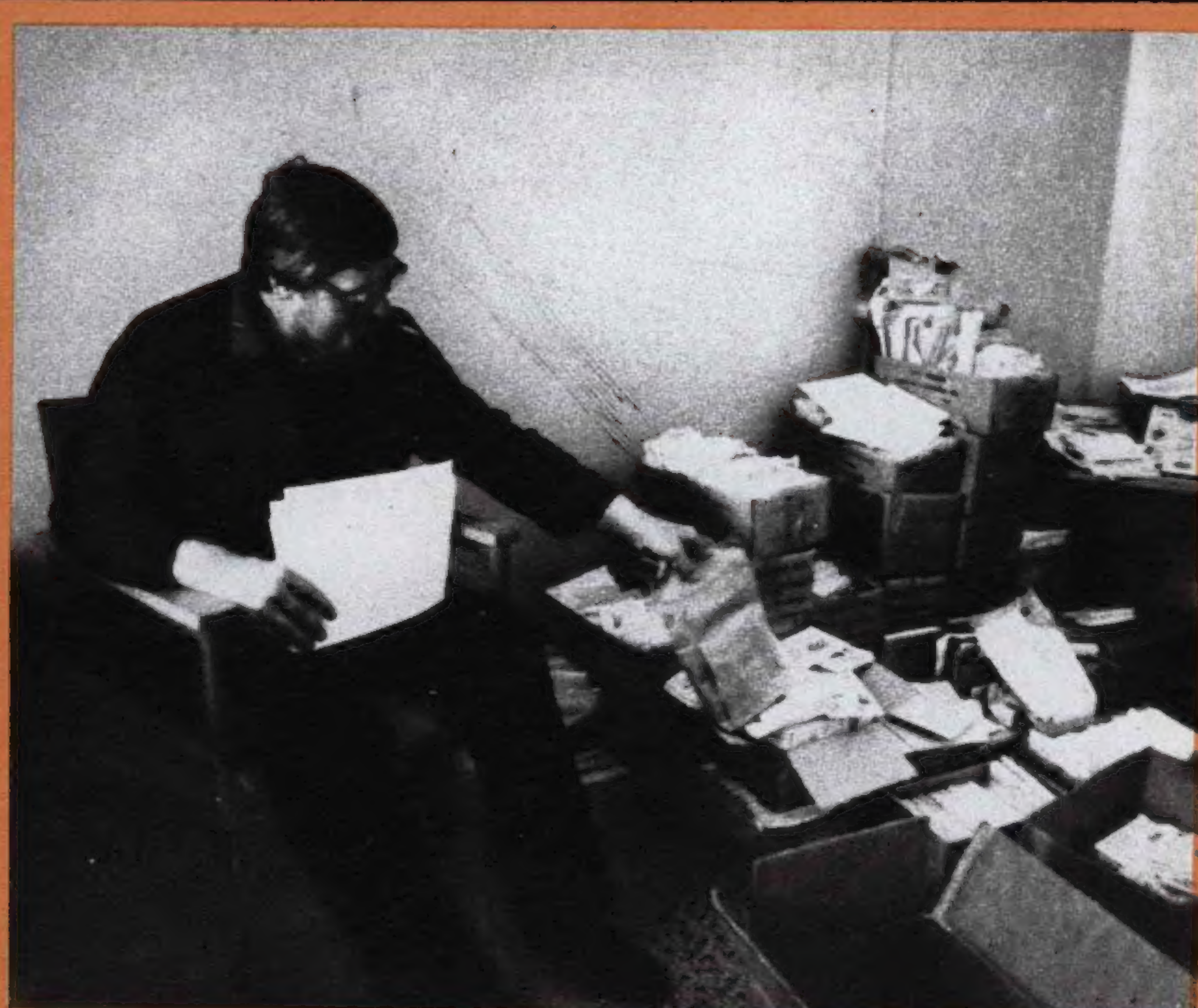
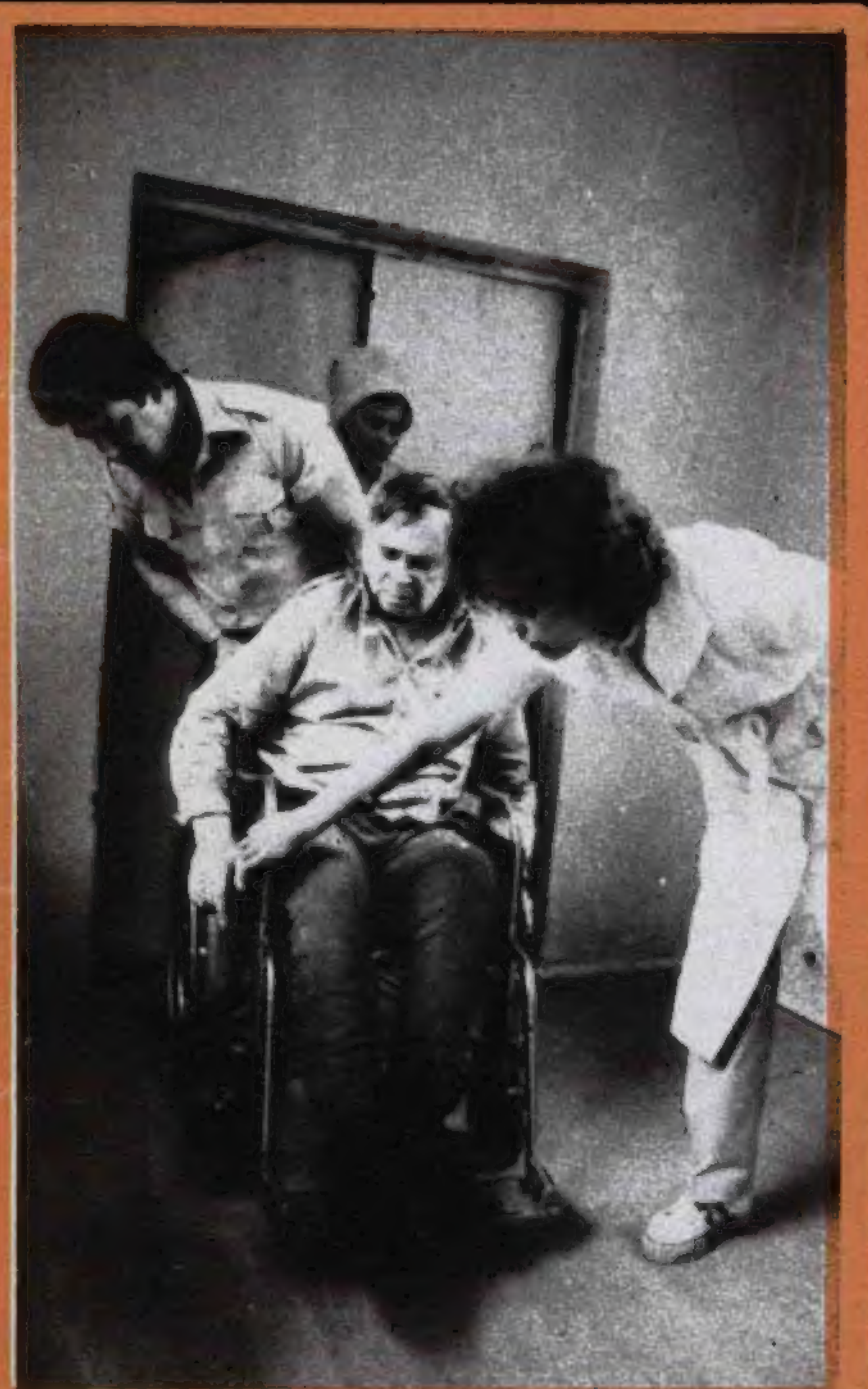
А что касается патента, я просто глубоко убежден, что в недалеком будущем мы будем платить за эту

систему реабилитации валютой. И платить недешево. Такие дела.

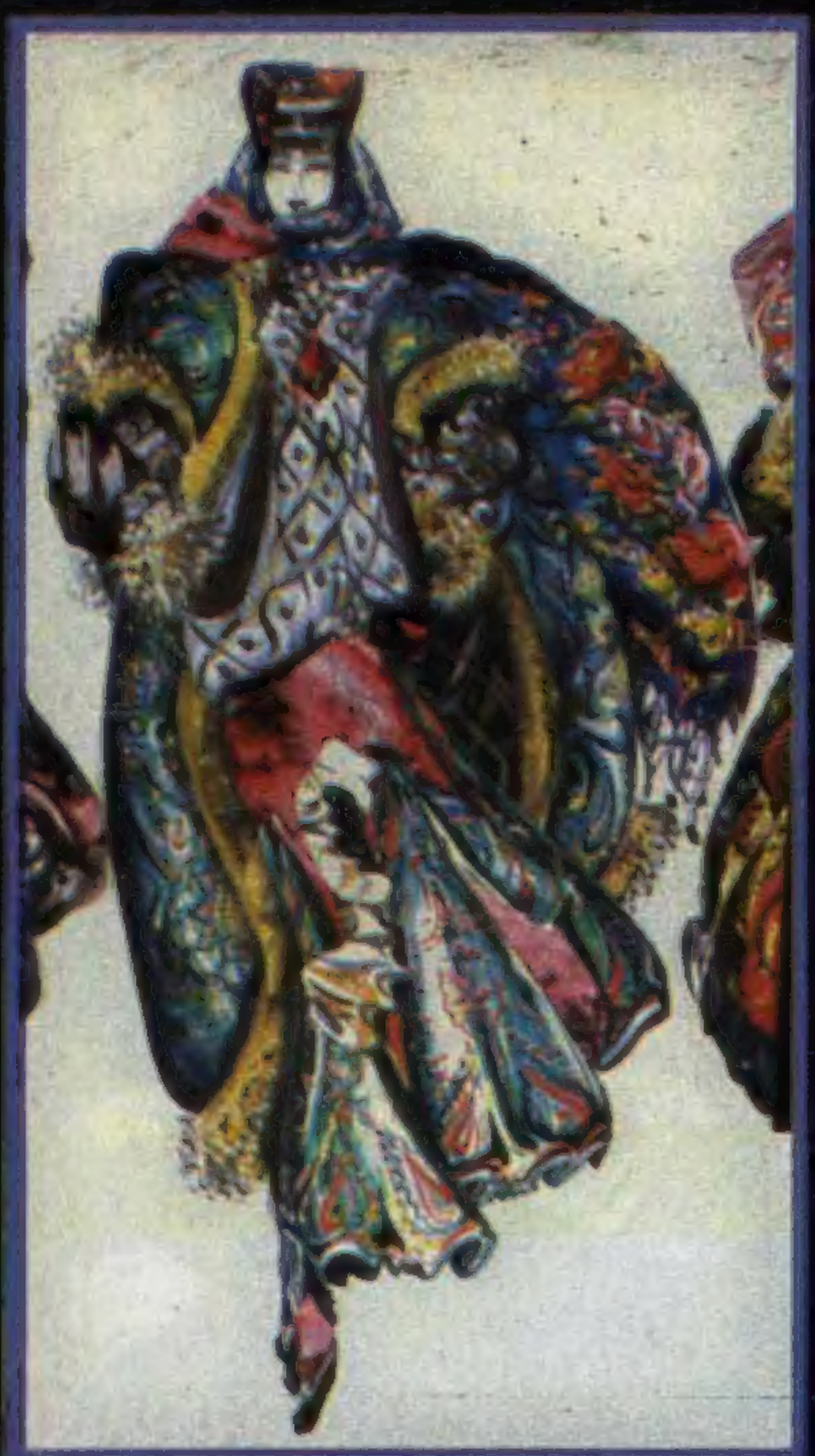
— Горько слышать все это, Валентин Иванович, однако есть ведь, наверное, и добрые вести?..

— Ну, конечно. Без них и вовсе руки опустятся. Не так давно подписал издательские договоры на выпуск двух книжек, дочка снялась в кино. Говорят, удачно. Кинорежиссер Никита Михалков на сей раз в качестве продюсера намеревается сделать обо мне большой фильм. Для участия в съемках пригласят известного американского актера Арнольда Шварценегера, с которым мы будем демонстрировать комплекс силовых упражнений. Ну вот, кажется, и все.

ОТ РЕДАКЦИИ: Посвятив Валентину Ивановичу Дикюлю уже несколько своих статей, наш журнал намеревается и впредь рассказывать читателям о непростой судьбе этого замечательного человека, чья жизнь неотрывно связана с милосердием. Так что продолжение следует.

«Я ХОЧУ ВДОХНУТЬ ЖИЗНЬ В ЗАСТЫВШИЕ ЗА СТЕКЛАМИ МУЗЕЕВ НАРОДНЫЕ КОСТЮМЫ, УВИДЕТЬ ИХ В ДИНАМИКЕ, В ДВИЖЕНИИ, СЛИТЫЕ С ХАРАКТЕРОМ И ТЕМПЕРАМЕНТОМ СВОИХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ. ПРЕДСТАВИТЬ ИХ НЕ ТОЛЬКО ТАКИМИ, КАКИМИ ОНИ БЫЛИ В СВОЕ ВРЕМЯ, НО И ПОПЫТАТЬСЯ ПЕРЕНЕСТИ ИХ В НАШУ СЕГОДНЯШНЮЮ ЖИЗНЬ». — ГОВОРIT МОСКОВСКАЯ ХУДОЖНИЦА ЛЕЙЛА БРЮН. (См. в номере материал «Театр одного художника».)

ISSN 0131-0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

ОГОНЁК